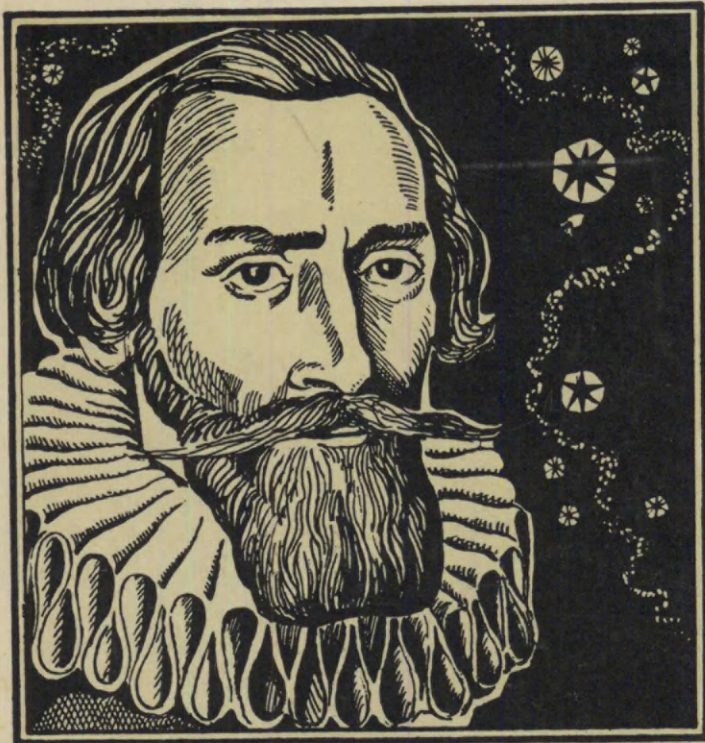

Юрий Медведев

КАПИТАН ЗВЕЗДНОГО ОКЕАНА

**О тех, кто первым ступил на неизведанные земли.
О мужественных людях — революционерах,
кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
кто с детства был настойчивым в стремленьях
и беззаветно к цели шел своей.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1972**

КЕПЛЕР

*Посвящаю учителю моему
Ивану Антоновичу Ефремову.*

А в т о р

Выпуск 25

Юрий Медведев

КАПИТАН ЗВЕЗДНОГО ОКЕАНА

● ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ●

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

● ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ●

Читатель! Ты раскрываешь страницы исторического повествования об одном из величайших астрономов нашей планеты — Иоганне Кеплере.

В 1971 году человечество праздновало 400-летие со дня рождения этого мыслителя. Подобно другим выдающимся личностям Возрождения — Копернику, Галилею, Джордано Бруно, — Кеплера всю жизнь преследовали тяготы и лишения. Несмотря на трудные, порою невыносимые условия существования, Иоганн Кеплер смог силою своего гения постигнуть законы движения небесных светил, законы, которыми наука пользуется и поныне. Он усовершенствовал зрительную трубу, объяснил природу возникновения комет, заложил основы теории тяготения и современной науки бионики. Замечательный немецкий астроном умер в нищете, отравленный, одинокий, оставив в наследство, по его же собственному выражению, «звездное небо — сыновьям всей Земли».

Карл Маркс, отвечая на вопрос о любимых героях, написал в анкете: «Спартак и Кеплер».

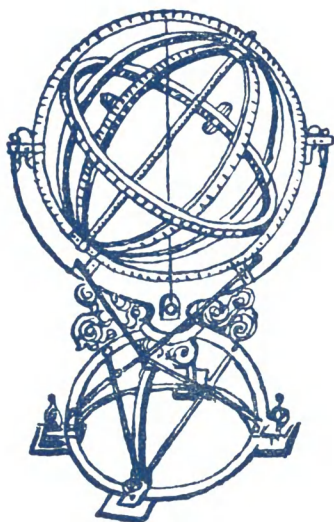

Хроники
времен
имперского
астронома Иоганне-
са Кеплеруса, в коих
вышеозначенный
Кеплерус поначалу
ученик бродячего
фокусника, впослед-
ствии нищенствующий
звездочет
 и наконец
и навсегда
Коричный Океана
Звезд.

В БЛИЗИ БЕРЕГОВ ЖИЗНИ

**МАГИСТР ВСЕХ
СВОБОДНЫХ НАУК**

Чтобы показать Земле, что жители ее недостойны присутствия и пребывания среди них столь замечательных душ, — небеса играют и изумляют людей чудесами, знаменами и всякого рода пророчествами, несогласными с обычными законами природы.

Франсуа Рабле

Красной ручищей огладил бродячий фокусник бороду, потрепал за клюв сидящего у него на плече зело ученого ворона. Недвижно взирала на заходящее солнце птица. Фокусник заголосил:

— Э-ге-ге-й!..

Летучее облако голубей взметнулось с церкви святого Бонифация, закружило над площадью.

— Э-ге-ге-й!..

Старуха выглянула из рыбной лавки, Гертруда-одноглазая, прошепелявила:

— Господь милосердный, ну и голосище-то, отродясь не слыхивала.

Два отрока бежали от ратуши к фокусниковой повозке.

— Э-ге-ге-й!.. Священной Римской империи благочестивые обыватели! Жители достославного града Вейля! Сбирайтесь на представление таинств и чудес! Лаврентий Клаускус, магистр всех свободных наук, великий маг, хиромант, астролог, кладезь пиромантии, гидро-мании*, явит неодолимые метаморфозы плоти и духа!

* Хиромантия, астрология, пиромантия, гидро-мантия — средневековые науки о предсказании судьбы по линиям рук, звездам, огню, воде.

Изгнание беса из прокаженного! Разговор с иноземным вороном Батраччио! Битва пламени с камнем! Летающие цветы!

Магистр всех свободных наук смолк. А вслед за тем — ну и чудо, чудо, чудо! — всю его тираду ворон-иноземец гортанным речитативом воспроизвел, повторил доподлинно.

Вскорости бурлила вокруг фокусника толпа.

Когда Иоганн Кеплер вместе с Марином, другом неразлучным, пробился в первые ряды, кудесник пред очами изумленных горожан обратил три носовых платка в ковер, а ковер в курицу, снесшую тотчас дюжину яиц. Раз! — сложены яйца в корзину. Два! — корзина накрыта пестрой скатертью. Три! — скатерть сама взвигается над головой фокусника, а из корзины один за другим вываливаются желтые попискивающие цыплята, вываливаются и прыгают прямо в толпу. Вслед за тем появляется и бесследно исчезает живой лазоревый фазан; и снует в стеклянной банке стая разноцветных рыбок (фьюиты! — и рыбки уже не рыбки, а ленты узорчатые); и плавают над толпой подснежники, легкие, как светлячки.

Магистр раскланивается, пускает по кругу оловянную чашу. Глядь — а она медяками уже полна доверху.

— Теперь предсказание грядущего по ходу светил! — кричит фокусник, ссыпая монеты в кожаный мешок.

— По взаимному расположению планетных кругов! — рокошет Батраччио, ворон зело ученый.

Пуще болезней, рождаемых тьмой,
Бойся старух криволицых.
В граде Нюрнберге грядущей зимой
Дьявол сожрет дьяволицу.

Будут все грешники унесены
В Рейн наводнением весенним,
Ведьмы и лешие поглощены
Жутким землетрясением.

Затаил дыхание народец, дивится на предсказателя, на ворона его говорящего. А Иоганн с Мартином ни живы ни мертвы стоят — чудо, чудо, чудо! Ссыпал денежки в мешок кожаный, огляделся окрест магистр Клаускус, вопрошает:

— Ну, судьбу нагадать кому? Старикам — про блаженство вечное, молодым — про тайны сердечные. Хочешь знать, что ждет впереди? Не робей, скорей подходи!

Первым, себя не помня, вызвался Иоганн Кеплер.

— Мне нагадайте, господин магистр. Мне судьбу и Мартину судьбу.

Сказал как по наитию и сам испугался сказанного.

А уж оттесняет, оттесняет их от повозки рыжий верзила Якоб, сторож с виноградников, сам небось норovit испытать судьбу. Но не тут-то было! Справедлив чудодей Клаускус, да и ворон зело ученый не мигая уставился на детину рыжего, осуждающе воззрися.

Подзывает фокусник к себе Иоганна, разглядывает на ладони линию судьбы. Невелика ладонь отрока, кленовому подобна листу.

— Тебе сколько годов, дитя? Когда улицезрел благодать земную, спрашиваю?

— В году тысяча пятьсот семьдесят первом от рождения Христова, — отвечает Иоганн. — Декабря двадцать седьмого дня.

— Под знаком Стр-р-рельца! — кричит ворон, кричит и трясет хвостом.

— Под знаком Стрельца рожден ты, отрок, во власти особенной силы Марса. А известно из премудрости астрологической: Марсу подчинены войны, равно как и темницы, браки и ненависть. — Магистр оглаживает бороду ручищей красной, гортанно, нараспев, прорицает: — Те, кто находится под влиянием Марса, бывают людьми суровыми, жесткосердными, неумолимыми, коих нельзя убедить никакими доводами. Они обыкновенно много едят, могут переваривать большое количество мяса, сильны, крепки, властны, с налитыми кровью глазами, с жесткими волосами, нисколько не расположены к дружбе и любят всякие работы с огнем и раскаленным железом... Марс отмечает медиков, брадобреев, мясников, позолотчиков, поваров, булочников, людей всяких занятий, свершаемых при помощи огня, а особенно артиллеристов и военных. Рожденному под Стрельцом, во власти Марса, быть тебе, отрок, полководцем великим!

Захохотал народ, загоготал, засвистал, заулюлюкал. Где видано, чтоб внук ведьмы, сожженной за колдовство, в великие вышел полководцы? Чтоб славным рыцарем стал недотепа, подтирающий пену пивную в трактире «Веселый ночлег», заморыш, в лохмотья обряженный, оспою переболевший, грязный, хилый, подслеповатый!

— О-хо-хо-хо-хо! — заливается хохотом рыжий верзила — сторож с виноградников.

— Ну уморил, хиромант! — покатываются со смеху швеи и лудильщики, ландскнехты* и гончары, крысоловы, трубочисты, хлебопеки. И не только простолюдинов одолевает веселье — потешается сам господин судья вкупе с семейством: с тощей, как розга, супругой и

* Ландскнехты — наемные воины.

пятью дочерьми, благоухающими сильнее, но не лучше, чем бальзам.

Ах, магистр, магистр Клаускус! Не поспеешь ты беса изгнать из прокаженного, обывателей зачаровать битвой пламени с камнем. В бело-голубом камзоле пробирается сквозь толпу стражников, древком алебарды расталкивает людишек, грамоту с печатью раскатывает:

— Ти-хо! Ти-хо! Повеление магистрата!

Замолкли все, затихли, уgomонились. С властями достославного града Вейля шутки плохи.

— Повелением магистрата предписать прорицателю, дабы он покинул город и искал себе пропитание в другом месте!

— В др-р-ругом месте! — выше крестов церкви святого Бонифация взлетел крик ученого ворона.

— В равной мере повеление сие касается иноземной птицы, противу божеским законам изрекающей словеса человечьи!

— Изр-р-рекающей! Изр-р-рекающей!

— И взять с прорицателя и его богопротивной птицы клятву властям за сей приказ не мстить и никаких препятствий не учинять!

Немного спустя мерин в драной попоне выволочит фургон из крепостных ворот и затрусит по косогору к недалекой деревушке, к постоялому двору, к трактиру «Веселый ночлег». Верхом на мерине, сапожищи припечатывая к оглоблям, проследует магистр Клаускус, вместе с молчащим, нахохлившимся вороном.

Мимо старухи, волочимой святыми отцами-иезуитами в озеро: ежели ведьма — нипочем не вынесет святое испытание водой — тотчас всплывет со дна.

Мимо четы странствующих богомольцев с изображениями святого Маврикия на шляпах.

Мимо пахаря-горемыки, влекущего плуг по черному полю.

Отныне на долгие сроки запропасться из града Вейля тишь, покой да благодать. Встревожатся горожане; караульные на стенах обеспокоенно станут вглядываться в полночные выси; и ужас вселится в душу дородного господина судьи. А ведь все из-за малости, пустяковины, из-за речи прорицателя дерзкой. Он и повелению магистрата невозмутимо вроде бы внимал, и поклялся заодно с иноземным вороном препятствий не чинить, да, видно, не стерпел самоуправство, надругательство над плотью и духом, и такое заявил:

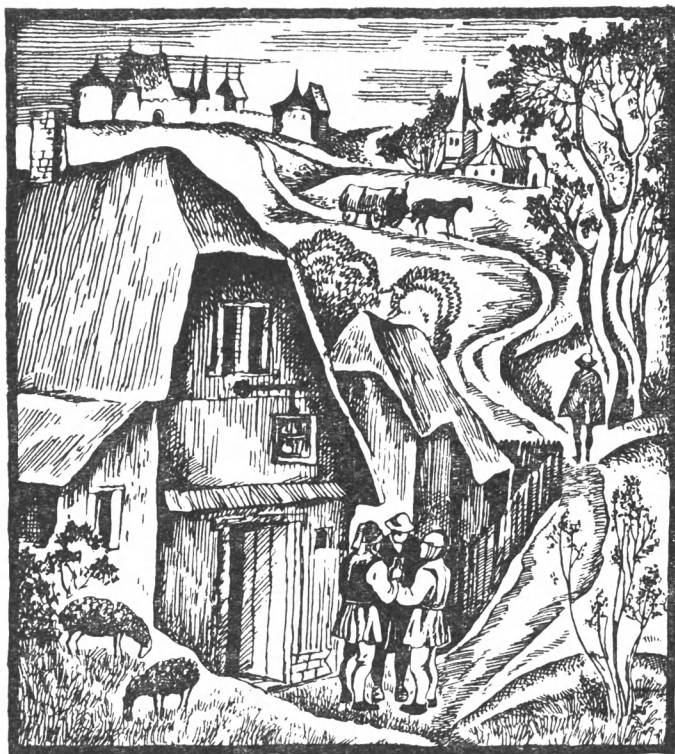
— Почтенные, достопамятные, благорасположенные обыватели! Любезные государи мои! С тех времен, как возле Земли витают Солнце и все прочие малые и великие светила, с тех самых изначальных времен не решался никто усомниться в доброжелательстве магов, пиромантов, астрологов... За что же велено оставить великий ваш град мне и собрату моему Батраччио? За какие смертные или разрешимые грехи, за прегрешения какие? Господа ваши сыты и одеты, они объедаются кровяной колбасой, форелью, шпигом вюртембергским, они запивают трапезу пфальцским терпким вином. Чем же я, магистр всех свободных наук, либо мой старый ворон можем угрожать довольству и сытости сильных мира сего? Знайте же, что я покидаю Вейль, покидаю, хотя мог бы облагодетельствовать убогие будни сего града: я мог бы наколдовать неисчислимые количества войск, повозок и коней, открывать клады, скреплять или разрушать узы брака и любви и даже излечивать волшебными снадобьями все неизлечимые недуги, далеко зашедшую чахотку, сильную водянку и застарелые боли в пояснице. Но меня изгоняют, и, опечаленный, я удаляюсь. В память о моем могуществе я с грядущей ночи оставляю звезду воло-

сатую в здешних небесах. Да будет укором она комета
всем моим гонителям!

И магистр всех свободных наук холодно воззрися
в обителище неба, где вослед уходящему солнцу летели
первые робкие звезды. А ворон, зело ученый Батрач-
чио, проскрипел:

— Пр-р-рощайте и не забудьте о р-рукоплесканиях! *

* Такой фразой обычно заканчивались римские комедии.

ВЕСЕЛЫЙ НОЧЛЕГ

Когда на утомившихся людей
Нисходит сон, сей дар небес священный.

Вергилий

Ночь, как несчетная рать, обложила поросшие бук-
ком холмы. Ночь укрыла весенним туманом луга,
речные излучины, подпустила черноты аспидной
в глубокие омуты, походные неисчислимые
костры зажгла средь небесных полей. Угасла, заснула зоря.
Спит беспробудно великий город Вейль со всеми
своими девяносто четырьмя домами, пятью церквами,
шестью сторожевыми башнями и глубоким рвом. Тяжкие
ворота крепостные замкнуты накрепко; мост на цепях
подъят; конный ты иль пеший, князь ли, простолюдин
ли — все одно: дожидайся рассвета. Только неоткуда
взяться конному, пешему — боязно ночью. Лютый зверь
рыщет в лесах окрестных, и лихие люди — разбойники
(«Стой: живот или кошель!») шалят-пошаливают, и птицы
неведомые в чащобах кричат грозно.

Утихомирилась, в оцепенение погрузилась Священная
Римская империя. И деревушка Леонберг забылась сном.
Даже двух аистов дремота сморила в гнезде на крыше
трактира «Веселый ночлег».

Только не спит по ночам «Веселый ночлег».

...В трактире два пьяных рейтара бражничали, играли
в кости. Бороды и усы у бравых вояк лоснились от пива.
Кубок черной кожи взлетал над грязными пурпурно-белыми
измятыми камзолами, переворачивался в воздухе — хрясть!
— обрушивался на барабан. «Бум! Бум! бум!» — отзывался
барабан. И всякий раз от этого над-

садного «бум!» трактир вздрагивал. Вздрагивала масляная лампа под потолком, вздрагивали подвыпившие поселяне и мастеровые, вздрагивал дремлющий в углу старый монах, крестился усердно.

— Хозяйка! Присовокупь полдюжины... нет, дюжину пива! И холодной телятины! — прорычал обозленный проигрышем рейтар. — Да укажи щенку своему: пусть пену с кружек сдует!

Метнулась к бочке Катерина Гульденман, владелица трактира, нацедила кружку доверху, мясо нарезала. Сына растормошила, Иоганна, сует ему блюдо: бери, бери, мол, неси поскорей, куражатся рейтары, не ровен час, зашибут. А Иоганн не опамятовался еще от забытья, бредет с блюдом тяжеленным, шатается, в глазах — цветы летающие из недосмотренного сна.

Тут ему рейтар смеха ради ножку и подставил.

Оступился Иоганн Кеплер, зацепился за рейтаров сапог, на грязный пол грохнулся вместе с блюдом. Брызги разлетелись по всему трактиру.

— Спишь, ведьмово отродье! — взбеленился рейтар. — Гляди-кась, весь камзол объедками заляпал. Ужо покажу тебе, выродок! — И мечом в ножнах замахнулся.

— Герр офицер! Господин офицер! Помилосердствуйте! — взмолилась Катерина. Взмолилась, на колени пала пред рейтаром пьяным. — Сама, сама проучу недолепу, розгами высеку, три дня в квасе вымачивать буду розги-то. Простофиля он у меня, весь в отца. Тот неведомо где десять годов бродяжничал, то в датских землях, то в испанских, приключений на свою голову искал. А недавно заявился, свалился как снег на голову, да и сунул голову в петлю. Потому как допился, забулдыга, до белой горячки. Травами отпоила, ирода, лежит теперь

на сеновале, белый как смерть. Помилосердствуйте, герр офицер!

Рейтар не унимается, важничает, подмигивает дружку своему.

— Так уж и быть, умолила. Прощу, негодяя, коли дюжину пива — безвозмездно! — притащит и пятна вылижет на камзоле.

— А мне с-сапоги! Яз-зыком! — пожелал другой рейтар.

— Вылижет, вылижет, не беспокойтесь. Ни пятнышка не останется, ни пылиночки, господин офицер! — Катерина начала собирать осколки разбитой посуды.

И тогда на весь трактир раздался дерзкий чей-то голос, а чей — неведомо:

— Сей боров никакой не господин офицер. Солдатишка заурядный.

Рейтар, опустившийся было на лавку, вскочил. Точно рыбина, коварством волны выплеснутая на берег, судорожно хватал он воздух ртом, недоумевая, откуда прилетели немыслимые, несуразные, самонадеянные слова.

— Кто сказал «боров»? Я — боров?!

— Боров. Истинно так. Не будь я магистр всех свободных наук Лаврентий Клаускус.

Весь трактир обернулся туда, куда таращился обескураженный рейтар. В самом дальнем углу, возле окна, где световое действие лампы почти не обозначалось, невозмутимо сидел бродячий факир. Восседал за столиком чудодеев, предрекший волосатую звезду! Хлебными крошками кормил он ворона Батраччио.

— Сейчас ты у меня запляшешь, как петух на углях, жалкий магистришка, — спокойно произнес рейтар.

Кровь застыла в жилах от этого спокойствия у поселян и мастеровых. Даже у старого монаха похолодело

сердце, а уж он-то чего не повидал на своем печальном веку.

Магистр отвечал:

— Сейчас я превращу тебя в пятнистую жабу. А твоего собутыльника — в змия. В крылатого змия. Брюхо у него будет пурпурно-белое, как твой камзол, крылья и спина черные, как твое прошлое, а хвост закручен, как твои усы.

— Мои усы! — вскричал покрасневший враз рейтар и мгновенно сверкнул выхваченным из ножен мечом.

Мгновенный выскерк этот весомей всех иных аргументов свидетельствовал, что попал, не в бровь, а в глаз. Угодил рейтару дерзкий магистр. И действительно, скорее обратиться в жабу пятнистую согласился бы бывалый рубака, нежели видеть закрученный наподобие собственных роскошных усов чей-то хвост.

— Мои усы! — повторил уязвленный воин, и с мечом наизготовку шагнул, как гладиатор, навстречу судьбе. Шагнул, рассуждая приблизительно таким манером. Дабы обратить человека в крылатого змия или хотя бы в свинью, надобно измыслить дьявольское заклинание и какие-то знаки непотребные произвести. Стало быть, на заклинание и на знаки уйдет время, никак не меньше минуты, тогда как обрубить негодяю нос и уши — один миг!

— Ни шагу дальше! Ни с места! Мой пистолет р-разглядывает твоё бр-рюхо!

...По прошествии полувека Иоганн Кеплер снова припомнит ужасающие подробности этого происшествия, когда невозмутимый магистр левою рукой кормил хлебными крошками сидящего у него на плече ворона, правую же целился из пистолета прямо перед собой.

Рейтар, слышав речь Батраччио, отшатнулся. Меч швырнул в ножны. Перекрестился. Неужто разумом на-

делена пернатая пакостная тварь? Святая дева, он менее изумился бы, пусть стол плясать вприсядку или прорасти дубовые скамьи подснежниками.

— Немедля уплати за все, что ты вылакал и сожр-рал! И за кр-ружки р-разбитые! — каркал ворон. — Удались, удались от «Веселого ночлега»! На два дня пути! Ни в коем р-разе не возвр-ражайся! Ко всем чер-ртям! Иначе я поведаю о твоих мер-рзостных пр-роделках моему лучшему др-ругу, гер-рцогу Вюр-ртембергскому!

«Небось о ростовщике пронюхал, вурдалак ворон», — лихорадочно соображал рейтар, косясь на говорящую птицу, и протрезвел. Да и было от чего протрезветь. Не далее как неделю назад зарезал, за тридцать рейнских гульденов порешил он ростовщика крючконосого, не пощадил старикашку с золотым колечком в правом ухе, не внял ветхозаветным мольбам.

— О каких таких мерзостных поведаешь проделках? — для верности усомнился рейтар, и пот на лбу отер рукавом засаленным камзола.

— В тюр-рье узнаешь, когда пр-ровор-ронишь импер-ратор-рскую почту!

Вскорости конский бешеный топот за окнами трактира возвестил, что рейтары усаkali. Нет, вовсе не упоминание о герцоге Вюртембергском смутило отважных воинов. Смутило другое: откуда вещунья птица доподлинно проведала о почтовом фельдъегере, коего им предписано было встретить именно в двух днях пути от града Вейля и препроводить к его высочеству?

В непроницаемой мгле скакали посрамленные ратоборцы. Ветер тонко свистел, напарываясь на острия копий. В низинах туман клубился, как привидения. Весна, словно струны благозвучных арф, перстами перебирала ветви орешника, и они отзывались нежнейшим звоном.

Как флейта пел ручей. Флейте вторили литавры капли. Впрочем, рейтарам не было никакого дела до всех этих арф, гобоев, лютен, флейт, литавров, исторгавших сладостные звуки пробудившейся природы. Каждый на чем свет стоит поносил в душе магистра Клаускуса. Сей оборотень вступил — уже не оставалось никаких сомнений! — в преступный, колдовской, противоестественный сговор с вороном. Помимо того, каждый дал себе зарок, поклявшись, при случае, тайно отомстить обидчику.

Когда рейтары сгнули из трактира, когда конский топот пронесся мимо окон к Лысой горе и во тьме растворился, Катерина Гульденман сошла по деревянной лесенке в погреб. Она долго возилась там, звякала ключами, что-то бормотала. Наконец, вылезла из погреба и поставила на стол пред магистром глиняный кувшин.

— Пейте на здоровье. Сие вино из Рейхенау. Ему тридцать три года. Той осенью как раз сожгли тетку мою за колдовство. Вам тоже не миновать костра либо петли. И ворону вашему несдобровать.

Магистр всех свободных наук пригубил вино, языком провел по усам, облизнулся да и влил в себя весь кувшин, опорожнил до дна.

— Зело отменно. Поднеси, господи, посудину зелья сего сладчайшего пред петлей аль костром.

— Небоязненный вы, видать, человек, — сказала хозяйка трактира. — Мой сын Иоганн трижды на дню будет приносить вам сей кувшин.

— Фокусникам возбраняется чрезмерное распитие: ремесло уйдет. Руки дрожать начнут, исказится линия глазомера. Достаточно и одного кувшина. Вечером, на заходе солнца, — ответил магистр и сызнава языком провел по усам.

— А спальню наилучшую выделю вашей милости, самую солнечную, — посулила Катерина.

— Расплачиваться за вино королевское, за опочивальню царскую — чем? Монетою высоковесной, высокозвонкой? А где она? — посетовал Лаврентий Клаускус и похлопал себя по карманам. — Я нищ и наг, как все истинно великие люди. А ворон мой вроде и не наг, но тоже в бедности, в нищете пребывает.

Батраччио ловко поймал на лету мошку, проглотил ее, прокаркал:

— Лисицы имеют нор-ры, и птицы небесные гнезда, только сын человеческий не имеет, где пр-реклонить голову.

Катерина вздохнула.

— Платы никакой не потребую. Хотя б недельку поживите, а? Не сегодня-завтра вернутся рейтары-кровопийцы, спалят «Веселый ночлег» дотла. А куда денешься? На сеновале супруг-висельник, в доме четверо ребят, мал мала меньше, Иоганн у меня самый старший.

— Не вернутся рейтары. На пушечный выстрел не посмеют приблизиться. Это они в бою хватяи, ежели все скопом прут, — отвечал магистр всех свободных наук.

**„МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ МОЯ...“**

Долговременные путешествия, а особенно морем чинимые, часто бывали причиной многих приключений, кои нередко выходят из пределов вероятного и как бы нарочно разными чудными подробностями украшены для того, чтобы тем читателя привести в некоторое удивление.

Петр Людвик Ле Руа,
член Санкт-Петербургской Академии наук

По прошествии полувека, за неделю до смерти, Иоганн Кеплер, припоминая роковой свой земной путь, подумает: «Смог бы ты стать астрономом, постигнуть основы мировой гармонии, взаимодействия небесных тел, если бы в грязном, заплеванном трактире не задержался однажды на несколько дней бродячий фокусник?» И сам себе ответит: «Ты стал бы кем угодно. Оловянщиком, как твой брат Христофор. Бродягой, как твой спившийся отец. Священником, как супруг твоей сестры Маргариты. Кем угодно стал бы ты, но не астрономом. Ибо в детстве картина звездного неба не увлекала тебя нисколько. Когда мать повела тебя как-то на Лысую гору и указала в небе комету, предвещавшую голод, чуму, наводнение, два набега турецких и гибель половины Земли, ты даже не содрогнулся: от благоговейного ужаса; ты думал тогда об ином: как бы не упустить зажатого в кулаке серебряного жука».

...Магистр Клаускус встал ото сна поздно, когда солнце, оттолкнувшись от Лысой горы, зависло над рекой. Он долго плескался у лохани в своей каморке, тянул на разные голоса песнопения, веселые, чужестранные, о ка-

ких в Леонберге и слыхом не слыхивали, иногда переговаривался с вороном Батраччио. Вплоть до самого обеда он никуда не выходил.

Зато отобедав, фокусник, прошествовал на лужайку возле трактира.

Здесь он потянулся, пофехтовал невидимой шпагой с воображаемым противоборцем, кликнул Иоганна.

— Я здесь, ваша милость! — отозвался тот. — Я за амбаром. Самострел стругаю да ящерку ловлю.

— Приблизься, отрок!

Кеплер показался из-за амбара. Как водоросль зеленая на волне, трепетала в его руке ящерица.

Лаврентий Клаускус сказал, помрачнев:

— Запомню, какой тебе удел предречен? Великого полководца удел. А не великого инквизитора, мучителя невинных тварей. Отпусти с миром!

Иоганн нагнулся, ящерица растаяла в траве.

— Задай овса мерину Буцефалу, да обращай с ним поласковой, голубых кровей скакун. Пшена подсыпь Бартоломео, фазану благородному, в клетке томится, в фургоне. И догоняй меня. Вон там, на горе, возле дуба. Сдается мне, сия гора подозрительно смахивает на не-ясыть*.

...Магистр Клаускуса он настиг почти на самой вершине Лысой горы. Тот стоял возле деревца, нюхал только что распустившиеся листья, бормотал: «Непостижимо... каждую весну... тыщи листьев... невесть откуда, из ничего... Вот ведь фокус!»

— Ваша милость! Я задал корму скакуну Буцефалу и благородному фазану Бартоломео, — тихо заговорил Иоганн.

* Не ясыть — сказочная, прожорливая, ненасытная птица.

— Вот ведь фокус... — еще тише отозвался Клаускус.

И вплоть до сумерек, до розового свечения предвечерья, до той поры, когда внизу, в долине, пахари и виноградари, крестясь на заходящее солнце, потянулись в свои убогие селенья, объяснял магистр будущему полководцу тайную жизнь природы. Все было ему ведомо, ничто не ускользало от пристального взора — лет птицы в небесах, красного и черного зверя бег хитроумный на земле, потаенный путь рыбыны в глубинах. Он наставлял, как определять время по ходу Солнца; как, заблудившись, отыскивать дорогу в лесу; как различать травы целебные; как обнаруживать родники; как предсказывать ветер, радугу, снег, землетрясение. Сложна, тяжка была повесть природы, и многое из премудрости магистровой не смог постигнуть Иоганн. Но главное уяснил твердо сын трактирщицы и бродяги: Лаврентий Клаускус — самый ученый человек во всей Священной Римской империи, а может быть, и за ее пределами. Невероятно, но фокусник одолел все вопросы, кои задал ему Иоганн Кеплер. И вот еще что диковинно: магистр отвечал скоро, не задумываясь, как бы мимоходом, не теребя по полчаса бороду, глаз не закатывая, на козни сатаны не ссылаясь. Наконец-таки Иоганн узнал доподлинно, кто кого боится: мыши лягушек или лягушки мышей. Есть ли у ветра глаза и уши? Почему не поют рыбы, а собаки не летают? Как сглазить монаха? Из чего сплести сеть, дабы поймать облако? Бывают ли деревья-людоеды? Можно ли долететь до Луны, если привязать к рукам крылья орла? Зачем ведьме, пред тем как ее сжечь, надевают мешок на голову? Сколько кувшинов вина может выпить священник за один присест? Где живут цыгане зимой? Выращивают ли на камнях капусту? Отчего по весне вослед за лебедями не летят к морю студеному шестикрылые серафимы? Можно ли приручить молнию?

Все ли змеи погибнут в день страшного суда или одни ядовитые?

Играючи, без запинок покончил с загадками фокусник многопремудрый, потом сказал:

— Увы, всех чудес на свете не перечесть. Ты еще вопросы. Про карликов, про упырей, про удавов пернатых...

— Благодарствую, ваша милость. Иного не придумал покуда, — уныло отозвался Иоганн.

— Смышлен ты, сметлив, новоявленный полководец. Уже о деревьях-людоедах проведаль, уже страшный суд объял разумом. Только запомни: есть нечто, по сравнению с чем и страшный суд покажется тебе забавой.

— Турецкий набег? Мор холерный? Покойники, встающие из могил? — содрогнулся отрок.

— Многострадальная жизнь моя.

...За рекой, за далекими скалами скрылась колесница красная солнца. Спускались стада с холмов, колокольцами вызванивали. Зелеными венками украсили пастухи коровьи рога, и отселе, с вершины Лысой горы, животные представлялись волшебными существами, плывущими по морю. Пропела труба в замке на соседней горе, над каменными зубьями башен взвились вымпелы и флаги: должно быть, прибыли гости. А Иоганн Кеплер, зачарованный рассказом о жизни фокусника, все сидел на замшелом пне у разбитого молнией дуба, сидел и слова не мог вымолвить.

*Рассказ о многострадальной жизни
магистра всех свободных наук
Лаврентия Клаускуса*

Он, магистр Клаускус, много лет назад, будучи еще младенцем, попал в плен к туркам, заклятым язычникам. Потом его выменял за обезьяну и двух пантер купец

Исмаил. Отрок стал погонщиком верблюдов. Вместе с торговым караваном он странствовал по всей Азии, бывал на невольничьих рынках Багдада и Александрии, дрался со львами среди барханов пустыни Гоби, созерцал миражи. В таинственном Непале он встречал факиров о двух головах и лазоревых куриц размером больше слона.

В Индии, в ядовитых джунглях, на них напали кларги — одноглазые разбойники-великаны, засадили весь караван в мешок, сплетенный из стволов неведомого дерева, гибкого, как хвост ящерицы, и уволокли в горы, в свои неприступные крепости. А крепости оные сложены из базальтовых глыб: выше церкви святого Бонифация каждая глыбища, толще рва крепостного. На крышах великаньих жилищ ночуют караваны облаков, флотилии ветров, стаи перелетных птиц.

Он, магистр Клаускус, выбрался однажды через дымовую трубу на крышу и лицезрел окрест себя весь подлунный мир, все земли его и воды, все огнедышащие горы, водопады, озера, радуги, все корабли под разноцветными флагами. Он созерцал пещеры и водопады; пустыни, подобные заливам, и заливы, похожие на июльские облака; дворцы и убогие хижины, соборы и тюрьмы и даже наблюдал сам пуп Земли, водруженный над страной эфиопов. Отсюда, с крыши кларгов, его сорвал чудовищный смерч и понес в своих объятьях. Три дня и три ночи летел смерч, куда, бессиленный, не рухнул на палубу корабля, украшенного на носу фигурой позолоченной девы морской с семью руками и тремя хвостами.

Он, магистр Клаускус, сумел, однако, на лету вцепиться в парус и посему остался жив, хотя парусина и разлетелась в клочья.

Да, он остался жив, но зато на всю жизнь проклял

день и час, когда обессиленный смерч рухнул на палубу одномачтового корабля, который оказался невольничьей галерой, где к каждому веслу было приковано по два белых каторжника и по два чернокожих раба-гребца с клеймом на лбу и пучком волос на затылке. Его приняли за беглого раба, чернотелого арапчонка (поскольку он дочерна вымазался сажей, выбираясь через дымовую трубу на крышу обиталища кларгов), и тут же приковали к веслу. И, как каждому каторжнику, который попадал на галеру, ему выдали плащ из толстого сукна и кафтан из красной пряжи, подбитый белым полотном, две рубахи, две пары нижнего белья, пару чулок и красный шерстяной колпак. Так начались его мытарства по морям и океанам, его непостижимые приключения, исполненные ужасов и восторгов. Он видел морского змия, длинного, как река, и страшного, как лемур, — чудище замогильное. Он участвовал в битве русалок с морскими коровами. А в Саргассовом море за галерой семь недель гнался «Летучий голландец»*, и мертвый его капитан днем и ночью созерцал пред собой вечный простор небытия.

Он, магистр Клаускус, девяносто девять лет странствовал на галере, противоборствуя штормам, ливням, палящему солнцу, надсмотрщику, вооруженному бичом из бычьих сухожилий. В конце концов он добрался до самого края Земли, до того места, где хрустальный свод небес, к коему прикреплены алмазными гвоздями звезды, смыкается со стихией воды и кровавого потустороннего огня. К этому времени он, благодаря беспримерной своей храбрости, стал уже волонтером, свободным гребцом. И потому ни штурман — жесто-

* «Летучий голландец» — легендарный корабль-призрак.

кий одноглазый мавр, ни капитан — пьяница и убийца не воспрепятствовали, когда он заарканил плывущую по хрустальному своду комету и приручил ее, строптивницу, вскармливая летучими рыбами, черепашками и червячками-древоточцами. Завернутую в бычью шкурку, он повсюду возил ее за собой и вчера, изгнанный магистратом, выпустил комету в небо — почитателям провидческого дара фокусника на удивление, обидчикам и гонителям на ужас...

Ни словечком не обмолвился Иоганн, зачарованный рассказом фокусника. Сидел на замшелом пне на вершине Лысой горы, глядел вниз, в долину, но ни коров с зелеными венками на рогах, ни канувшую в реку колесницу солнечную, ни флагов, осенивших грозные башни, — ничего не замечал. Наконец мотнул головой, стряхнул оцепененье, заговорил:

— А дальше, дальше-то что было?

— Батраччио повстречал. В Гиркании, в княжестве кавказском. Из пасти единороговой* вырвал ворона, из когтей, загнутых наподобие рыболовных крючьев. Раны залечил бедолаге, выучил грамоте: чтению, речи, письму. После Буцефалу дал приют, норовистый скакун. А Бартоломео выменял у императора китайского, недешево он мне обошелся. Дюжину банок мази, дарующей бессмертие, отдать пришлось за фазана. Но зато царь-птица! Убей меня бог, ежели я солгал хоть слово.

— Господин магистр, а что же простирается за хрустальным сводом, к коему звезды прикреплены алмазными гвоздями? — любопытствовал Иоганн.

* Единорог — мифическое животное,

— Гм-м... Известно что простирается. Потусторонний кровавый огонь, — отвечал, подняв разбойничью бровь, магистр. — Сквозь него механизмы проступают, приводящие свод небесный в движение.

— Чудеса! Стало быть, огонь тлеет за сводом хрустальным?

— Так и полыхает! — воскликнул магистр.

— Отчего ж небеса голубые?

Фокусник достал серебряную табакерку, насыпал табак на огромную ладонь, шумно втянул в ноздрю, чихнул троекратно.

— В самом деле нелепица: огонь кровавый — небеса голубые. Откуда ж голубизне взяться?.. — рассуждал Лаврентий Клаускус и глубоко задумался.

Задумался самый ученый человек во всей Священной Римской империи, а может быть, и за ее пределами! Конечно, тому уж двести лет прошло, как он комету заарканил, и память пооскудела, но ведь помнит, явственно представляет: кровавей чем пасть единорога был огонь.

— Я так полагаю, — медленно выговорил магистр. — Огонь потусторонний лишь вблизи красноватый, а ежели отплывешь на три-четыре дня пути — уж и цвет не тот. Стекла в соборе святого Бонифация наблюдал? Закат их высветит, издалека смотришь — пурпуром горят. А приблизишься — то ли зеленоватые, то ли голубоватые... Тем же манером и свод хрустальный играет коварно цветом. Ночью же огонь гаснет вовсе. Уразумел? То-то. А теперь в обратный путь. Давно уж свечерело.

Катерина Гульденман встретила сына бранью и угрозами: корову из стада никто не встретил; собака соседская удавила курицу; сестрица его, Маргарита, вы-

валилась из люльки и едва не заползла в хлев, а он, окаянный, запропастился с самого обеда. Сколько ни звала, ни кричала, не отозвался, бродяга, где его только черти носят, весь в висельника отца.

— Ты черта не поминай, женщина! — вскипел Лаврентий Клаускус. — Не поминай, не то напущу в трактир чертову дюжину здоровенных оборотней! Всю ночь будут ухать над твоей постелью!

Увещевание подействовало. Катерина осеклась на полуслове, перестала браниться. Сына отправила мыть посуду, принесла ужин господину магистру: карпа жареного да вина кувшин. Проворчала:

— Видела я перевидела разных колдунов, сама при случае подколдовываю, но вы, господин магистр, истинный дьявол: и след простыл рейтаров.

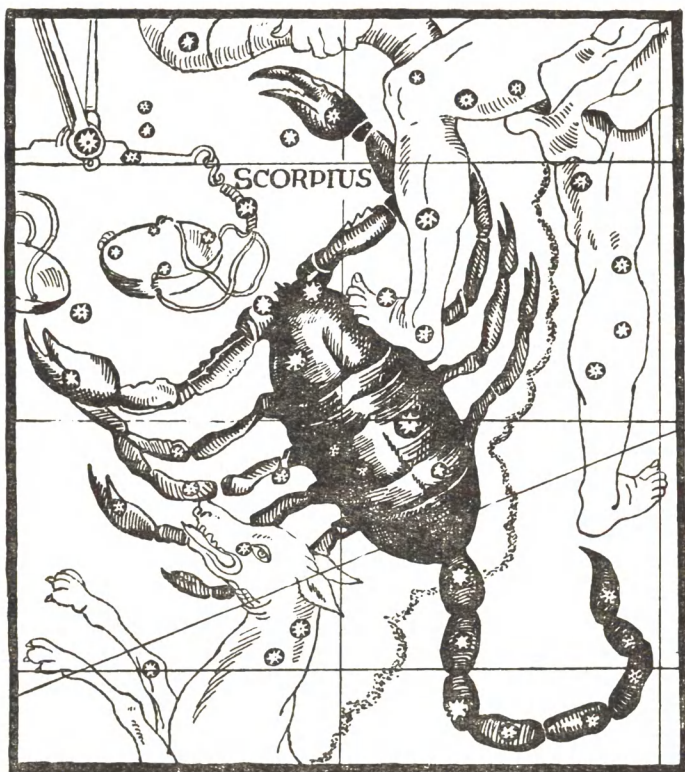
— А-а, рейтары, — протянул презрительно Лаврентий Клаускус, к кувшину потянулся. — Не о рейтарах помышляй, женщина, о сыне своем Иоганне. Он хоть и хил, неказист с виду, а смекалист, пытлив не по годам. Умница твой сын, на лету схватывает премудрость. Далеко шагнет, в школу ежели определить.

Хозяйка трактира присела на краешек скамьи, вздохнула.

— С шести лет определили в школу, да толку никакого. То хворал трясением членов три зимы подряд, то язвы на руках явились, нарывы чесоточные. Думала, представится. То за учение платить было нечем, погорели, обнищали вконец. А прошлой зимой господин учитель сами от него отказались: заклевал господина учителя, изувер, вопросами извел немыслимыми. Про деревья-людоеды выпытывал, про цыган, про серафимов шестикрылых. Тараторит, чего на ум ни взбредет. Сколько розгами ни секли упрямца, несет свою око-лесицу.

Улыбнулся фокусник, но сказал вполне серьезно:

— Завтра намереваюсь прошение сочинить, герцогу Вюртембергскому, покровителю моему и заступнику. Я ему когда-то супругу избавил от хворобы неизлечимой... Испрошу соизволения поместить твоего сына в училище. Он, хотя и простого звания, однако достоин ученой благодати.

**ЗЕЛО
УЧЕНАЯ ПТИЦА**

Если бы небесные светила не сияли постоянно над нашими головами, а могли бы быть видимы с одного какого-нибудь места на земле, то люди целыми толпами непрерывно ходили бы туда, чтобы созерцать чудеса неба и любоваться ими.

С е н е к а

За стеной, в трактире, крестьяне громогласно поминали усопшего третьего дня кузнеца и запивали поминанье хмельным питием, и седой старик скрипач до рассвета подыгрывал печальной мелодии, с незапамятных времен обитающей в его сердце.

Магистр Клаускус сидел в своей комнате у растворенного настежь окна. Чадила свеча. Отсветы пламени обозначивали во тьме ветхую книгу с медными застежками.

Из-за плеча фокусника Иоганн разглядывал иссохшие листы пергамента, необычайными испещренные письменами. До сей ночи он и не подозревал, что многозвездная пустыня неба исполнена стольких тайн и чудес! Оказывается, светила не просто мерцают в черных глубинах, равнодушные ко всему земному, они предопределяют судьбу. Все, что находится на земной поверхности, что растет, живет и существует на ней: поля, сады, леса, цветы, травы, деревья, плоды, листья, злаки, воды, источники, потоки, озера, вместе с великим морем, также людьми, скотом и прочими предметами, — все это подвержено влиянию небесных светил, напоено и переполнено, под их живительными лучами зреет, развивается и совершенствуется. Так говорил

Лаврентий Клаускус, перекладывая иссохшие листы пергамента. Да, планеты и знаки зодиака * верховодят надо всем живым и мертвым, над войнами, рожденьями, землетрясениями, свадьбами, грозами, любовью и ненавистью — надо всем.

— Помнишь ли речи мои на площади возле святого Бонифация? — вопрошал отрока фокусник. — Помнишь, что подчинено Марсу? Браки и ненависть, темницы и войны. Вот он, Марс, гляди-кась. — И, навалившись на подоконник, показывал в небе красноватую точку размером с божью коровку. — Теперь вникай, как в книгах астрономических Марс изображен. — И выискивал на пергаменте закорючку, подобие высохшей ветви. — Сие Меркурий. Управляет болезнями, желаниями, долгами, торговлею и боязнию... Юпитер — честью, побуждениями, богатством, опрятностью.

— А Луна? — любопытствует Иоганн.

Отвечает ему чародей:

— Ранами, снами и грабежами заведует Луна.

Щурится отрок на Луну, сызнова вопрошает:

— Ваша милость, как же влияют небесные светила на мертвое и живое, коли они столь малы, не более божьей коровки, а Земля беспредельна?

— Достохвальна пытливость твоя, милый отрок, — говорит магистр, — но и самая малая звезда на небе, что нам снизу едва ли покажется с большую восковую свечку, на самом деле больше, чем целое княжество. Небо в ширину и длину больше, чем двенадцать наших Земель, и хотя Земли на небе не видать, однако многие звезды поболее, чем сия страна. Одна величиной с

* Созвездья, расположенные вдоль годичного солнечного пути. С незапамятной древности каждому месяцу соответствует свой знак зодиака: Овен — март; Телец — апрель; Близнецы — май и т. д.

город, а там другая окружностью со Священную Римскую империю; эта протяжением с Турцию, а планеты — каждая из них такой величины, как вся Земля.

Внимает Иоганн поучениям замысловатым. Нелегко единым махом астрологические таинства уразуметь, уяснить, как по расположению светил в день чьего-либо рождения составить гороскоп*, судьбину предопределить навеки.

Над амбаром, над купами ночных деревьев зависла звезда волосатая. Страшна кометища, хвостата, того и гляди низвергнет пламень на град Вейль, на обидчиков магистровых.

— Герр магистр, не боязно волосатую звезду в шкуре возить бычьей? — выпытывает Кеплер. — Зазевался, а она — вжик! — и полыхнет. А хвостище-то, хвостище, страшный какой!

— Да смиренная она, ручная, — успокаивает отрока фокусник. — Нешто и впрямь страшна? Вот полвека назад явилась комета — истинно чудовище небесное. Послушай-ка, что о ней писали в ту пору. — Магистр придвинул свечу, зачитал по книге: — «Звезда волосатая сия была столь ужасна и страшна, она порождала в народе столь великое смятение, что некоторые умирали от одного лишь страха, а другие сильно заболели. Она представляла собой светило громадной длины и кровавого цвета; в вершине ее видна была сжатая рука, держащая длинный меч, как бы готовый разить. При конце ее клинка видны были три звезды. По обе стороны хвоста сей кометы виднелось много топоров, ножей, мечей, обогранных кровью, а посреди них видны были

* Гороскоп — таблица расположения звезд, служившая для мистических предсказаний о чьей-либо судьбе.

перекошенные человеческие лица со всклокоченными бородами и дыбом стоящими волосами».

— Истинно чудовище небесное, — соглашается Иоганн, разглядывая комету над амбаром, над купами ночных деревьев. — Ваша милость, ежели вы звездами поведуете, письма читаете в небесах, ежели предсказываете богатства — отчего сами нищи и наги?

— Оттого залатан мой кафтан, что лишь бедному дано прозревать грядущее. Лишь у бедняка глаза не затуманены завистью, алчностью, злобой, — говорит Клаускус. — Слышишь, скрипка поет в трактире. Люди бедняка кузнеца поминают добрым словом. А протянет ноги судья, окочурится лиходея, на дыбу и костер посылавший, — и проклянут лиходея, а могилу заплюют.

Чадит свеча. Филин гукает у реки, распугивает тьму. Серебрится свод небес, к которому звезды приколоты гвоздями алмазными.

...Фокусник съехал из «Веселого ночлега» неделю спустя. Прощение к герцогу Вюртембергскому, как было обещано, он сочинил; повелел строго-настрого по осени везти прошение в канцелярию его высочества, уповав на милость его и помощь.

Провожали магистра Иоганн Кеплер да друг его неразлучный Мартин Шпатц, вечер прибыл водой он с лесоповала, навещал дровосека-отца.

У околицы, там, где дорога ныряла в дебри лесные, магистр остановил ведомого под уздцы Буцефала.

— Прощайте, милые отроки, — заговорил магистр опечаленно. — Авось еще свидимся когда-либо. Путь мой к морю студеному, с попутным ветром, вослед за весной. А оттуда — в Московию, во владения россий-

ские. Прощевай, Иоганн Кеплер, выучивайся на полководца.

— Я, ваша милость, подамся в астрологи, гороскопы составлять, судьбу предсказывать... — отвечал, едва не плача, Иоганн.

Усмехнулся фокусник, морщины разгладились на лбу.

— Один искусник некогда предсказал всемирный потоп. Люди легковверные заблаговременнo запаслись лодками. А Ориоль, лекарь тулузский, подобие Ноева ковчега соорудил. Но и доселе не извергнулся потоп на грешную Землю. Потому запомни: не столько знание небес потребно астрологу, сколько смекалка... Прощайте, милые отроки, — повторил магистр, сгреб друзей в охапку и поднял высоко над собой. — Кланяются вам низко скакун Буцефал, фазан Бартоломео да ворон Батраччио.

— Дозвольте проститься с Батраччио, ваша милость, — попросил Иоганн.

— А мне с Буцефалом, — молвил Мартин: страсть как любил он лошадей.

— Прощайся, — согласился фокусник и посадил Шпатца верхом на мерина.

Иоганн обежал фургон, приподнял полог, тихо проговорил в сторону клетки с вороном:

— Батраччио... Господин Батраччио, прощайте...

Молчание. Неужто заснул ворон?

Подошел фокусник, руку положил Иоганну на плечо, произнес громким шепотом:

— Эх, полководец легковверный. Не счесть чудес на свете, да не бывает говорящих воронов. — Колдун подмигнул Иоганну, прокричал гортанно, точь-в-точь ворон:

— Пр-рощай, Иоганн Кеплер-р! Не поминай лихом вор-рона Батр-раччио!

Ну и диво-дивное: рта не раскрывая, губами не шевеля, каркал Лаврентий Клаускус ученой птицей! Вскочил на козлы, вожжи вокруг ручищи обмотал.

— Слазь с Буцефала, зашибет! — гаркнул он Мартину и вот укатил, растаял в чащобе.

— Чудеса! — сказал Мартин.

А Иоганн заплакал.

Трое богомольцев странствующих, в лохмотья облаченных, вышли из лесу. Двух отроков заметили на поляне. Белесый и толстый отрок улыбался растерянно, чернявый и тонкий плакал навзрыд. Из дальних краев возвращались богомольцы, из обителей святых. Бесценные реликвии несли в котомках: набальзамированный палец святого Антония, клочок волос святой Софии, ладанку с прахом святого Фридриха, клочок бороды святого Эгидия, кишки святого Бонифация. Услыхали странники: песня вознеслась позади.

И долго над сводом зеленым земли, под голубым сводом небес витала старинная песня крестоносцев, распеваемая магистром всех свободных наук:

Уже на Рейн вступает осень,
А мы ушли на край земли,
И наши кости на погосте
Пески пустыни занесли.

РАЗВЕНЧАНИЕ ЕРЕСИ

Если бы кто-нибудь не знал, что вода течет, не видел берегов и был на корабле посреди вод, как мог бы он понять, что корабль движется? На этом же основании каждому, находится ли он на Земле, на Солнце или какой-нибудь другой звезде, всегда будет казаться, что он стоит в неподвижном центре, между тем как все остальные вещи вокруг него движутся.

Николай Кузанский,
средневековый философ

Фамулус * господина проректора весьма худосочен был и прыщав неимоверно. На верхней его губе курчавились жидкие усы, нежные, как пух одуванчика.

— Задержитесь, господа бакалавры! — сказал фамулус. — Герр проректор изволили распорядиться. — И перевернул большую грифельную доску, где значилось:

«Октября двадцать четвертого дня в актовом зале предстоит развенчание ереси бакалавра Ризенбаха.

Всем бакалаврам надлежит явиться на развенчание к одному часу пополудни.

Дано в Академии нашей в Тюбингене.

Год 1588

Подписал: Ф а к т о р и у с».

Когда смиренная академическая братия разбрелась кто куда, к фамулусу приблизился нескладный бакалавришка из первокурсников, осведомился:

* Ф а м у л у с — старший студент, ассистирующий профессору, обслуживающий его лично.

— Герр фамулус, ересь какого рода предстоит развенчать?

Спросил негромко, но дерзко и на столь превосходной латыни, что ошарашенный выпускник забыл, забыл про величие, налагаемое должностью фамулуса и пробормотал, как школяр:

— Э-э...третьего дня, на выпускном экзамене, недостойный Ризенбах осмелился утверждать, будто не Земля, а Солнце пребывает в центре вселенной. Мало того, он вступил в спор с высокоученым Мэстлином, обвиняя профессора в слепом преклонении пред авторитетом Птолемея*. — Тут фамулус опомнился и закончил снисходительно: — Через годик-другой и вы, проштудировав «Альгамест», узнаете о Птолемеевой системе мироздания, герр...

— Иоганн Кеплер. Факультет философии. Благодарю вас, я проштудировал весь «Альгамест». Занятная книжица.

«Ну и времена пошли, — подумал фамулус, — начинашки читают «Альгамест» и шпарят по-латыни точно профессора мертвых языков. И все же следует приструнить сего птенца!»

— Опомнитесь, бакалавр! «Альгамест» не книжица, а главный источник астрономических знаний уже полторы тысячи лет!

— Но ежели бакалавр Ризенбах усомнился в Клавдии Птолеме... — заговорил Кеплер, однако фамулус перебил его:

— Усомнился — и получит по заслугам! Грех проповедовать во всеуслышание бредни еретические! А еже-

* Клавдий Птоломей (II век н. э.) — знаменитый астроном древности, автор учебника ««Megale syntaxis», или «Великое построение астрономии в XIII книгах». Учебник более известен под арабским названием «Альгамест».

ли еще кто усомнится... — фамулус свысока оглядел бакалавра, давая понять, что предпочтительней ни в чем не усомниться для собственного блага и спокойствия.

— Герр фамулус, а что ежели заодно с Ризенбахом осудить ересь Аристарха?.. — лукаво предложил Иоганн.

— Это что еще за Аристарх? Подозрительное имя. Протестант? Католик? Иудей? — возмутился фамулус.

— Философ древний. Тот самый, что утверждал: «Земля не обладает неподвижностью и не занимает середины круговращения. Она сама обращается около светила. Землю нельзя считать ни первою, ни самой важной частью вселенной». Кто, по-вашему, прав: Аристарх или Птоломей?

Опасный вопрос! Будто на дыбу вздернули фамулуса, точно щипцами раскаленными коснулись спины. «Сей человек, возможно, шпион, подосланный пронюхать об устоях его, фамулуса, мировоззрения, о нутре духовном. Но кто подослал? Донес кто? О господи, завистников, доносчиков — что звезд на небе в ясную ночь».

— Пропади они пропадом, Аристархи — Плутархи! — вскричал фамулус, морщась, будто терзаемый зубной болью. — Нечего честным людям голову морочить ересью! — И удалился, раздосадованный.

Иоганн Кеплер выглянул в окно. Солнечные часы заслонила уродливая громада трапезной. Над островерхими крышами виднелись лишь голова и рука святого Евтропия. Почудилось Иоганну, будто святой подмигнул ему с высоты надземного величия. Кеплер пе-

ревел взгляд на гномон*: на истершихся булыжниках лежала тень, короткая, как персты господина проректора.

Проректор Факториус восседал за резной кафедрой под распятием творца. По обе стороны от распятия покоились в креслах ученые мужи, облаченные в мантии с меховой опушкой, — достопочтенные патриархи астрономии, медицины, геометрии, физики, светила богословия. Там, где перекрещивались их осуждающие взоры, стоял недостойный Иероним фон Ризенбах. Был он кудряв, розовощек и широкоплеч, обличьем подобен пахарю иль кулачных дел бойцу.

— Прежде чем развенчать ересь, — заговорил проректор, — мы вознамерены явить всей академии предосудительность утверждения, будто Земля обращается вокруг самого себя и несется к тому же вокруг Солнца. Подобное утверждение абсурдно и противоречит основам христианской веры. Ибо сказано в священном писании: «Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и знамений, и времен, и дней, и годов. И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на Землю». Ибо сказано в псалтыри: «Ты, господи, поставил Землю на твердых основах, не поколеблется она во веки и веки!» Ибо в библии сказано о небесах: «Тверды они, как литое зеркало». Вам ли, бакалавр Ризенбах, ослепленному гордыней, покушаться на премудрость божью, коя освящена столетиями! Вам ли восставать против самого Аристотеля!..

Ризенбах в окошко косится, святого разглядывает Евтропия.

— Довольно по сторонам пялиться, герр Ризенбах! Вы не на пирушке, а в стенах академии! — сердится про-

* Гномон — древнейший вид астрономического инструмента: вертикальный столбик для определения полуденной линии.

ректор Факториус, нетерпеливо ногами притопывает. Всей зале видны проректорские сафьяновые сапожки с острыми, как серпик молодого месяца, носками. — Профессор Мэстлин, извольте приступить!

Нос у Мэстлина огромный, шишковатый, щеки лиловые, всклокочена борода. «Ну и физиономия, ни дать ни взять разбойник с большой дороги», — подумал Иоганн.

Профессор поднимается, распахивает фолиант в коричневом переплете. Затем надевает очки, откашливается и вдруг набрасывается на латынь, сокрушая ее железным молотом скороговорки:

— «Вселенная состоит из девяти соприкасающихся сфер. Наружная сфера, небо, обнимает все остальные. Это — верховное божество, которое их содержит и окружает. В небе укреплены звезды, и оно уносит их в своем вечном движении. Ниже катятся семь сфер, увлекаемых движением, противоположным движениям неба. Первую из них занимает звезда, которую люди зовут Сатурном. На второй блесит то благодетельное и благосклонное к человеческому роду светило, которое известно под именем Юпитера. Потом — ненавистный Марс, окруженный кровавым сиянием. Ниже Солнце, царь, повелитель других светил и мировая душа; страшной величины его шар наполняет своим светом беспредельное пространство. Его сопровождают сферы Меркурия и Венеры, составляющие как бы его свиту. Наконец, ниже всех Луна, заимствующая свой свет от Солнца. Под нею — все смертно и тленно. Над нею — все вечно. Земля, помещенная в центре мира, наиболее удаленная от неба, образует девятую сферу; она неподвижна, и все тяжелые тела падают к ней в силу собственной тяжести...»

Герр профессор оторвался от фолианта, вверх, к по-

толку простер руку, как бы намереваясь недостойного Ризенбаха проклясть.

— Земля, помещенная в центре мира. Слышали? Внемлите же, Ризенбах, гордынею обуянный! Внемлите и ответствуйте: чьи дивные слова зачел я пред вами?

Потупился недостойный Иероним, вся премудрость древняя вмиг улетучилась из памяти.

— Кому ведомо, чьи провидческие слова зачтены?

Молчит, молчит вся академия, посрамлена профессором астрономии и математики! Сам герр проректор седую голову склонил ниц, потирает на мизинце яхонтовый перстень.

— Спрашиваю, бакалавры: слова провидческие чьи?

— Марка Туллия Цицерона, — негромко произносит со своей скамьи первокурсник Кеплер.

— Воистину так: Цицероново изречение относительно системы Птолемея, — соглашается профессор. — А вы, Ризенбах, что противопоставляете божественной картине мироздания, всей гармонии Птолемеевой?

Тряхнул кудрями каштановыми Иероним, выпалил, словно в омут с головой бросился:

— Земля обращается вокруг самое себя и проносится вокруг Солнца подобно всем иным планетам.

— Какие доводы в оправдание сей чепухи несусветной?

— Доводы приведены в сочинении господина Коперника, каноника * из Фромборка.

— Каково название сочинения?

— «О круговращениях небесных тел».

— Каким путем попало сочинение к вам в руки? — Допытывается профессор.

— У нищенствующего монаха приобрел, на торговщице. За один рейнский гульден.

* Каноник — соборный священник.

— Грош цена писаниям вашего Коперника! — взывается герр проректор, нервно теребя пальцами гиппократов рукав *. — Инквизиционный трибунал позаботится, дабы он понюхал, чем пахнет отлучение от церкви.

— Каноник скончался лет уж сорок назад. И пред кончиной доказал движение Земли, — выкладывает начальству недостойный Иероним.

Эх, дал маху, опростоволосился проректор: каноника, давным-давно почившего, вознамерился волоочь в трибунал. Шепоток прошумел по зале, там и сям прыскают в кулак. Мэстлин зазвенел в медный колокольчик, а Факториус сызнава перстень разглядывает.

Мэстлин. Утихомирьтесь, господа... Бакалавр Ризенбах, попытайтесь опровергнуть по меньшей мере четыре довода, свидетельствующие против движения Земли. (Косится в книгу.) Итак, начнем. Наши глаза — свидетели, что свод небес обращается вокруг Земли в 24 часа. Отчего же движение Земли нечувствительно для нас? Почему его трудно себе представить?

Ризенбах. Здесь происходит то же, что при езде в повозке или на корабле. Едущему всегда кажется, будто он сидит неподвижно. Между тем его глаза — свидетели, что деревья, строения, берега бегут мимо. Но разве легко представить себе деревья, бегущие стремглав, наподобие зайцев?

Факториус. Кто там хихикает, господа!.. Шутки здесь неуместны, бакалавр Ризенбах! Выслушайте второй довод!

Мэстлин. При движении повозки или корабля одни деревья сменяют другие, вслед за пологими берегами показываются утесы. Отчего же звезды всегда одни и

* Гиппократов рукав — украшение, надевавшееся в торжественных случаях на академическую мантию. Оно имело вид длинной и узкой воронки, свисающей вниз.

те же над нами? Почему они не меняют положения с переменою времен года? Наглядным тому примером — Полярная звезда. Она всегда на севере.

Ризенбах. Сие невозможно без...

Мэстлин. Я еще не закруглил мысль!.. А созвездия сохраняют свою форму даже при самых тщательных измерениях?

Ризенбах. Стало быть, все звезды удалены от нас на бесконечно большие расстояния. И тогда из каждой точки земной орбиты, даже с каждой планеты солнечной системы наблюдаемы одни и те же созвездья. Необъятная солнечная система сжимается в точку при сравнении со звездными расстояниями.

Факториус. Не шутите с солнечной системой! Только господь бог, благословенный Спаситель наш, властен сжать ее до размеров точки.

Ризенбах. А божественный Архимед?

Факториус. При чем тут Архимед?

Ризенбах. Шутил же он с Землей: «Дай мне место, где бы мог я опереться, и я сдвину Землю с ее основ».

Мэстлин. Не выказывайте своего невежества, бакалавр! Ведомо ли вам, сколько времени потребно для того, чтобы посредством рычага Архимед смог бы сдвинуть нашу планету хотя бы на толщину соломинки?

Ризенбах. Мне думается... представляется...

Мэстлин. Кто ответит на сей вопрос? Что же замолкли, философы академические? Стыдитесь разделить невежество с недостойным Ризенбахом! Я повторю: какой промежуток времени...

Кеплер. Несколько миллионов лет, герр профессор.

Мэстлин. Воистину так: несколько миллионов! Кто вспомнил?

Кеплер. Бакалавр Кеплер, факультет философии.

Мэстлин. А изречение Цицероново кто угадал?

Факториус. Оный же бакалавр.

Мэстлин. Прошу вас, бакалавр Кеплер, нынче после вечерней трапезы посетить мой дом. (Косится в книгу.) Вникните, Ризенбах, в довод третий. Известно, что Луна представляется нашему взору то узким серпиком, то в виде серьги, то полукружьем, а то полным кругом, вроде медного зеркала. Почему она пребывает в различных состояниях такого рода? Почему показывает фазы?

Ризенбах. Всякий шар показывает фазы, ежели он расположен между Землей и Солнцем и вращается вокруг Солнца. Тогда земному наблюдателю представлены различные части освещенной его половины.

Мэстлин. Но если бы Земля обращалась вокруг Солнца, то Венера и Меркурий показывали бы фазы подобно Луне...

Ризенбах. Вы правы, герр профессор. Фазы планет Венеры и Меркурия не видны обитателям Земли. Сии фазы затруднительно различить нашим естественным зрением.

Мэстлин. Но ежели фазы не видны, стало быть, их не существует в природе.

Ризенбах. Не совсем так. Прошу вас посмотреть в окно. Заметен ли в отдаленье купол собора святого Ульриха?

Мэстлин. Заметен. Весь обращенный к нам бок светится в солнечных лучах.

Ризенбах. Отнюдь не вся обращенная к нам сторона. В эту пору, между часом и двумя пополудни, она освещена лишь на три четверти! Я вчера и позавчера выверил. Но чтобы увидеть фазу купола, пришлось бы приблизиться к собору. Отсюда, из актового зала, естественным зрением она не видна.

Мэстлин. Планеты небесные не собор святого Уль-

риха! Мы не можем приблизиться к ним, дабы поверять истинность разного рода домыслов и химер.

Ризенбах. Зато мы можем увеличить остроту нашего зрения.

Мэстлин. Каким образом?

Ризенбах. Затрудняюсь сказать, каким.

Факториус. Ересь! Бред! Невозможно видеть дальше и глубже, нежели предписано Иисусом, сыном божьим.

Ризенбах. Однако дьявол видел дальше и глубже. Ибо сказано про Иисуса в евангелии: «Опять берет его дьявол на весьма высокую гору и показывает ему все царства мира и славу их». Не исключено, что и наше зрение со временем каким-либо образом увеличится. Недавно еще Роджер Бэкон* утверждал, что...

Факториус. Что утверждал Роджер Бэкон?

Ризенбах. Я сделал выписку из его трудов. Позвольте зачесть.

Мэстлин. Читайте.

Ризенбах (достаёт из-за отворота куртки листок бумаги, разворачивает). «Мы можем так отточить стекла и так расположить их между глазом и внешними предметами, что лучи будут преломляться и отражаться в намеченном нами направлении... Мы могли бы на невероятно далеком расстоянии читать мельчайшие буквы. Таким же образом мы заставили бы спуститься Солнце, Луну и звезды, приблизив их к Земле».

Факториус. Жалкая надежда... Приступим, профессор, к доводу четвертому и последнему.

Мэстлин. Сколь быстро, по вашим воззрениям, проносится Земля вокруг Солнца?

* Роджер Бэкон (1214—1294) — английский философ и естествоиспытатель.

Ризенбах. За секунду она оставляет позади несколько миль.

Мэстлин. Соизвольте принять из моих рук некие вещественные доказательства. Затем вместе с оными доказательствами проследуйте на башню во дворе. А мы поглазеем на вас отсюда.

При этих словах профессор Мэстлин отпер ключом дверцу кафедры и достал пять черных шаров.

Иероним фон Ризенбах, бакалавр недостойный, шары принял. Медленно, невозмутимо сложил он шары в подвернутую полу черной своей суконной куртки, повернулся, прошествовал к двери. Вся тюбингенская академия бросилась сломя голову к окнам актовой залы. Бакалавр двор пересек, скрылся в башне.

По прошествии четырех десятилетий, за неделю до смерти, имперский астроном Иоганнес Кеплерус снова вспомнит церемонию осуждения ереси. Он вспомнит, как Иероним поднялся на башню; как профессор Мэстлин крикнул: «Протяните руку и выпустите шар»; как шары один за другим падали на пожухлую осеннюю траву, а один раскололся о булыжник; как он, первокурсник Иоганн Кеплер, никак не мог уразуметь, почему на Земле, бешено летящей вокруг Солнца, шары падают строго вертикально, а не наискось, по дуге, подобно мертвой горлинке, оброненной из когтей ястребом, которого настигает гроза.

Возвратился недостойный Ризенбах. Шары он осторожно положил на кафедру.

— Убедились, Ризенбах? Шары падают отвесно. Стало быть, неподвижна Земля? — спросил торжествующий Мэстлин.

Смутился, смутился Иероним, взор потупил, на щеках бурые выступили пятна.

— Так и есть: неподвижна! — возвысил голос про-

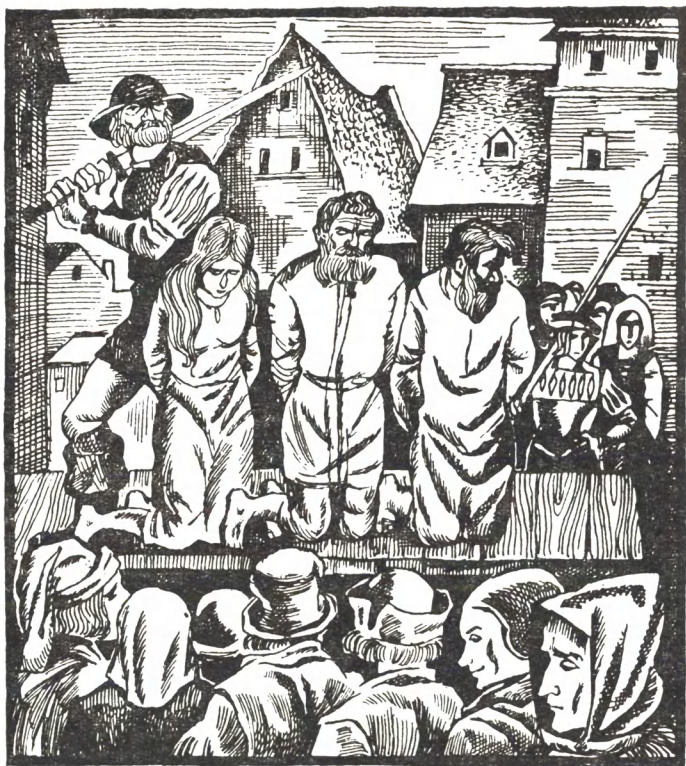
фессор математики и астрономии. — Неподвижна, ибо в противном случае облака и прочие носящиеся в воздухе предметы летели бы всегда в одну сторону.

— В самом деле, при столь чудовищной быстроте земного движения все тела должны оставаться позади. Мне почти нечего возразить против сего довода, — тихо заговорил Ризенбах. — Однако возможно, что во всем повинна атмосфера. Она увлекает тела со скоростью движения Земли, тем самым мешая им оставаться позади.

Профессор Мэстлин захлопнул книгу.

— Пусть так. Предположим, все ваши измышления верны. Но ежели Земля вращается, отчего же она давным-давно не разлетелась на куски вследствие огромной скорости вращения?

— Причина неясна мне, — отвечал Ризенбах, бакалавр недостойный. — Впрочем, планета наша неизмеримо меньше всей тверди небес. По учению Клавдия Птолемея, сия твердь полностью оборачивается за те же двадцать четыре часа, причем с гораздо большей скоростью. Отчего ж небеса не разлетелись давным-давно на куски?

**СЛОВО ПАЛАЧА —
ЗАКОН!**

Sermo datur cunctis, animi sapientia paucis. —
Слово дано всем, мудрость души — немногим.

Латинская пословица

Осудила ересь академия духовная. Позором заклеяла соучастника бесовского заблуждения, книгу же еретическую некоего Коперника конфисковала. После стольких трудов праведных вкусить яств мирских самый раз. Студенты отобедали в трапезной; профессура — по случаю некалендарного торжества — в покоях проректорских.

Покинув трапезную, Иоганн отправился на рынок. У него давно уже прохудился волосяной плащ, надобно было подыскать у старьевщика заплатку.

Кеплер спустился с каменного крыльца, обогнул башню, откуда Иероним бросал шары.

Возле ворот дремал на скамеечке одноногий привратник с костылем.

— Гуляют, бражничают господа, — заговорил он и указал костылем в сторону покоев проректора. — С утра им целую подводу яств привезли. Мне дружок-ключник поштучно все доложил: языки копченые, окорока, икорочка, олень подстреленный, фазанов дюжина, бекасов девять, да серых куропаток двадцать шесть, да вина три бочонка... А у героя девяти войн ни маковой росинки в брюхе, отощал, как домовый на пожарище.

Иоганн руками развел, улыбнулся сочувственно.

— И то, говсрю, — продолжал старый солдат, —

непользительно утробу насыщать до отвала. Ногу-то как я утратил? Вечор объелся жареной козлятины, а ночью тревога, ад крошечный, язычники скачут поганые. Покуда брюхо от земли отрывал, турок и оттяпал ногу. А дело было так...

Быстрота, решительность — вот что могло избавить Кеплера от одной из бесконечных историй словоохотливого привратника. Иоганн в одно мгновение извлек из кошелька пфенниг, сунул в руки герою девяти войн.

— Подбрось вверх и убедись: Земля движется вместе с атмосферой.

Пока опешивший ветеран соображал, что к чему, пока разглядывал монетку — не фальшивая ли? — Кеплер успел дойти до здания таможни и завернул за угол.

Справедливости ради, юный мой читатель, заметим, что бедственное состояние серого волосяного плаща вовсе не та главная причина, во имя которой шлепал по непролазной грязи первокурсник Тюбингенской академии. Иная мысль зрела в его уме. Он лелеял тайное намерение отыскать странствующего монаха, который продал Ризенбаху книгу «О круговращениях небесных тел». Кто знает, не найдется ли у святого отца еще один экземпляр? Книгу надлежало проштудировать незамедлительно. Она одна перечеркивала все тринадцать томов «Альгаместа». Сегодня это неопровержимо доказал изгнанный из академии недостойный Иероним фон Ризенбах.

...Монаха с еретической книгой он, сколько ни искал, на торговщице не нашел. Как сквозь землю провалился монах. Возле палатки торговца индульгенциями ему за весь-

ма невысокую плату предложили отпущение грехов — на девяносто девять лет блаженства. Вслед за тем его затащили в лаврчку реликвий и амулетов. С превеликим трудом убедил он хозяина, что стать обладателем набальзамированных пальцев, святых зубов, бород, кишков и прочих святынь ему не по карману, хотя сие было бы великим благом. Польщенный хозяин — монашек в грязной сутане и стоптанных сандалиях достал из ларца склянку с бурой жидкостью и всучил-таки Кеплеру. «Задарма, задарма бери, — бормотал он. — Чудодейственное снадобье господина Тихо Браге, датского дворянина. Пользуйся на здоровье, чадо божие. Всякие хворости да недуги как рукой снимает».

Выскочив из лавки, Иоганн снова оказался в толпе. Толпа сдавила его, закрутила и оттеснила к помосту. Здесь, возле деревянной мадонны, размахивал распятием инквизитор.

— Благодать снизошла на вас, грешные, благодать! Вчерашнего дня поутру в Тюбинген прибыл летучий отряд эмиссаров святейшей инквизиции. Всякий, кто подозревает соседа, либо сестру, либо отца в колдовстве, должен опустить листок в ящик на дверях собора святого Ульриха! Доносите, подписывать донос не обязательно! Искореним ведьм и колдунов! Пресечем злодеяния вверяющих душу в лапы сатаны. Портящих посевы на полях, плоды на деревьях, а также сады, луга, пастбища и все земные произрастания! Насылающих порчу на птицу и скотину, ранний снег, холода — на виноградники! К позорному столбу ведьм! На дыбу! На костер! — Инквизитор раскатал желтый бумажный свиток с печатью и завыл вдохновенно: — «Завтра в полдень пред городскими воротами будет умертвлена осужденная к сожжению на костре Арнулетта

Вейс, закоренелая ведьма. Хотя представшая пред судом обвиняемая согласно приговору присуждена за ее тяжелые преступления и прегрешения к переходу от жизни к смерти посредством огня, но наш высокочтимый и милостивый герцог пожелал оказать ей свою великую милость. А именно: первоначально она будет передана от жизни к смерти посредством меча, а уже потом превращена посредством огня в пепел и в прах. Однако поначалу ведьме будет причинено прижигание посредством раскаленного железа, а потом ее правая рука, которою она ужасно и нехристиански грешила, будет отрублена и затем также предана сожжению вместе с телом. Приговор о предании ведьмы сожжению на костре вывешен на ратуше к общему сведению, с изложением подробностей выяснившегося преступления».

...На другом конце рыночной площади, у позорного столба, палач забивал в колодку трех осужденных за неуплату налогов. Двое из них — пожилые крестьяне — молчали, кривясь от боли. Светловолосая девушка в рубахе до коленей громко стонала.

— Мучайся, дева, страданье душу очищает, — философствовал палач в полном облачении — черном плаще с красной каймой и желтым поясом. — Завоешь ночью, когда ведьмы да лешие замыслият вокруг столба хоровод.

Голос палача показался Иоганну знакомым. Он пристально оглядел того, кто орудовал у позорного столба. Вот это да: пред ним рыжий сторож с виноградников собственной персоной! Тот самый верзила Якоб, что пытался оттеснить его, Иоганна, и Мартина от повозки магистровой, от Лаврентия Клаускуса, предрекавшего судьбину по взаимному расположению планетных кругов.

Иоганн подождал, когда палач покинет рыночную площадь, догнал его в тесном проулке, окликнул:

— Эй, Якоб... Якоб...

— Ну, Якоб, а тебе что до того, — пробурчал палач, даже не сочтя нужным оглянуться. Однако ответил он скоро, как будто ожидал этого оклика в тесном проулке, где и двум телегам мудрено разъехаться.

— Якоб, это я, Иоганн Кеплер. Учусь в академии здешней...

— И учись на здоровье, — сказал палач, но шаг не укоротил и не обернулся. — Я еще у столба замечу тебя. Без наметанного глаза пропадешь, особенно в нашем ремесле. Чего тебе надобно?

— Якоб, как там житье-бытье в Леонберге?

— В нашем ремесле — при полном ежели облачении и при мече — разговоры не по делу возбраняются, — отрезал Якоб. — Следуй за мной на некотором отдаленье. Поотстань, говорю тебе! И приходи вслед за мной в харчевню «Золотой каплун». Надо бы горло прополоскать винцом.

В «Золотом каплуна» у палача был свой стол и чаша, прикованная толстой цепью к кольцу в стене. Опорожнив две чаши, Якоб раздобыл. Он снял широкополую шляпу с вышитым на ее полях эшафотом. Длинный меч отстегнул от пояса, положил на лавку. И только тогда заговорил.

Пусть он, Иоганн Кеплер, не сомневается: колдун, будущность полководца ему, Иоганну, предрекший, и не колдун был вовсе, а сам дьявол в образе и плоти человека. Не зря, не зря кометой грозил, треклятое отродье сатанинское! Осень и зима после кометы были куда еще ни шло, а по весне ударили холода. Такие холода ударили, такие морозы принесло с Дуная, —

все птицы позамерзли. Кроме ворон и воронов, — уж сии твари остались целы-целехоньки, небось ворон говорящий наколдовал, рыба кость ему в глотку! А после такое началось, уму непостижимо. Свинья у одноглазой старухи Гертруды закукарекала петухом. Старшая дочка герра судьи сбежала с заезжим комедиантом. Виноградники вымерзли вконец, подчистую. А без виноградников ему, Якобу, хоть волком вой. Нечего стало сторожить, помимо луны в небе. Вот и подался в заплечные мастера. Ремесло нехитрое, необременительное. Опять же достаток, в церкви место особое выделено, от властей уважение. Людишки, чернь, мелкота, косятся, известное дело. Пренебрегают, слова пускают вослед бранные, а то и яйцами тухлыми влепить из-за угла норовят. Да только все они, недоброжелатели, у него здесь, в кулаке; многим из этих каналий его, Якоба, меч пощекочет затылок.

— А прежний палач — куда он делся? — осведомился Иоганн.

— Прежнего мастера нашли мертвым в постели, — отвечал Якоб. — С тесаком в сердце. Будь сын у заколотого злодеями мастера, палачествовал бы вместо отца. Только не успел мастер обзавестись детишками-то.

Якоб кивнул хозяину харчевни, распорядился: чашу наполнить, принести осьмушку бумаги и чернильницу.

— Где ты, Якоб, выучился грамоте? — удивился Кеплер.

— Погоди, — отмахнулся палач. — Какая там грамота — ни аза не смыслю. Прошение помощи сочинить. Городскому совету прошение о дозволении мне, Якобу Шкляру, жениться.

Покуда Иоганн Кеплер скрипел гусиным пером,

заплечный мастер одолел еще две чаши хмельного.

Кеплер написал прошение, прочел вслух.

Якоб глубоко задумался, потребовал перечитать бумагу и, видимо, остался доволен.

— Молодец, золотая голова! Ни одна собака в городишке не захотела помочь палачу. На веки вечные обязал меня услугой. Потому знай: ежели кто из родственников твоих или сам ты в руки мне попадете, — избавлю от мучений. — Палач наклонился через стол и зашептал Кеплеру на ухо: — Бутылочка винца, да не простого — отравленного — за полчаса до казни, и без всяких страданий отдашь богу душу. Я слов на ветер не бросаю. Слово палача — закон...

«Длинь-длинь-бом, длинь-длинь-бом, длинь-длинь-бом!»

Зазвонили колокола по всему Тюбингену, суровыми, благостными, звонкими переборами вливаясь в души честных христиан, козни отпугивая колдовские. Положи на верстак тонкий косой нож, сапожник; прикажи шабашить голодным подмастерьям, сытый хозяин сукнодельной мастерской; закрывай лавочку, безбородый араб, пряностями заморскими торговец.

О чем, в смирении и трепете, святых заступников закликаешь, обыватель?

Да минует сей город чума, иль турок свирепый, иль тягостный налог, иль вздорожанье товара нежданное-нежданное. Да не ворвется средь ночи, как на прошлой неделе в соседний Штутгарт, воинственный архиепископ с армадой наемников, ландскнехтов. Да не принудит горожан духовный князь, исходя словами бесчестными, бранными, выдать немедля все королевские льготные грамоты. Да не вытребует позорного

обещания отказаться от всех вольностей и прав и впредь быть довольными распоряжениями, каковые его милость сочтет за нужное издать.

Вызывали, надрывались колокола. В узкое оконце харчевни заглянули сумерки. Пора было отправляться к профессору Мэстлину.

ЗОЛОТЫЕ САДЫ ВСЕЛЕННОЙ

Астроном должен быть мудрейшим из людей.

П л а т о н

Он долго колотил в окованную железом дверь. Наконец сквозь глазок в двери просочился надтреснутый, неодушевленный, какой-то фальшивый голос:

— Как доложить изволите?

Иоганн объяснил, кто он таков и откуда.

— Башмаки не худо бы почистить, — сказал неодушевленный голос. — По фунту грязи на каждом. Щетка справа, возле порога, где бочка.

Поразился Иоганн: каким зрением надо обладать, дабы разглядеть в темноте грязь на башмаках. Нагнулся, начал шарить руками по земле, отыскивая щетку.

Целая рота солдат успела бы вычистить сапоги, прежде чем на пороге появился привратник со свечой в руке.

Они поднялись по деревянной лестнице и вступили в полутемную прихожую. Бакалавр снял плащ, стараясь, чтобы привратник не заметил предательски зияющую дыру на локте. Перед зеркалом, пытаясь пригладить всклокоченные волосы, Кеплер услышал, как у него стучат зубы. Он часто страдал изнурительными лихорадками и подумал: ну вот, не хватало, чтобы начался очередной припадок. Но сразу же понял: лихорадка ни при чем. Просто он ужасно волновался.

Привратник взялся за позолоченную ручку и раскрыв перед гостем дверь. В кабинете, освещенном тремя светильниками, не было никого, по крайней мере так сначала показалось оробевшему бакалавру. На массивном столе с ножками в виде львиных лап стоял огромный позолоченный глобус. Рядом лежали трикетрум*, циркуль, линейка, песочные часы и грифельная доска. У стены, там, где перекрещивались тени светильников, возвышался книжный шкаф, наполовину задернутый оранжевой бархатной портьерой. В шкафу тускло поблескивал череп. На полу, устланном медвежьими шкурами, застыло чучело крокодила. Пахло старинными книгами, засохшими цветами, ромашкой, тимьяном.

Кеплер подошел к глобусу, потрогал пальцем Африку, Великий океан, Америку, перевел взгляд на шахматный столик в дальнем углу и похолодел: за шахматным столиком в глубоком кресле сидел герр Мэстлин. Но теперь, без академической мантии и очков в золотой оправе, герр Мэстлин казался не столь напыщенным и грозным.

— В сражениях шахматных силен? — обратился профессор к гостю. И, не дожидаясь ответа, предложил: — Располагайся напротив. Готовь свои фигуры к приступу.

Иоганн робко присел на краешек кресла. От камина растекались волны сухого тепла. Потрескивали, как ночные цикады, светильники. Герр профессор играл быстро, почти не раздумывая. Сделав ход, он испытующе глядел в лицо бакалавру. Кеплер уткнулся в доску, целиком поглощенный замыслом пленения неприятельского короля.

* Трикетрум — прибор, с помощью которого в средние века определяли положение небесных светил.

В середине партии герр профессор потер ладонью шрам на лбу и произнес:

— Твое знание стародавних авторов достойно похвалы. И в шахматы ты играешь отменно. Пора мне капитулировать. Иного выхода нет. Мой король заперт.

— Выход найдется, ваша милость. Извольте взглянуть. Вы берете моего коня ладьей, затем приносите слона в жертву воину, а после уступаете королеву за двух воинов. И королю моему — вечный шах. Ничья, стало быть.

— О, да ты играешь за двоих! — восхитился профессор. — Теперь ответствуй: кто таков Фабриций Бренциус?

— Фабриций? Мы с ним сидели на одной скамье в училище. Славный малый, здорово дрался на кулачках, — отвечал бакалавр, не понимая, при чем тут его бывший однокашник.

— А по части наук?

— Науки Фабриция тяготили, особенно латынь и древнегреческий. Спряжений он, бедняга, так и не одолел.

— Не одолел, говоришь, спряжений? Как же вышло, что сей бедняга Бренциус закончил духовное училище первым, а ты лишь вторым? По крайней мере, так значится в твоём аттестате... — Мэстлин смел фигуры с доски и спросил: — Кто родители бедняги Бренциуса?

— Отец его торгует колбасами. Помимо того, он состоит в городском совете казначеем.

— Колбасами торгует! — захохотал хозяин дома. — Тогда все ясно. Не впервой груз колбасы перевешивает тяжесть знания. — Он встал, подошел к камину, прислонился спиной к теплым изразцам. Пламя

отбрасывало на голубой халат Мэстлина багряные блики. — По части астрономии, кроме Цицерона, кого читал?

— Аристотеля, ваша милость. Весь «Альгамест» Птолемея проштудировал. «Упражнения в экзотической философии» Юлия Скалигера. «Альфонсовы таблицы» просматривал многожды.

— Похвально, — пробормотал герр Мэстлин. — Сие сделало бы честь и выпускнику академии. Какую цель преследовал, когда пополнял знания астрономией?

Иоганн медлил с ответом. Кажется, настала пора высказать самое сокровенное. Он набрался храбрости и выпалил:

— Архитектуру вселенной намереваюсь постичь. Гармонию мировую.

И опять, как за шахматным столиком, испытующе глянул профессор на бакалавра. «Посмотрим, посмотрим, какова вселенская архитектура», — говорил тяжелый этот взгляд, будто герр Мэстлин ожидал, что его гость вслед за отчаянными своими словами явит взору и самую мировую гармонию.

— Вода, воздух, земля, огонь, эфирная субстанция — разве не это, по учению Аристотеля, составляет гармонию мироздания? Иное?.. Тогда поясни, — сказал Мэстлин.

И Кеплер, поначалу глотая слова и путаясь, а затем все более и более увлекаясь, поведал о том, что давно уже родилось, расцвело, вызрело в пылком его воображении.

Да, он поставил себе задачу постичь архитектуру вселенной, проследить замысел всевышнего при сотворении мира. Существуют три вещи: число, величина и

движение небесных тел, относительно которых он с особенным рвением доискивается, почему они таковы, а не иные. Да, ему кажется, что система мира должна основываться на математических соотношениях, полных таинственной гармонии. Они еще никем не отысканы, но в конце концов могут быть найдены. Ибо в космосе все тесно связано: и отдаленнейшая, едва видная глазу неподвижная звезда, и человек, рождающийся на нашей планете в тот или иной момент. Чтобы найти, отыскать нити этой связи, нужно неслыханное знание всего космоса. Нужно расплести взором целую сеть бесчисленных золотых нитей, которые переплелись в нем в миллионы веков. Такому безграничному взору весь видимый мир представится золотым, необъятно раскинувшимся садом... Вот какого рода мысли приходят на ум ему, Иоганну Кеплеру, когда по ночам он сочиняет свою первую книгу — «Космографическое таинство».

Кеплер закончил исповедь, ожидая приговора. Однако Мэстлин молчал. Он вспомнил, как когда-то таким же осенним вечером в далекой Италии другой одаренный юноша — Галилео Галилей — столь же страстно исповедовался пред ним, посягая на извечные законы космоса. «Откуда в них, в двадцатилетних мудрецах, эта уверенность, это знание, эта страсть? — думал ученый. — В их годы мы были совсем иными. Наши бесшабашные пирушки, отчаянные наши дуэли на шпагах, наши нескончаемые богословские споры о чертах, ангелах, дьявольском наваждении...»

— Впредь, до окончания академии, назначаю тебя, Иоганн Кеплер, моим фамулусом, — в задумчивости проговорил профессор.

— Герр профессор, я вынужден просить вас переменить сие решение, — отвечал Иоганн.

— Неужто ты раздосадован, что я никак не похвалил твою архитектуру вселенной?

— Ваша милость, я не могу быть вашим фамулуcom. Я согласен со всеми доводами бакалавра Ризенбаха относительно движения Земли.

— А не боишься разделить участь Иеронима? — Профессор астрономии и математики усмехнулся. — Честь и хвала твоей правдивости. Однако при чем тут доводы Ризенбаха? Он добросовестно пересказал учение Коперника. И заметь: я сам сторонник идеи о движении Земли. Более того, — профессор возвысил голос — я веру Коперникову обратил когда-то великого Галилея.

— Великого Галилея? — как эхо, повторил Кеплер. — Но тогда... как же вы осудили ересь Иеронима?

— Ты помышляешь об истине, а я о своих шестерых детях, — сурово отвечал Мэстлин. — Мало ли какого вздора не приходится провозглашать на лекциях. Что ж, я и против календаря григорианского* написал, сочинил пасквиль. Потому как принудили, обязали... А теперь представь: я громогласно заявляю с кафедры, что догмы Птолемея давно устарели. Ну и что? Немедля выдворяют из академии, лишают всех званий и чинов. Ступай, мол, умник, переписывай книги либо милостыню проси. Неужто лучше, ежели на мое место посадят какого-нибудь сынка торговца колбасами? Ведомо ли тебе, почему я покинул университет в Гейдельберге? Стоило на лекции заикнуться о Копернике — сразу донесли, подлейшим образом донесли проректору. И надо же додуматься: доносчика, мерзавейшего иуду, к стипендии кардинальской представили, золотые часы преподнесли: правильно, мол, разумеешь ход времени, фискал.

* Григорианский календарь официально был введен в Германии в 1584 году. Однако в протестантских провинциях пользовались старым, юлианским, календарем.

А еще трезвонят: «Наш славный, наш либеральный университет!»

«Вот оно что, вот оно что, — думал Кеплер. — Значит, вся роскошь эта, все великолепие, довольство, спокойствие — все куплено ценой смирения. И глобус, и древние манускрипты, и кувшин фарфоровый, и золотой кубок, и светильники в форме кабаньих голов — все мираж, видение, плата за вынужденное молчание».

Как бы догадываясь о мыслях бакалавра, ученый продолжал:

— Да я ли один! Галилей, великий Галилей, получив профессию в своей гордящейся свободой Италии, принужден учить студентов по Птоломею... Я зачту наизусть несколько строк, а ты попытайся ответить, чьи они. Вот послушай: «Что есть Земля и окружающий ее воздух в сравнении с необъятностью вселенной? Маленькая точка или нечто еще меньшее, ежели может что-нибудь быть меньше. Поскольку наши тяжелые и легкие тела стремятся к центру нашей Земли, то, вероятно, Солнце, Луна и другие светила ничем не отличны от Земли, подчинены подобному же закону, вследствие которого они остаются круглыми, как мы их видим. Но ни одно из этих небесных тел не есть необходимо центр вселенной».

— Так это же... это же равнозначно ереси Ризенбаха, — удивился бакалавр.

— Я, я написал сию противоречащую священному писанию ересь. Однако какой издатель возьмет на себя риск опубликовать такое! Какой безумец решится напечатать мою гипотезу относительно серебряного света Луны! Сей благородный свет все в один голос объясняют местонахождением на Луне райских куш. Я же по-

лагаю так: сияние ее суть отраженный Землею свет Солнца!

— Простите меня за невежество, господин профессор, — сказал Иоганн. — Ежели вы не передумали, я готов исполнять обязанности фамулуса.

...Он не слышал, как караульный на дозорной башне дудел в рожок, оповещая уснувший Тюбинген о полночи, сошедшей со звездных небес на грешную землю. Он не видел, как впереди, у ратуши, прошествовала дюжина воинов с факелами и пиками — ночной дозор. Иоганн шел, не разбирая дороги, кутаясь в волосяной плащ. Отныне он старший студент, фамулус. Помимо всех прочих обязанностей, ему надлежало ежедневно делать выписки из сочинения Коперника «О круговращениях небесных тел» в кабинете герра профессора, где за оранжевой портьерой спрятано в шкафу это богохульственное сочинение. И никто не должен проводить о том. Так повелел профессор Мэстлин, провожая своего фамулуса до двери.

— И помни, помни, Птолommeевой системе жить осталось пять-десять лет, не более, — говорил профессор, не подозревая что ошибается на целую четверть века. — Он отпер засов и распахнул дверь. Многозвездный купол неба уносился в недосыгаемую высь, в холод надмирных пространств. Мэстлин сказал: — Не только Галилей и Джордано Бруно проповедуют Коперниково учение. Сам король астрономов отрекся от Птолommeя.

— Король астрономов? Кто же он?

— Известнейший звездочет. Искуснейший медик. Друг моей юности. Тихо Браге, датский дворянин.

Иоганн нашарил в кармане и бережно сжал пальцами склянку, подаренную ему торговцем реликвиями.

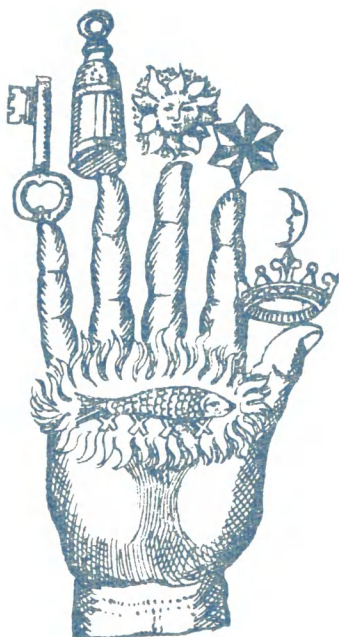
Там на бумажке, приклеенной к коричневому стеклу, были зарифмованы достоинства чудодейственного средства:

«Устраняет в животе брожение,
Улучшает кровообращение,
Лечит оспу, грыжу, язву, корь,
Раны, всякую иную хворь,
Насморк, боль в виске, дрожанье века,
Заворот кишок, чесотку, сплин*
Дивный сей бальзам
Составил лекарь
ТИХО БРАГЕ,
датский дворянин».

* Сплином в старину называли хандру, уныние.

КОРОЛЬ АСТРОНОМОВ

**КАНЦЛЕР
ВАЛЬТЕНДОРФ**

У него, без сомнения, был очень пылкий нрав, но мы ошибемся, если отождествим присущую ему резкость с грубостью. Большинство вельмож его времени были люди заносчивые, привыкшие бесцеремонно обращаться со слугами, и издеваться, и зубоскалить над мирными тружениками науки, которых они умели только презирать свысока. Но Тихо не отличался кротостью; он восставал в защиту науки и платил им той же монетой, пожалуй, даже с лихвой.

Оливер Лодж,
английский писатель

Тихо Браге, датский дворянин, выскочил на высокое крыльцо Небесного замка. Несколькими мгновениями раньше из замка пулей вылетел другой датский дворянин, вельможа со свиными бойкими глазками, облаченный в кафтан с позументами. На крыльце обладатель свиних глазок и роскошного кафтана споткнулся, отчего кубарем скатился по каменной лестнице. Во время позорного своего падения по ступеням государственный канцлер Датского королевства Вальтендорф исхитрился выкрикнуть: «Пауль! Луи! Живо лошадей!» Пострадавший, припадая на ушибленную ногу, добежал до конюшни и вмиг выехал верхом на лошади. Лишь теперь он, судя по всему, оценил весь конфуз своего положения. Водрузив руку на рукоять шпаги, канцлер воскликнул:

— Шарлатан! Звездогляд! Звездохват! На дуэль тебя вызову, лихоимец! Вертопрах!

— Отчего же не сразиться? Сразимся, почтенный. Я отважу тебя от скверной привычки обижать моего пса. Он подарен самим королем английским, — без-

злбно отозвался Тихо Браге и обнажил шпагу. Левоу рукою придерживая свой нос, он спрыгнул с высокого крыльца...

Читатель юный мой! Именно здесь ты волен усомниться в правдивости этой хроники. И впрямь: вряд ли кто из здравомыслящих людей ринется с высоты на землю, к тому же со шпагой, к тому же нелепо поддерживая рукою собственный нос... Но нет, автор нипочем не соблазнится сомнительной честью стать выдумщиком, исказить лицо факта. Да отрежут лгуну его гнусный язык, как справедливо заметил великий писатель. Да восторжествует истина!

Лет за тридцать до описываемых событий Тихо Браге путешествовал по Европе. В Ростокe пылкаа натура волекла его в опасное приключение. Спор на математическую тему — с неким забиякой Мандерупиусом — завершился дуэлью. Побоище грянуло в семь часов полудни в конце декабря. Было темно и вьюжно. После этой схватки, бесстрастно обнажает факт историк, Тихо совершенно лишился носа.

Он, однако, смастерил себе искусственный, одни полагают, — из золота и серебра, другие утверждают — из олова и меди. Но каков бы сей нос ни был, факт тот, что датский дворянин носил его всю жизнь. О необыкновенном носе знала вся Дания, да что там Дания, вся Европа, весь мир. И никто в мире не решился бы намекнуть Тихо Браге на его изъян без опасения лишиться собственного органа для обоняния.

Тихо Браге приземлился, обнажил шпагу. Увы, высокогородного обидчика как ветром сдуло.

— Шильп! Шильп! Эй, где ты там! Неси коробку с алебастром. Опять нос отвалился! — позвал слугу Тихо.

Тем временем разобиженный, униженный канцлер подскакал к пристани. Вальтендорф не пожелал сойти с лошади и храбро въехал по узким ненадежным мосткам на борт двухмачтовой фелюги.

— Подымай паруса! Отчаливай! — прокричал он страшным голосом.

Запрыгало на волнах подхлестываемое норд-остом суденышко.

— Куда править прикажете? — робко осведомился капитан.

— В Копенгаген, куда ж еще! В Королевскую гавань! За подобные вопросы в другой раз сошлю на галеры! В тропические моря! Акул кормить!

«Оно и сподручней, на галерах-то, — рассуждал капитан, единоборствуя со штурвалом, — сколько можно помыкания сносить да угрозы? А там, как ни крути, воздух южный, тропический, целительный. Опять же дальние посетишь страны. Хоть и прикован к веслу, а одним глазком подивишься на чудеса заморские. Да и о жилье не надобно было б хлопотать».

По-прежнему с коня не слезая, канцлер взирал, как медленно отдалялся ненавистный остров Гвен с возвышавшимся на нем Уранибургом — Небесным замком.

— Я сотру в порошок сие пристанище бродяг и звездочетов! — вскрикивал Вальтендорф. — Позорище! Дворянин, на щитах шестнадцать гербов незапятнанных, а чем занялся? Не охотой, не войной, не службой государевой, — звездословием презренным! К наукам пристрастился, греховодник!

— Простолюдинов хворых врачует безвозмездно. Не щадит ни сил, ни трудов. Подлой черни по звездам судьбину пытается, — угодливо поддакнул сзади слуга Луи.

— Супротив божьего храма возвел звездоблюсти-

лице поганое. В грамоте премного умудрен. Сказывают, с нечистой силой знается. К лошади привязать бы разбойника. Сковать бы ему железными цепями ноги под животом лошади — и на суд правый, — предложил слуга Пауль.

— Заткнитесь оба, грамотеи! — вознегодовал канцлер. — С коих пор лакеям дозволено порочить датское дворянство! Вон отсюда! Нешто оглохли? В трюм!

И вконец прогневанный Вальтендорф освирепело приложился плетью к крупу своей лошади, не помышлявшей о таком коварстве. Мало кто усомнился бы в том, что будь у несчастного животного крылья, оно единым махом взвилось бы с двухмачтовой фелюги, доскакнуло до острова Гвен и порушило копытами обиталище канцлерова супостата. О, крылатая лошадь разнесла бы вдрызг, разметала, в руины обратила проклятый Уранибург, включая обсерватории, музей, библиотеку, мастерские, бумажную мельницу, печатный станок — весь, весь Небесный замок, вплоть до выставленных снаружи статуй знаменитых астрономов древности от Гиппарха до Коперника включительно!

...Тихо Браге приклеил нос, велел слуге отнести обратно шкатулку с алебастром и медное зеркало.

День начинался нелепо, отвратительно. Любой гнусности жди теперь от канцлера, любого подвоха. Стоило скончаться престарелому королю, благоволившему к астрономии, и все враги Тихо разом подняли рыла. А как раньше-то было — вспомнить любо-дорого. Ни на шаг не подпускал доносчиков да кляузников к священной своей особе государь, гнал взашей. До конца дней своих помнил, как он, король датский, подвернул ногу на мосту через реку, свалился в подернутую

тонким ледком воду и начал тонуть. От ужаса все придворные попадали в обморок. Уже горделивый взор замутился у короля, уже холод бездны объял его величество, как вдруг — хвала провидению! — из дубравы показался Георг Браге. Отец Тихо ринулся — вместе с конем и амуницией — вызволять государя. Король был спасен, а спаситель через неделю отдал богу душу по причине воспаления легких. Язычник поганый, нехристь бесчувственная и то вознаградил бы славный сей подвиг. Что же говорить про короля христианского!

Через двенадцать лет его величество решил пожаловать орден сыну своего избавителя. И — о ужас! — знатнейший дворянин, выпускник Копенгагенского университета совершенно покончил с сословными предрассудками. Без ведома, согласия и одобрения благородных родственников он дерзнул связать себя узами брака с простой крестьянкой, после чего, всеми презираемый, отбыл за границу. Устыдился государь: единственный в королевстве астроном принужден странствовать по чужим землям. Написав скитальцу собственноручно письмо, король предложил: ежели Тихо вернется в отечество, ему пожалуют остров Гвен и сто тысяч рейхсталеров на постройку великолепнейшей из всех воздвигнутых когда-либо обсерваторий.

Единственный датский звездонаблюдатель возвратился на родину.

Ни один летописец той знаменательной для астрономии поры не обошел молчанием факт закладки Небесного замка.

Закладывали Уранибург в прекрасное осеннее утро 1576 года по рождеству Христову. Ярко сиявшее солнце, казалось, изливало славу на седого короля Дании, на французского посланника Данзеса, на блестящих придворных и скромных ученых, собравшихся «положить

краеугольный камень сего храма, посвященного философии и созерцанию светил небесных». Так гласила заложенная в основание замка медная доска.

И поднялся над морем Уранибург преславный, красоты неопишуемой замок. Стены, каменной резьбой украшенные, затейливые оконца, крыши, купола, надстройки, башни, башенки, — воистину сказочный чертог построил Тихо Браге. Не гнушался дворянин простого люда, частенько на леса восходил, указуя мастеровым, где и что возводить во славу Урании — древней музы звездозакония.

...Король астрономии осторожно трогает приклеенный нос. Пора в обсерваторию, его ждут многочисленные помощники и ученики. Двадцать лет минуло, как он поселился на острове. Двадцать весен лопались синие льды на море и уплывали в океан. Двадцать осеней кричали высоко над скалами гагары, улетали к югу, провожаемые падающей листвой. Двадцать зим рождались и умирали белые снега. А он, Тихо Браге, сидел как прикованный в своем дворце. Он следил ход созвездий, потаенное бытие светил. Пять дюжин распухших томов с записями еженощных бдений пылятся в библиотеке. Кому нужна сия немая, холодная цифирь? Кто объемлет разумом бесстрастные числа, предугадает истинный ход небесных тел? Он, Тихо Браге, отвергший премудрость Птолемея, отмечающий ересь Коперника, никогда не измыслит собственной системы мироздания, превосходящей гений сочинителя «Альгаместа», гений каноника из Фромборка. Гением наблюдателя сподобил его всевышний. Наблюдателя, а не философа, не математика. Однако кто дерзнет усомниться, что посвятить жизнь исправлению астрономических таблиц не благое дело?

Как воздух нужны новые таблицы мореходам и землепроходцам... Умер престарелый король Дании, изо всех щелей выползали клеветники, посягающие на Небесный замок. А тут еще Вальтендорф, принесла вчера его нелегкая. Заносчив канцлер, кичлив, высокомерен. А чего, собственно, пыжиться? Особы королевского звания не гнушаются испросить аудиенцию у Тихо Браге. Его величество Яков, владыка английский, целую неделю провел в Небесном замке по случаю свадьбы с принцессой Анной. Густав Адольф, шведский принц, посетил Уранибург, и ему по созвездьям он, Тихо, предсказал корону, и через год сбылось предсказанье. Чего ж нос задирать, канцлер?

**НЕУДОВОЛЬСТВИЕ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА**

Разве ты не видишь, как много существует животных, деревьев, трав, цветов, какое разнообразие гористых и ровных местностей, потоков рек, городов?

Леонардо да Винчи

Сколь ни проницателен был звездочет, однако относительно свойств канцлерова характера он на сей раз ошибся. Отнюдь не высокомерие приводило в действие довольно сложный механизм земного существования Вальтендорфа. Честолюбие, страсть к славе, к почестям, тяга — упаси боже, пронюхают недоброжелатели! — к искустельному, завораживающему блеску королевской короны. По тому, как вельможа завивал и напояживал усы, как насильственно щурил левый глаз, по тому, как он силился казаться рассеянным, — легко было предположить, чей образ не дает ему покоя. Образ умершего короля! Кто предугадает, сколь долго проживет юный наследник? Мало ли что стрястись может с ним. И тогда канцлер Вальтендорф вполне... Но на сей счет следовало заручиться приятелью знатнейших фамилий королевства.

По прибытии канцлер, решивший скрыть до поры до времени истинную цель визита, раскланялся с хозяином Небесного замка и заговорил:

— Мы слышали много лестного о твоём Уранибурге. Нам ведомо также, что добросердечие твоё соперничает с познаниями в области астрологии, герметического искусства*, алхимии, медицины и прочих наук.

* Так называли химию в старину.

Поделись же ученостью и с нами, полнейшими невеждами в вышеозначенных областях премудрости, именуемой знанием. Ибо, как выразился мудрец, премудрость — лучший дар из числа даров, милостей и преимуществ, коими одарена и украшена природа человека от начала веков. Хотя... — тут канцлер не утерпел и встал-таки шпильку дворянину, погрязшему в науках, — ...хотя, говоря по правде, добрую свору гончих псов мы предпочли бы всем наукам, взятым вместе.

Тихо Браге смиренно выслушал витиеватую канцлерову тираду.

— А сколько ж всего вас? Двое? Пятеро? Дюжина? — отозвался Тихо лукаво, глядя как бы сквозь гостя, в надежде разглядеть за его спиною иных вельмож.

— Я н-не понимаю... М-мы один, — начал заикаться от волнения канцлер. — То есть я... одни, — запутался он окончательно.

Тихо Браге произнес звучно и жестко:

— Господин канцлер, будьте уверены: в моем кабинете никто нас не подслушивает. Посему осмелюсь кое о чем спросить вас. Разве абсолютное право именовать себя «мы» в беседе с дворянином принадлежит еще кому-либо, помимо королей и папы римского?

Замешкался сановник, побагровел, как мантия римского папы.

— Неужто государь по малости лет уступил вам на некоторое время корону? Или вас выбрали духовным пастырем Священной Римской империи? Тогда простите великодушно, ваше величество, ваше святейшество. Простите за неведение. Без сомнения, великая весть пролетела мимо нашего острова, не задев Гвен ни крылом, ни хвостом. — В горле у Тихо kloкотал смех.

Если бы за облаками над Небесным замком висел незримый колокол судьбы, единственный в Дании

астроном услышал бы тяжкий, грозный удар. Ибо с этой минуты Вальтендорф, низвергнутый в пучину позора, почувствовал себя заклятым, смертельным врагом всей астрономии в целом, Тихо Браге в частности. «Пусть, пусть мне даже и не быть королем, — мстительно думал он. — И без того высоко летаю. Но тебя я свергну со звездного престола!»

Однако гость не подал и виду, что уязвлен. Более того, он легко и изящно обратил инцидент в прелестную шутку.

Они проследовали в типографию, осмотрели станок, на котором когда-то было напечатано прославленное «Описание Уранибурга». Затем прошли в библиотеку, а отсюда — в кунсткамеру.

В кунсткамере было чему подивиться! Там сидел у фонтана механический арапчонок: стоило завести его серебряным ключом — и арапчонок вставал, ходил по зале, кланялся, распевал хрустальным голосом древнее магическое заклинание: «Пирри-древви-шавкутти-дробашши». Там свиристели, скакали, плясали, стрекотали, жужжали затейливые игрушечные поделки. Там вращались маленькие ветряные мельницы. Там гарцевали заводные лошадки. Там дым валил из трубы причудливых домиков с золотыми флюгерами и курантами. Там висел — посреди залы, ни к чему не подвешен! — объемистый железный глобус.

Насладившись кунсткамерой, гость окончательно пришел в себя, более того, повеселел. Щеки его посетил румянец. На уста взошла кроткая, блаженная улыбка.

— Арапчонок, арапчонок-то — преискуснейшая диковина! Всем правилам этикета обучен. И кланяется, кланяется, сорванец! А какой голос, точь-в-точь хрустальный колокольчик. В хор бы его, в королевский собор, выучить песнопениям. Вся Европа ударится к нам в па-

ломничество. Казна возвеличится несказанно. Флот построим, армию экипируем в новые мундиры, перестанем хлеб покупать за кордоном. Паломники, они всегда при золотишке, карман у них тугой. — И канцлер, денно и ночью пекущийся о пополнении государственной казны, замурлыкал себе под нос:

— Пирри-древви-шавкутти-дробашши!

Тихо Браге живо смекнул: арапчонка покушаются у него отнять.

— Господин канцлер! Вроде бы несподручно к литургиям * приобщать тварь черномазую. Язычник он все-таки. Вроде и неживой, а нехристь.

Сановник, уже оценивший всю нелепость надежд на паломников, прищурил левый глаз и откликнулся уныло:

— И то верно. Одним арапом, даже и хрустально-голосым, пустую казну не наполнишь.

Огненный парус заката тонул в море. Засветился маяк поодаль. Смолкли птицы. Канцлер подумал: «Мне за шестьдесят, а я ни одну птицу не узнаю по голосу. Мне неведомы повадки зверей и рыб, чаще всего я вижу их искусно запеченными на столе. Я не знаю, о чем поет ветер, как называются созвездья, травы, цветы».

Меланхолия навалилась на вельможу, сжала душу когтистой лапой приближающейся старости.

Вечером король астрономов задал пир по случаю прибытия великоименитого канцлера. Кушаний было изобилие немалое, питий великое множество. За длинным столом в трапезной собрались все обитатели Небесного замка. Во главе стола (и это неприятно поразило канцлера) восседала жена хозяина. «Атласная мантилья

* Литургия — религиозные песнопения.

с золотым шитьем. Куртка мавританская, соболем отделанная. Сапфиры. Жемчуга... Точно принцесса, вырядилась», — пожирал ее взглядом канцлер, душимый злобой. Было, было от чего негодовать и скрипеть зубами! Где это видано, чтоб сидели вперемежку и жалкие ученые, и людишки низших сословий, и князя имениные, и даже подозрительные личности без роду и племен, вроде того полуюродивого-полуидиота с колокольчиками на рукавах, что затеял какой-то ученый спор с господином Тихо Браге. Где это слыхано, чтоб по правую руку от дворянина восседал шут гороховый, а по левую — государственный канцлер! Где же чины, титулы, ранги, звания, положения, сословия?!

Насытившись злаками, рыбой и дичью, Вальтендорф откинулся на спинку кресла и заговорил:

— Я восхищен приемом, коим меня соблаговолили удостоить в Небесом замке. Однако я недоумеваю: отчего меня не ознакомили с главной обсерваторией. Молодой король много рассказывал о небесном глобусе из меди. Верно ли, будто на нем нанесены около тысячи звезд и будто он обошелся в пять тысяч рейхсталеров?

— Истинно так, — отозвался хозяин, удостоив наконец гостя вниманием. — Я не имею возможности показать вам мои инструменты — ни астролябии, ни большой стенной квадрант*, ни глобусы. В наблюдательной башне рушится от сырости штукатурка, и я остерегся подвергнуть вашу особу хотя бы малейшей опасности.

Увы, юный мой читатель, король астрономов заведомо кривил душою. Не существует на свете обсерваторий, где в разгар знойного лета обваливаются от сыро-

* Астролябия, квадрант, — приборы для измерения высоты светил.

сти потолки. Однако маленькая хитрость Тихо вполне извинительна. Тем, кого он презирал, ученый никогда не показывал своих особо важных инструментов. Здесь уместно добавить, что все приборы в Уранибурге (как и все диковинки кунсткамеры) были изобретены самим Тихо. Увеличительной трубы в ту пору еще не существовало, но и спустя полвека после ее появления звездонаблюдатели все еще не могли в точности измерений превзойти короля средневековой астрономии.

И что удивительно! Сей волшебник исхитрялся и время отсчитывать с неслыханной тогда точностью. Каким образом? Путем определения веса вытекавшей через малое отверстие ртути либо обращенного в порошок свинца. Велики были неудобства таких хронометров, но что поделаешь: иных средств мир не знал. Войдем же в бедственное положение Тихо, когда он сетует в своем сочинении: «Лукавый Меркурий (ртуть) смеется над астрономами и над химиками; Сатурн (свинец) тоже обманывает, хотя служит несколько лучше Меркурия...»

— Да, я остерегся хотя бы малейшей опасности подвергнуть вашу особу, — повторил звездочет и присовокупил не без иронии: — Воистину бесценная жизнь ваша нужна всему королевству.

Вальтендорф прикоснулся губами к кубку с мальвазией и сказал:

— Что ж, в отличие от иных дворян я верой и правдой служу королю. И посему не могу умолчать, что государь по возвращении из Уранибурга прохворал восемь дней мигренью.

— Еще бы не захворать! Теперь он надолго запомнит сюда дорогу, — хохотнул полуюродивый-полуидиот и серебряными прозвенел колокольчиками.

Канцлер пропустил мимо ушей шутовское замечание.

— Чем я вызвал неудовольствие его величества? —
полюбопытствовал ученый простодушно.

О, Тихо Браге, этот хитрец многопремудрый, преот-
менно был осведомлен о причине ужасающей мигрени,
на восемь дней и ночей оторвавшей молодого короля
Христиана от первостепенной важности государствен-
ных дел.

ИЗГНАНИЕ

О чем бы ни шла твоя речь —
Ни в чем королям не перечь.

Лопе де Вега

Молодой король соблаговолил посетить Уранибург в сопровождении свиты, пышной, как золотистые локоны супруги тайного королевского советника.

После осмотра Небесного замка его величество изъявил волю наградить своего звездонаблюдателя, затмившего славу всей ученой Европы, золотым поясом, золотой табакеркой и, сверх того, беседой на астрономические темы.

— Никакая иная наука не пользуется в такой мере милостью... э-э... — голосок его величества пресекся: заведомо затверженная изящная фраза вылетела из головы государя.

— ...коронованных особ, как звездословие, — зашептал повелителю на ухо тайный советник.

— Никакая иная наука не пользуется в такой мере милостью коронованных особ, как звездословие. Деянья твои преумножили славу нашего королевства, — уже увереннее продолжал государь. — Одно нам невдомек. Мы заметили, что славный Уранибург возлежит наподобие громадного квадрата, углы коего устремлены на четыре стороны света. Не так ли?

— Вы правы, как всегда, ваше величество. На север, восток, юг и запад устремлены углы, — ответил ученый.

— Не кажется ли тебе, что ты допустил просчет,

замышляя замок о четырех углах? Круглая форма предпочтительней приличествует назначению звездоблюстилица. Ведь солнце вершит свой путь по кругу, — заключил король, справедливо гордящийся своими астрономическими познаниями.

Царедворцы угодливо затрясли бородами.

Тихо Браге стал в тупик: что должен был предпринять в подобной совокупности обстоятельств любой верно-подданный?

Нет сомнений, он должен был не только согласиться с его величеством, но и раскаться, притом чистосердечно, в своем невежестве. Вослед за раскаянием невежде надлежало в одну ночь измыслить план новой обсерватории и представить чертеж тайному советнику. Посоветовавшись с супругой, тайный советник одобрил бы план и приказал привести его в исполнение. А дальше пошло-поехало. Мастеровой люд, забвению предав постройку дамб, сооружение мостов, дорог, конюшен, возведение амбаров, мигом обосновался бы на Гвене. В одну-две ночи порушили бы силачи-каменотесы Небесный замок, волшебное творение своих собратьев. За одно утро уложили бы новый фундамент, леса сколотили строительные. И вскоре — на радость его величеству — восстал бы из руин новехонький, Круглый замок. Не беда, что громоздкое подобие сторожевой башни непригоже снаружи и внутри. Не беда, что мало кого восторгают зодческие достоинства Круглого замка, — разве только сочувствие вызывают у круглых дураков. Не беда. Главное, его величество умиротворены...

Вот что должен был бы предпринять любой верно-подданный, тем паче единственный в королевстве астроном.

Но не таков был Тихо Браге, датский дворянин.

— Ваше величество, позвольте, я поведаю вам древ-

нюю притчу, — сказал королю Дании король астрономии.

— Изволь, — отвечал король Дании. Он обожал разные древние истории и притчи.

— Жил на Востоке во времена незапамятные некий властитель. Наскучили ему игрища да празднества во дворцах, решился он объехать свои владенья. Вот проплывает он на корабле мимо острова. А на острове деревья стоят, каждое дерево выше столбов Геркулесовых *. Спрашивает у свиты озадаченный властитель: «Что за дерева?» — «Название их никому не ведомо, — отвечает главный садовник. — Одно достоверно: помимо вашего царства, нигде в мире они не растут. А стоят на острове веки вечные». Вопросает властитель: «Отчего сии дерева диковинные на дубы ничем не похожи?» Молчит главный садовник. Свита в растерянности пребывает. Так и миновали остров. Долго ли, коротко ли, плывут обратным путем. Глядь, а деревьев на острове вроде уж нет. «Куда делись деревья, что на дубы ничем не похожи?!» — негодует властитель и велит пристать к острову. Сошел на берег — одни пни торчат кругом, голые-преголые. Начал властитель кольца годовые считать на самом тонком пеньке. Тысячу насчитал, а дальше со счета сбился. Тут падает ему в ноги главный садовник, слезами заливаясь: «Срубили, срубили мы деревья, все до единого. А меж пеньков молодые дубки высадили, извольте поглядеть себе под ноги, саженцы в траве покуда еще не видны. Вырастут, взор ваш порадуют дубочки». Закручинился властитель, да толку-то что: загублены деревья, каждое выше столбов Геркулесовых».

* Геркулесовы столбы — так назывались в древности скалы в нынешнем Гибралтарском проливе. По преданию, они были воздвигнуты Геркулесом.

Поведал притчу лукавый Тихо Браге, смиренно поглядывает на короля.

— Занятная история, — исполнился негодования государь. — Однако, господа, у меня голова разболелась. Верно, мигрень подступает. Возвращаемся в Копенгаген!

И скороспешно Небесный замок покинул в сопровождении свиты, пышной, как локоны супруги тайного советника...

— Неудовольствие его величества вызвано каверзной, недопустимой притчей, — сказал канцлер угрюмо.

— Нечего понапраслину возводить, — встрял в разговор шут гороховый с колокольчиками.

Вальтендорф отвернулся, будто не расслышал словес презренного человечешки, безумца.

— Угодно ли знать, что должен был предпринять в подобной совокупности обстоятельств любой верноподанный? — спросил он у Тихо после долгого молчания.

— Угодно, — отозвался астроном, обгладывая кость чуть меньше турецкого ятагана.

— Вместо выдумывания сомнительных притч надлежало не только согласиться с его величеством, но и раскаяться, притом чистосердечно, в своем невежестве. Вослед за раскаянием надлежало в одну ночь измыслить план новой обсерватории и представить чертеж господину тайному сове... — Вельможа осекся, опасливо глядя на безумца с колокольчиками. Лицо безумца налилось кровью, все тело искорежили судороги.

— Замолкнуть всем! Ни слова! — прокатился по трапезной бас Тихо Браге. — Лонгомонтанус, предсказанье записывай!

Людвиг Лонгомонтанус, первый помощник короля

астрономии, в то же мгновение извлек откуда-то бумагу, обмакнул перо в чернильницу.

— И будут глады, моры и землетрясения! — пророчествовал шут. — И будут знамения в Солнце, и Луне, и звездах, а на Земле уныние народов и недоумение! И море восшумит и возмутится! Люди будут погибать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную. И престолы небесные поколеблются!.. — Высокий голос юродивого перешел в хрип, затем в бессвязное бормотанье. Все стихло.

Тихо Браге призвал слуг, наказал им отнести несчастного в опочивальню.

Прерывать размеренное течение канцлеровой речи ради невразумительных откровений ничтожного шута! Такая дерзость переходила пределы всех и всяческих границ. «О, ты и не подозреваешь, ученый гордец, что за будущность уготована нами Небесному замку, — думал вельможа со злорадством. — Поначалу мы (разумеется, повелением государя!) лишим тебя и всю ученую твою братию пенсионна. Вослед за прекращением выплаты жалованья приберем к рукам твои поместья. По-другому запоешь, многомудрый Тихо Браге!»

Спалось канцлеру беспокойно. Снились Вальтендорфу ветры, растения, птицы, звери, названия коих он не знал. Под утро явились в сон столбы Геркулесовы. А на оных столбах жужжали, стрекотали, плясали, скакали, свистели поделки игрушечные, затейливые. И витал над столбами юродивый без роду и племени, страшный, как сарацин. И слова изрыгал пророческие:

— Пирри-древви-шавкутти-дробашши!

...Поутру очнулся от кошмаров высокий гость. Скверно на душе, тягостно. Самолично, без помощи слуг, в камзол облачился, башмаки натянул, шляпу с перьями на швейцарский манер. Решил прогуляться выйти. А на-

встречу, из трапезной выскользнув, пес сребристошерстый трусит, хвостом виляет, тварь, твякает радостно. Разъярился канцлер, хлыстом — раз! другой! третий! — прошелся по псине. Пройтись-то прошелся, да неожиданно почувствовал себя на воздух поднятым. Тихо Браге — и откуда он взялся? — государственного канцлера, за шиворот одной рукой держа бережно, до дверей Небесного замка донес да и припечатал с размаху к дверям. Вследствие сего насилия вельможа со свиными бойкими глазками, облаченный в кафтан с позумен-тами, пулей вылетел на крыльцо.

...Угаснет неяркое лето северное. В сентябре гонец прибудет государев в Небесный замок, привезет весть. Коротка весть, да коварна: в столице комиссия учреждена для оценки астрономических трудов Тихо Браге.

Зима настанет. Завьюжит, запуржит февраль. Пакет лощеный доставит почта хозяину Уранибурга. Из далекого Тюбингена пакет, от друга молодости университетской, от Мишеля Мэстлина. А в пакете, кроме письма, — «Космографическое таинство», печатное сочинение ученика Мэстлинова, Кеплера Иоганна. Прочтет книгу король астрономии — диву дастся: двадцать пять лет всего-то юнцу, а рассуждает вровень с Птолемеем, Коперником. Расстояние между планетами пытается постигнуть, вывести причину движенья небесных тел. И все фантазией, домыслом, догадкой, без единого наблюдения воочию за ходом светил. А ежели его вдохновенье обогатится опытом многолетних измерений небес? А ежели в руки сему прозорливцу вложить труд всей жизни Тихо Браге?

Не мешкая, сочинит письмо Иоганну Кеплеру старый звездовидец. К себе, в Уранибург, призовет, жалованье предложит подобающее.

Едва уплывет письмо в Тюбинген, новый гонец скачет

от его величества. Ученая королевская комиссия установила: астрономические труды Тихо Браге не только бесполезны, но и вредны. И посему следует лишить его пенсион, а работы в звездоблюстилице приостановить.

...Торжествуй, Вальтендорф, канцлер ничтожный! Ты одолел Тихо Браге, датского дворянина, унизившего свои гербы и титулы занятием плебейской наукой, сговором с нечистой силой, женитьбой на простой крестьянке.

Торжествуй, веселись, вельможа! Ты навеки вошел в историю рода человеческого: спустя два столетия знаменитый Лаплас от имени астрономов всех времен предаст тебя проклятью на все времена.

...Расколдует продрогшие просторы весна. Звездагдатель, наняв первый попавшийся парусник, снова отправится мытарствовать по Европе, в надежде обрести прибежище. И покачнется за кормою Дания, — родина, отвернувшаяся от своего единственного астронома.

Мимо пахаря, коего секут на скотном дворе за ослушание.

Мимо плачущего отрока, коего насильно уводят в солдаты.

Мимо кострища, на коем сожигают живьем лошадь, собаку и трех черных кошек, — за чародейство сих тварей, за колдовство.

Будет расхаживать по палубе Тихо Браге, богач и нищий, скиталец и властелин. Будет шептать свое бессмертное: «Всякая земля — отечество для сильного; а небо есть везде». И ночами, в трепетном пыланье свечи, будет склоняться он над сочинением, где на титульном листе обозначено: «Иоганнес Кеплерус. Мистериум космографикум» *.

* «Мистериум космографикум» («Космографическое таинство») — по обычаю описываемых времен, Кеплер печатал свои сочинения на латыни.

А историк огорченно напишет когда-нибудь:

«Что касается до судьбы прекрасного Уранибурга, то она была весьма печальна. Правительство бросило этот великий памятник его славы, могущий пережить и датский народ, и датское государство, на произвол судьбы. Оставаясь без всякого надзора, здание постепенно разрушалось, а деревенские жители и пристававшие к острову рыбаки камень за камнем растащили его все. Когда через семьдесят четыре года после отъезда отсюда Тихо Браге Парижская академия наук послала экспедицию на остров Гвен для точного определения широты обсерватории Тихо, то от дворца не осталось уже следа, и нужно было сделать обширные раскопки, чтоб отыскать фундамент здания...»

НЕБЕСНЫЕ ОСТРОВА

Кто узнал истину, сие утаенное от людей со-
кровище, тот, подчиняясь ее красоте, становится
ревностным блюстителем, дабы ее не искажали,
не оскверняли и не оставляли в пренебрежении.

Джордано Бруно

Славен Грац, многожды славен стольный град
Штирии великой! Величавы, тверды его стены,
почитай, к облакам вознесены над бездонными
рвами, — посягни, сунься, супостат! Где оты-
щешь реку полноводней, прозрачней, нежели Мур? Где,
в каких краях так благовестят колокола? Найдутся ль во
всем христианском мире сапожные, суконные иль юве-
лирные мастера искусней умельцев Граца? А ежели и
найдутся, они немедля, едва заслышав о Штирии вели-
кой, покинут свои жилища и переселятся сюда. Ибо нет
государя мудрей, щедрей, любимей взаимно любимыми
им сынами отечества, чем эрцгерцог Фердинанд.

Вольготно, на семи холмах, раскинулась столица,
ничем не хуже святого Рима. Именно на семи холмах,
а не на одном, как пытался о позапрошлогодые толко-
вать на хлебном рынке захудалый странник из венгер-
ских земель. Сего лазутчика за хуление и поклеп плетъ-
ми высекли нещадно, раздели до нага и водворили в
прорубь. Раскаялся проходимец: по глупости-де об од-
ном холме сболтнул.

Славен, многожды славен Грац, райская обитель!
Одно худо: протестанты окаянные заклевали честных ка-
толиков, извели вконец. Сгори же в геенне огненной ты,

собака Лютер *, совокупно со всеми твоими единоверцами. Тьфу на тебя, порождение ехидны!

И до чего хитры, изворотливы змеи-протестанты! Покуда смиренные католики ублажают молитвами творца небесного, лютеране лестью и подкупом вползли в городской совет, все позиции захватили ключевые. В рыбную лавку заглянешь — кто у прилавка деньгу взвешивает на медных весах, кто подсчитывает доходы? Лютеранин. Холсты красками поганит, хвалебные оды сочиняет и песнопенья кто? Лютеранин.

Мало того, уж и со стороны заывают еретиков.

Лет пять назад в гимназию городскую переманили из Тюбингена профессора, некоего Кеплеруса. За три мили заметно: отъявленный протестант. Да и какой он, прости господи, профессор, когда перевалило ему за четверть века едва. Какой он профессор, ежели наставленья его математические поначалу слушали шестеро гимназистов, а после летних каникул все как есть поразбежались. Невмоготу стало: строг профессоришка, лютует, подношений не взимает ни гульденами, ни натурой. Вот и остался у разбитого корыта.

От подобного позора любой католик на край света дал бы тягу, а с Кеплеруса как с гуся вода. Переметнулся читать риторику, Вергилия преподает, пробавляется звездозаконием.

Однако песенка ваша спета, герр Кеплерус со всею протестантской сворой. Не зря на белом жеребце вернулся из паломничества эрцгерцог Фердинанд; не зря облачился в блестящие светлые латы с позолоченными обручами; не зря набросил поверх лат пурпурный ат-

* Мартин Лютер (1483—1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.

ласный воинский плащ. Всяк слышал, как третьего дня Фердинанд возле ратуши провозвестил:

— Отныне и вовеки генералиссимусом моих войск назначаю Святую Деву! Во всех подвластных мне землях лютеранские устои порушу! Протестантство искореню! Изгонять! Хватать! Пытать! Жечь! Сечь!

И пред трепещущим стольным градом разорвал в клочья грамоту, некогда по доброте сердечной пожалованную лютеранам.

Спета песенка ваша, господин Кеплерус! Не далее как вчера хаживал по граду чернобородый удалец, клич кликал тайный: разорять жилище ваше заутро. Дом разорить, бумаги и книги сжечь, особу вашу побить камнями, кольем, дубинами. Охочим людишкам плату посулили немалую, по пять гульденов на брата. На денежки такие вполне можно месяца три, а то и четыре жить припеваючи, сладкое и горькое вино попиваючи. Ежели, конечно, не тратиться на закуску.

«...Подобно рою пчел возле диковинного цветка, кружатся пылинки-планеты в безбрежном пространстве вблизи Солнца. Они никогда не останавливаются в своем беге, не пятятся назад, не катятся по ободам воображаемых небесных колес, вокруг несуществующих центров, как полагал Птоломей. Его запутанная, как лисьи следы, многосложная система мироздания измышлялась во имя одного — оправдать неподвижность Земли. Но Земля — пылинка, атом, маленький шар, сплюснутый у полюсов. А Солнце? Исполинское огненное светило, обличьем во всем подобное детям своим — планетам, медленно поворачивается вокруг оси. Но и весь солнечный мир — только атом, только пылинка среди иных, несчетных пылинок, бороздящих пустыни про-

странств. Мириады светил, миллионы миллионов миров...

В синем океане вселенной вокруг небесных остров-солнц носятся серебристые стаи планет. И на них — среди долин благодатных, напоенных росой лесов и хрустальных рек, — обитают прекрасные разумные существа. Им неведомы голод, болезни, войны, ненависть, бедность, пьянство, теснота и убогость жилищ, рабство, алчность, зависть, злоба. Они выше, совершеннее нас, землян...

Как поденки, как мотыльки, как ночные бабочки, порождаемые мраком, возникают, трепещут крылами, умирают миры. Все тленно, все угасает и возрождается, как птица Феникс из пепла. Вечно только знание, только творчество; только мудрость есть истина и красота...

Беспредельна вселенная, ни конца ей нет, ни начала, и мирам ее нет числа. И вокруг каждого солнца витают планеты, будто рой пчелиный возле диковинного цветка. Жизнь, разум, красота разлиты извечно, повсюду...»

...Иоганн Кеплер перевернул последний лист книги, взялся за кожаную обложку, но не посмел захлопнуть бесценный фолиант. Тайный ужас охватил его при мысли, что земляне, быть может, блуждают в пространстве, где нет ни центра, ни начала, ни пристанища. Джордано Бруно! Какими волшебными цветами вдохновенья расцвел ты учение каноника из Фромборка. Грезить небесными островами, стаями серебристых планет, — и который уж год томиться в застенках инквизиции! Даже Галилео Галилей, удостоенный покровительства римского папы, ничем не волен облегчить тяжкую участь Джордано, не властен в сочинениях упомянуть имя сего еретика. У себя на родине, в далекой Падуе, он, подобно осторожному Мэстлину, вынужден тайно исповедо-

вать Коперникову ересь, скрытничать, притворяться по-
тешником, напаявшим Птолемею колпак.

Должно быть, он, Иоганн Кеплер, был наивен, когда, посылая Галилею «Космографическое таинство», писал: «Будьте увереннее и продолжайте ваше дело. Если Италия не удобна для издания ваших сочинений и вы предполагаете встретить там препятствия, то, может быть, Германия даст вам необходимую свободу». Какую свободу, где она? Свобода... вольность... грезы о несбыточной справедливости... Да скройся хоть в Ливию, взберись на столбы Геркулесовы, исчезни в знойных джунглях, в морях тропических — и там тебя разыщет святая инквизиция.

Кеплер вынимает из конторки письмо Галилея, вглядывается в скоропись.

«Почитаю счастьем для себя в поисках истины иметь такого союзника, как вы — преданный друг этой самой истины, — пишет итальянец. — Поистине жаль, что столь немногие ищут ее и предпочитают ошибочные методы философии. Но здесь место не сожалеть о скудости нашей эпохи, а поздравить вас с вашими великими открытиями, подтверждающими любезную истину... Я прочту «Мистериум космографикум» до конца в уверенности найти в ней много прекрасного. Я сие сделаю тем с бóльшим удовольствием, что сам много лет остаюсь приверженцем Коперниковой системы, и она уясняет мне причины многих явлений природы, совершенно непонятных при общепринятой гипотезе. Я собрал много доводов, опровергающих последнюю; но я не решаюсь вынести их на дневной свет из боязни разделить участь нашего учителя Коперника, который, хотя и приобрел бессмертную славу в глазах некоторых, но для многих (а дураков на свете много) стал предметом насмешки и презрения. Я, конечно, дерзнул бы напечатать мои раз-

мышления, если бы больше было таких людей, как вы, но так как этого нет, то я воздерживаюсь от такого предприятия».

Прав, тысячу раз прав мудрейший Галилей! Смешно полагать, будто по ту сторону Альп — сплошной мрак и невежество, а здесь — обитель разума и свободы. Разве ему, Иоганну Кеплеру, не пришлось прошлым летом бежать от притеснений католиков в Ульм? Разве по возвращении не вытребовали с него позорного обещания вести себя как можно сдержаннее, осмотрительней, благоразумней? Разве слезка, доносы и сплетни, нищенское жалованье не побудили его обратиться к Мэстлину с просьбой: «...умоляю, похлопочите о какой-либо вакансии в Тюбингене, дабы я мог занять ее. Напишите так же, любезный учитель, каковы цены на хлеб, вино и съестные припасы, ибо супруга моя не привыкла питаться одной чечевичной похлебкой»? И что ж! Протестантские богословы, погруженные в бестолковые, нелепые хитросплетения своих догм, оказались нетерпимей — кого? — католиков Граца, заклятых врагов. Они и слышать не хотели о бывшем своем воспитаннике. Как, он самонадеянно осмелился напечатать календарь с новым летосчислением, с бесовским измышлением католиков? Мы, почитающие папу римского за рыкающего льва, принуждены будем ходить в церковь по его звону? Ну уж нет, благодарствуем, предпочтем оставаться в разногласии с Солнцем, чем в согласии с римским папой!

Вот и попытайся втолковать ученым единоверцам необходимость и своевременность календарной реформы. Впрочем, в какой календарь ни загляни — в старый ли, юлианский, в новый ли, григорианский, — ясно одно: не сегодня-завтра грянет гром с ясного неба. Неспроста эрцгерцог бесновался у ратуши, размахивая жезлом полководца: «Сечь, жечь, пытать, хватать, изгонять!»

Зазвенело, рассыпалось — о, как скоро сбылись невеселые предчувствия двадцативосьмилетнего профессора! — взорвалось оконное стекло. Здоровенный булыжник грохнулся возле камина. «Дзинь-нь-нь!» — и в другом окне засияла дыра.

— Барбара! Барбара, — позвал Кеплер жену. — Запирай дверь на засов! И укройся с дочкой в чулане! Опять нас забрасывают камнями! — Он вскочил и принялся торопливо засовывать бумаги с астрономическими вычислениями в крепкий дубовый шкаф. Глобус и микроскоп перенес за сундук; сюда же, к простенку между сундуком и шкафом, задвинул прихотливое деревянное сооружение — набор помещенных друг в друга полых шаров и многогранников. Теперь булыжники злоумышленников вряд ли повредят модель солнечной системы, плод его многолетних трудов, вычислений, разочарований, надежд. Прелюбопытнейший факт: камни влетают с таким свистом, будто пред окнами установлено метательное орудие. Осада крепости, ни более ни менее...

Кеплер подобрался к подоконнику, хоронясь, выглянул на улицу. Там творилось невообразимое. Ватага оборванцев, возглавляемая чернобородым, спокойно, со знанием дела бомбардировала дом булыжниками.

Профессор сложил ладони рупором и прокричал:

— Господа! Недоразуменье вышло! Обознались домом! Здесь проживает Иоганнес Кеплерус, математикус!

Толпа ахнула от наглости такой непомерной, охнула, взывала разногласно:

- Тебя-то и надобно, крыса гимназическая!
- Вылезай, тварь бумажная!
- Разорим гнездо протестантово!
- Колдун! Кто набег турецкий предвосхитил?
- Холод кто наслал на Штирию нашу?

Несколько храбрецов перемахнули чрез высокий забор, но, обласканные свирепыми густошерстными венгерскими псами, ретировались на исходные позиции.

«Выходит, понапрасну я с Барбарой из-за псов прекекался. Без хорошей собаки пропадешь в Граце ни за грош», — подумал Кеплер. Кажется, на сей раз дело не обойдется одними выбитыми стеклами.

— Чего медлить, братва! — вскричал один из дружины, донельзя раздосадованный приемом, оказанным ему псами. — Чего медлить! — повторил он и над братьями вскинул окровавленную десницу. — Нешто ждать, покуда каждого псы покусуют! Запалить гнездо змеиное — и вся недолга!

— Запалить, запалить! — взволновалось сборище.

Кеплер от окна отшатнулся, кинулся в чулан.

— Барбара! Регина! Немедля одевайтесь и черным ходом — в замок! Ты, Барбара, разыщи в замке господина Гофмана и доложи: «Дом наш злодеи жгут!» Спешно пусть высылают отряд ландскнехтов.

— Кому ландскнехтов? Каких ландскнехтов? — запричитала жена, прижимая к груди Регину, свою дочь от первого брака. — Разграбят дом, разорят! Слава богу, серебро столовое успела заложить ростовщику на прошлой неделе. А мои платья! Три моих кринолина! Мои корсажи!

— Ростовщики! Кринолины! Корсажи! — разъярился профессор. — Скоро здесь одни головешки задымятся! Скорее в замок!

Черным ходом он вывел жену с ребенком на соседнюю улицу и возвратился в дом. Кто знает, сколько придется выдерживать осаду. Одно утешительно: каменное строение запалить непросто, тут особая потребность хватка. Все-таки он отстоит свои бумаги и приборы!

Оберегаясь от камней — ого, сколько их навали-

ло! — Кеплер приник к окну. Не нужно было отличать-ся выдающимися качествами военного стратега, дабы уяснить: крепость трещит по всем швам. Пятеро нападающих оттеснили вилами псов в конуры; трое с зажженными факелами взбирались по лестнице на чердак, еще трое пытались забросить горящую паклю в разбитые окна...

По прошествии трети века, за неделю до смерти, имперский астроном Иоганнес Кеплерус снова припомнит, как чернобородый удалец даровито руководил приступом, всем своим видом выказывая: вынудить на капитуляцию презренную крепость — пара пустяков; как все тот же невозмутимый главарь отчаянно завращал белками, когда почуял у горла острие леденящей стали, когда услышал зычный голос: «Скотина, как посмел ты покуиться на гордость всей Штирии великой!»

**ЗМЕЯ И ЛЕБЕДЬ
НА ЩИТЕ**

Они проникали из одной страны в другую то под видом жизнерадостных рыцарей, то под видом простых крестьян, то в качестве проповедников. Их можно было обнаружить одетыми в платье мандарина, в роли руководителя Пекинской обсерватории. Они направляли советы королей... Тайны правительства и почти всех знатных фамилий во всей католической Европе находились в их руках.

Томас Маколей,
английский историк

— С котина! Как посмел ты покуситься на гордость всей Штирии великой! — толстый монах, возникший неизвестно откуда, заученным движением извлек из-под сутаны короткий меч и приставил его к горлу чернобородого.

Почуял острие ледящей стали, злодей завращал белками отчаянно.

— Именем эрцгерцога Фердинанда повелеваю: катись отселе со всем сбродом! — продолжал толстяк. — Ты что, ослеп? Спятил? Чей дом разоряешь? Европа всколыхнется от позора, ежели проведает: в землях Фердинандовых ограблен чернью астроном. Вели своим головорезам убираться вон!

И чудо свершилось. Факельщики выронили пылающие орудия возмездия. Пращники спешно освободили заскорузлые руки от камней. Поджигатели затоптали в грязь паклю.

— Георг! Лисица! Леопольд! Кончай волынку! — прохрипел еле слышно главарь. Даже толстяк с трудом разобрал сей хрип, но — странное дело! — и Леопольд, и Георг, и Лисица поняли приказ отменно.

Улица опустела. Толстый монах учтиво постучал в ворота.

— Герр Кеплерус, позвольте нанести вам визит?

Теперь вопрос «пускать или не пускать?» мало занимал профессора. Провокация исключалась сама собой. И без тактических хитростей удалцы уже веселились бы в доме.

Кеплер спустился с крыльца, засов отодвинул, отпер калитку.

— Милости прошу, святой отец, — приветствовал он монаха.

Однако монах оказался не один. Рядом с ним смиренно перебирал гиацинтовые четки его сотоварищ по молитвам, по великим и малым постам, по изнурительным битвам с дьяволом.

— Отец Маврикий, — представил толстяк спутника своего, до того тонкого и немощего, что закрадывалось сомнение: а не переусердствовал ли праведник с постами малыми и великими...

— Сие отец Феофилат, — жалобным речитативом отрекомендовал толстяка Маврикий.

Отец Феофилат не без усилий втиснулся в калитку. Ворота покачнулись, задрожали.

— Господь передвигает горы, и обличье земное изменяет, и сдвигает землю с основ, и столбы ее дрожат, — процитировал Иоганн, дивясь силище непомерной.

— Истинно так, герр профессор. Книга Иова, глава девятая, — пропел отец Маврикий, ручонками взмахнул и юркнул, как летучая мышь, вослед за отцом Феофилатом.

Монахи проследовали в гостиную.

— Извините, господа, я не имею возможности принять вас в кабинете. Разбойники буквально завалили его

булыжниками, — заговорил Кеплер. — Ваша отвага, отец Феофилат, спасла мне жизнь.

— *Vita brevis est* *, — заметил, отдуваясь, толстяк.

— *Vita somnium breve* ** — подтвердил заморыш монах.

Профессор извлек из шкафа синий суконный плащ.

— Я вынужден ненадолго отлучиться, господа. Надобно попросить, дабы убрали булыжники и битое стекло...

— Повремените утруждать себя такого рода заботами, глубокочтимый профессор, — отозвался отец Маврикий загадочно.

Кеплер озадаченно посмотрел на гостей.

— Однако я не намереваюсь сочинять ученого трактата о свойствах камней. Они мне не потребны. Булыжниками, как известно, дорогу в небо не вымостишь.

— Да стоит ли волноваться из-за кучи камешков, — буркнул отец Феофилат. — Тут речь идет о целой жизни.

— А может быть, и о смерти, — добавил другой монах.

— О жизни? О смерти? О чьей жизни и смерти, господа? Да вы садитесь, усаживайтесь, милости прошу!

Отец Феофилат опустил на лавку и заговорил:

— Не далее как сего дня, в три часа пополудни, будет обнародован высочайший эдикт о скороспешном изгнании из Штирии всех протестантов. Под угрозой смертной казни. — Он помолчал, наслаждаясь произведенным эффектом. — Как вы полагаете, во имя какой цели мы, рискуя священным саном, выбалтываем вам сию наисекретнейшую тайну?

— Мы дерзнули развеять тьму тайны, дабы вас не

* Жизнь коротка [латин.].

** Жизнь — мимолетный сон [латин.].

тревожили сомнения: пред вами истинные ваши друзья, господин Кеплер, — ловко ответил монах Маврикий на риторический вопрос собрата по вере. — И посему, будучи почитателями необыкновенных ваших дарований, засвидетельствованных в замечательном труде «Космографическое таинство», мы, истинные ваши друзья, — тут оба монаха заулыбались, — спрашиваем вас: намерены ли вы оставаться в великой Штирии?

Намерен ли он оставаться? Кеплер вспомнил: прошлым летом ему, точно преступнику какому-нибудь, пришлось покинуть Грац, с несколькими пфеннигами в кармане, под свист и улюлюканье фанатиков, размахивающих дубинками. Барбара билась в истерике, Регина рыдала, а невежды бюргеры швыряли в карету тухлые яйца, гнилые яблоки. И зачем он только вернулся?..

— Без сомнения, вы пожелаете остаться в Граце, — мягко произнес, не глядя на молчавшего Кеплера, отец Маврикий. — Иначе вы не стали бы расхваливать свободное свое отечество пред чужеземным профессором Галилеем...

«Откуда они пронюхали о письме к Галилею?» — встревожился Иоганн.

— ...Иначе вы, ссылаясь на слабость глаз и боязнь ночной сырости, не отвергли бы предложение величайшего Тихо Браге, предложение не только лестное, но и выгодное во всех отношениях...

— Но ежели каждый мой шаг прослежен, ежели просматривается моя переписка, ежели соглядатаи, шпионы, доносчики кишмя кишат в вашей Штирии, тогда... — едва не закричал Кеплер.

— Что «тогда»? — позевывая, спросил отец Феофилат.

— Ни-че-го... — сдержался профессор. — Ничего относительно истинной причины моего отказа пере-

селиться в Уранибург вы не знаете. И не узнаете никогда.

— Сия причина ведома нам. Знаем сию причину. Прикованным к небу, но рассеянным во всех землях известно все *. Или почти все, — пропел кротко отец Маврикий.

Смиренные отпрыски Иньиго де Лойолы, иезуиты, — вот кто изволил навестить скромного преподавателя городской гимназии. «Занятно, занятно, — размышлял Кеплер, — эрцгерцог Фердинанд, воспитанник иезуитов, выдворяет протестантов за кордон, а его духовные пастыри уговаривают закостенелого лютеранина остаться в Граце. Зачем я понадобился им? Ума не приложу».

— Ежели вам любопытна причина вашего отказа господину Браге, извольте. Самостоятельность побоялись утратить. Поостереглись в зависимость попасть от короля астрономии. Он хотя и обладает лучшими в мире приборами для измерения небес, но в то же время тщится доказать неверность Коперниковых построений. Для вас же каноник фромбургский — пуп Земли, — закруглил речь монах.

Тяжкие дождевые облака уползали за реку. Ветер летал по кособокому наперегонки с листвою. Утренний Грац гляделся в голубое зеркало небес.

— Позвольте, профессор, я подскажу вам средство, притом единственное, как остаться в нашей Штирии и свободно исповедовать Коперникову ересь, — заговорил толстяк. — Вам надлежит добровольно, добродетельно перейти в лоно святой Римской церкви.

— Как, стать католиком? — воскликнул Кеплер.

— ...а заодно и придворным астрологом эрцгерцо-

* Монах намекает на девиз «Общества Иисуса», католического ордена, основанного Иньиго Лопец де Рекальдо де Оназ-и-де Лойолой в 1540 году.

га Фердинанда. Годовое жалованье три тысячи гульденов.

Кеплер отвечал не раздумывая:

— Благодарю покорно. Но как я возлюблю тех, кто восемь лет гноит в застенках Джордано Бруно?

Отец Маврикий вздохнул.

— Ах, герр Кеплер! Будь вы придворным астрологом, вас давно бы осведомили, что сего еретика еще весной, в благословенном Риме, на Площади Цветов, наказали сколь возможно кротко и без пролития крови.

— Сожгли?!

— Облачили в саван... прищемили язык... возвели на костер... пепел бросили в Тибр, — медленно проговорил отец Феофилат, так медленно, будто сам был свидетелем облачения, прищемления, возведения... — И поделом ему за невежество...

— Какое невежество? — вырвалось у профессора.

— Только невежда может запомнить или не знать, что человечество во все времена гнало прочь мысль о движении Земли. Не мне объяснять вам, что Пифагор и пикнуть не смел о своем учении, что догмы его как тайна распространялись между его учениками. А Самосский Аристарх? Не его ль обвинили в безбожии, богохульстве, приговорили к смерти...

— То было в древности, в незапамятные времена... — возразил Кеплер.

— Времена всегда одинаковы, господин профессор, — жестко ответил толстяк иезуит. — Послушайте, что пишет некий свидетель казни вашего невежды Джордано, — и проговорил наизусть: — «Таким образом, Бруно бесславно псигиб в огне и может рассказать в тех, иных мирах, каковые он столь богохульно воображал себе, о том, как римляне обыкновенно обращаются с безбожниками вроде него». Кто же он, сей очевидец каз-

ни? Невежда, скажете вы? Католик? Иезуит? Не тут-то было. Шоппиус, известнейший ученый, протестант из протестантов... Зря вы за голову хватаетесь, зря ручки к полтку воздеваете негодуя: «Как? Стать католиком?!» Во имя цели достойной иудеем стать не грех, в магометанство переметнуться, арапов поганных верования затвердить!.. Кто на виду у всего Граца, под бесовские выкрики и кривлянья спалил календарь, составленный Иоганнесом Кеплерусом? Молчите? Лютеране, единоверцы ваши милые. Что вам отписали из Тюбингена, когда о куске хлеба воззвал математикус Кеплерус? Кукиш показали разлюбезнейшие протестанты своему брату издыхающему. За что же? За великую ревность к ереси Коперника. — Иезуит извлек носовой платок, трубно высморкался.

— *Ducunt volentem fata, nolenten trahunt**, — сызнова блеснул латынью Маврикий. — Три тысячи гульденов годового дохода. Соглашайтесь.

Профессор безмолвствовал размышляя:

«Можно обзавестись роскошным убранством, мебелью инкрустированной, гончими псами, каретами, челядью... Можно отречься от веры, от Коперника, от отца и матери, от родины, наконец... Можно предать честь, истину, красоту, разум... Совесть можно залить вином...

Но тогда во имя чего ты обременял себя и учителей вопросами, как поймать сетью облако; есть ли у ветра глаза и уши; можно ли приручить молнию? Ради чего на Лысой горе внимал рассказу о многострадальной жизни магистра всех свободных наук? Во имя чего ты переписывал Птолемея «Альгамест» далеко за полночь, когда навстречу идущий сон своим натиском с силой нападает на сердца смертных и овладевает ими?..

* Покорного судьбы ведут, сопротивляющегося тащат насильно [латин.].

Дабы обрести достаток, довольство и сытость, следовало затвердить наперед: «Там, где все молчат, — молчи; где подличают — подличай; где доносят, осуждают, отрекаются, — отрекайся, осуждай, доноси. Стань колесиком, гвоздиком, винтиком в заржавленной машине Священной Римской империи германской нации. Какие там модели солнечной системы, какие небесные острова — все блажь, чушь, ересь!»

«В синем океане вселенной...» — шелестели осины, в пояс кланяясь хладному Муру;

«около небесных островов...» — вплетала река свой рокот в прощальные возгласы журавлей;

«плавают серебристые стаи...» — роняли, как пух, отлетающие птицы клич несказанной печали на пажити, рощи, взгорья, луга;

«...стаи плане-е-е-т», — реял прозрачный звон над осенней землею, и, многократно усиленный трубами деревьев, флейтами камыша, незримыми скрипками, арфами, свирелями — всею засыпающей природой, — звон сей светлый объял Иоганна Кеплера. Как бы пробуждаясь от забытья, он проговорил:

— Господа, нет надобности убирать камень. Завтра я покидаю пределы Штирии.

Нехотя поднялись иезуиты. Отец Феофилат сказал:

— Сожалею, искренне сожалею. Мы надеялись, что вы поможете вычислениями таблиц для нашей астрономической миссии в Пекине. Без вашей сметливости оные таблицы — пустая затея. А жаль. Однако полагаю, со временем вы перемените свое решение.

— И запомните, герр Кеплер: мы — искренние друзья ваши. Судьба еще сведет нас на долгой дороге... Однако не обессудьте: ежели решились-таки покинуть Грац, поспешите. Уже и нынешней ночью я не поручусь за вашу жизнь, — сказал иезуит Маврикий. — На всякий

случай запомните наш пароль: «Змея и лебедь на щите». Кто знает, глядишь, он и спасет вас от злоключений. Прощайте, господин упрямец!

— Прощайте, коллега. Когда-то и ваш покорный слуга властвовал над кафедрой астрономии. Да с той поры немало утекло звездных рек, — признался на прощанье отец Феофилат, монах, иезуит, профессор...

Проводил Кеплер гостей, псов накормил, отпер конюшню.

— Раскланяйся, Сатурн, со всеми лошадиными единоверцами Граца, — весело говорил он скакуну, затягивая подпругу. — Уж наверняка высочайший эдикт касается и лошадей.

Фыркал Сатурн, мотал гривой кудлатой, копытом бил.

...Читатель мой! Покуда наш изгнанник упаковывает пожитки, ненадолго проследуем за святыми отцами иезуитами.

Проследуем, читатель, ибо зеркало истины отшлифовано не до хрустального блеска. Проследуем, ибо сияющая гармонией и благолепием картина нравов описываемой эпохи нуждается в нескольких заключительных мазках.

Итак, иезуиты покинули разоренное пристанище Иоганнеса Кеплеруса. За ближайшим домом следы их теряются, дабы, попетляв, вскорости обнаружиться в захлавленном подвале, пахнущем плесенью, домовыми и ведьмами, гнилой капустой, необеспеченной старостью.

Здесь, в подвале, за азартными играми и отвратительными историями, запиваемыми дешевым вином, убивали скуку головорезы, забулдыги, гуляки, охочие люди,

коротали время все участники нашествия, вся разбойничья ватага.

— Молодцы удалцы! — хвалил их иезуит Феофилат, хвалил, однако, не во всеуслышание, а шепотком, на ухо чернобородому. — Сработано отменно. Жаль, твердый попался орешек. Не расколешь.

— Чего там! — горячился чернобородый, хотя говорил тоже шепотом. — Одно слово — и мы его в рог скрутим бараний, — и показывал руками, как он скрутил бы профессоришку в бараний рог.

— Спокойно. Всему свое время... Держи кошель. Каждому по гульдену — задаток! Покусанному псами — два гульдена! И врассыпную, незаметно, втихомолку — к профессору Траутмансдору. Строений не поджигать, кур не воровать, но чтобы стекла вдребезги. И угрозы, угрозы позаковыристей!

Сидевший рядом — а где ж еще? — иезуит Маврикий приложился к стаканчику с благодатной влагой и подмигнул отцу Феофилату.

— Мелко плавает профессор ваш Траутмансдор. И без угроз покинет логово протестантово, — шепотом сказал святой отец Маврикий.

ПОКЛОН № 7

Не насыщение утробы, равно как не игрища, песнопения и скачки бесовские, — почитай первую заповедь своей помощью братьям по вере.

Из устава Ордена иезуитов

Под белым сводом небес, над сводом черным земли тлея, нищими несомая, песня крестоносцев:

Уже на Рейн вступает осень,
А мы ушли на край земли,
И наши кости на погосте
Пески пустыни занесли.
И тучи в небе пламенеют,
И по дорогам вьется пыль,
И веет ветер, ветер веет
Из диких, выжженных пустынь.

Время от времени кто-либо из страждущих божьих рабов приближался к одноглазому поводырю и ловко запускал руку в его котомку. Во здравии пребывай, мягкосердечный мясник, расставшийся — ради любви к святому Себастьяну — с корзиной колбасных обрезков. Эх, сладостны обрезки колбасок пражских, без них каково было бы превозмогать непогоду!

— Осади ход, братья, — нежданно прошамкал слепец Леопольд. — Вроде пожива скачет. Нутром чую: грядет деньга.

Слепцы воззрились туда, куда безошибочно указал посохом Леопольд. И вправду, пожива — три замызган-

ных фургона — уже выехала из-под навеса сосновой рощи.

Как по команде слепцы сдернули шляпы с раскрашенными изображениями святых заступников. У одного нищего мучительная судорога нежданно свела половину лица, плечо и ногу; на другого христарадника снизошло трясение всех членов; слепец же Леопольд выкатил, как все, бельма и, помимо прочего, из-под лохмотьев высунул обрубок руки, струпьями источаемый.

Фургоны приблизились. Поводырь, точно опытный дирижер, сотворил тайный знак. Несчастные слепцы грянули:

— Добрые, милостивые сограждане империи Римской Священной! Подайте ради Христа слепым и несчастным калекам монетку или кто что сможет, будем благодарить и молить во благо и во здравие вас.

Первого возницу моление о вспомоществовании не разжалобило, как видно, заостенел в скупости человек. Зато из другого фургона выпорхнул, точно бабочка, красный треугольный кошелек. Слепец Леопольд не только умудрился поймать кошелек обрубком руки, но и определил по весу: никак не менее полутора гульденов послала ему и братьям переменчивая судьба.

— Поклон номер семь! — негромко, но внятно проговорил сквозь зубы слепец Леопольд и, когда братья, смиренно склонясь, возблагодарили неслыханную, воистину королевскую щедрость, спросил возницу:

— Откуда скачете, люди добрые?

— Из Штирии, — отвечал возница. — Лютеран там до смерти бьют.

— Везете кого?

— Кеплеруса, ученого человека...

Уже и фургоны сокрыла пелена дождевая, и скрип

колес замолк, а прозревшие слепцы все еще разглядывали кошелек, расшитый бисером.

— Истинно сказано: господин господину рознь, — ударился в философию поводырь. — Один скачет расфуфырен, точно павлин, вроде и карета вся в гербах, и латы раззолочены, а чтоб пфенниг пожертвовать бедняку — ни за какие коврижки, ни-ни. Того и гляди огреет кнутищем. Другой, хоть и оскверняет душу свою науками, однако наделен состраданием.

— «Состраданием», — передразнил сообщника Леопольд. — Будь моя воля, я б всех до единого ученых мудрецов собрал да на кострище возвел без дознания и суда. Потому как от занятий наукой выходит порча империи. Летом в Регенсбурге — слышали? — некий искусник химик обронил склянку с вонючим зельем в Дунай. Обронить-то обронил, да тут же на реке стряся замор. Три дня и три ночи мертвых рыбин — несчетно сколь! — волокло по Дунаю. И доселе воды смердят.

— А химик? — заинтересовался поводырь.

— Рыбаки прикончили баграми. И туда же, в Дунай, злоумышленника, просить у щук да налимов прощенья.

— Помяни, господи, душу грешную сего нечестивца, — привычно посочувствовали нищие, крестьясь.

...Привиделся Иоганну Кеплеру корабль заморский диковинный. Вместо мачты на нем дерево серебристое, с листьями золотыми. Луна, как ладья, качается на ветвях, светила плывут в хороводе, заря розовая дремлет, свернулась клубком, а ветер на суку разлапистом разлегся, посвистывает, похрапывает. Под деревом же восседает магистр всех свободных наук Лаврентий Клаускус. И скакун Буцефал подле него, и фазан Бартоломео, и Батраччио — словеса изрекающий ворон. Машет рука-

ми Иоганн магистру, криком кричит — да не отзывается герр Клаускус, поглощен книгою древнею. Между тем дивный корабль над волнами завис и легко-легонько отделился от стихии морской, заскользил, будто облачко, по небесам. «Магистр Клаускус, магистр Клаускус, забереите меня с со-бо-ой!» — прокричал Иоганн. И очнулся от забытья.

Он очнулся от забытья и мигом припомнил все: скороспешное бегство из Граца, бесконечную, в черных колдобинах и рытвинах дорогу, нищих слепцов.

— Питы! Пи-иты! — простонал профессор.

Прохладная рука опустилась на его разгоряченный лоб. Голос жены сказал из тьмы:

— Тебе не пользительна сырая вода, Иоганн. Ты болен, тяжело болен. У тебя лихорадка, Иоганн.

Колеса скрипели. Барабанил по фургону дождь. Молния вскипала в озерах тьмы. Кричал на лошадь возница, кнутом щелкал.

Кеплер нащупал в кармане флягу, откупорил, приложился горящим ртом к горлышку.

— Иоганн, ты болен, болен, — шептала всхлипывающая жена. — Ты бредишь уже третьи сутки. Вчера, в забытии, ты выбросил нищим последние деньги.

— Не горюй, Барбара... Они бедные люди... Среди оных бродяг... может статься... пребывает и мой отец... Генрих Кеплер, — задыхаясь, проговорил Иоганн.

Громыхнуло над лесом. Молния надвое перерезала ночь, высветила домишки поодаль, скирды сена, мельницу ветряную. Лошадь шарахнулась и понесла.

— погоди, тебе говорят, стой! Осаживай клячу! Пограничный кордон! — донесся спереди крик.

Вскоре замаячил шлагбаум. К фургону приблизился стражник с фонарем.

— Откуда родом? Зачем пожаловали в Богемию? —

нагло спросил он, поигрывая пикой. Отчего ж не поиграть оружием, коли притащились людишки без конвоя, без прислуги, без выкриков «Спишь, мерзавец! Подымай шлагбаум!», без... Одним словом, мелюзга, мелкая сошка.

Иоганн с трудом привстал на коленях, отстранил полог фургона, назвался.

— Герцога Силезского знаем. Графа Лауцизского, равно как и ландграфа Гессенского, знаем. Курфюрстов — Саксонского и Пфальцского — многожды лицезрели. Математикус Кеплерус нам неведом, — отрезал стражник.

— Тогда зачитай сие письмо. — Кеплер протянул стражнику бумагу.

Тот поднял фонарь повыше, склонился, оберегая письмо от дождя, повертел бумагу, губами зашевелил.

— По-каковски писано? Подобной грамоте не обучен, — признался он наконец. — И посему поворачивай оглобли! Грех по непогодице будоражить людей.

— Олух царя небесного! Немедля разбуди офицера! Передай: следуем в Прагу, ко двору его императорского величества! — прогневался звездочет.

Как языком слизнуло испуганного стражника.

Явился, бряцая шпорами, офицер. Он долго зевал, чмокал, затем принялся за письмо, зачитывая по складам:

— «...Приезжайте, и не как чужой, а как желанный и любезный мне друг. Приезжайте, и я с удовольствием поделюсь с Вами своими наблюдениями и инструментами. Ваше общество доставит мне много приятного. Преданный Вам Тихо Браге, имперский астроном».

— В какой валюте намерены вносить пошлину за въезд? Гульдены? Франки? Кроны? Флорины? — спросил офицер. Видимо, он вполне удовлетворился лестным для путника посланием личного астронома государя.

— Господин офицер, — заговорила Барбара. — В дороге нас ограбили разбойники. Помимо того, мой супруг нездоров — у него лихорадка. Позвольте вас заверить: по прибытии в Прагу мы неукоснительно выплатим все, что причитается по закону.

— Закон есть закон. Беспешинный въезд в Богемию возбраняем, — отчеканил кордонщик. — Ко всему прочему, ненастье, темень препятствуют таможенному досмотру. Придется повременить до утра.

Тем временем больной снова обеспамятел. Поначалу он прошептал несколько бессвязных фраз, затем выкрикнул:

— Пить! Пить! Змея и лебедь на щите!

Заслышав пароль родимого Ордена иезуитов, офицер суетливо застегнул пуговицу на камзоле, поправил шляпу.

— Вы что-то изволили молвить, господин Кеплер? — необыкновенно учтиво осведомился он.

— Бредит он, бредит. Какие-то змеи, щиты, лебеди, — сказала Барбара.

Последующие действия ретивого иезуита целиком и полностью определялись параграфами устава, касающимися помощи братьям по вере. Чтение письма по складам, таможенные проволочки, ссылка на темень и ненастье — все оказалось как бы само собою забытым. Из кармана, офицерского камзола извлечен был кошелек и подкинут незаметно в фургон — то-то изумится утром брат-иезуит, пострадавший от придорожного разбоя. Рядом с тенью возницы уселась другая тень — стражника, коему было строжайше наказано: сего высокородного господина сопровождать до самого двора его величества. Впрочем, свершившуюся метаморфозу Барбара могла еще как-то понять, даже не впутывая сюда вмешательство нечистой силы. В конце концов, и

у офицера после разговора с красивой дамой может помутиться разум. Другого никогда так и не уяснила себе Барбара Кеплер. Чего ради офицер (хотя бы и свихнувшийся) переложил вдруг фонарь в левую руку, ни с того ни с сего выхватил шпагу и бешено отсалютовал двинувшемуся в путь фургону? С чего бы салютовать, коли подобные знаки внимания предназначаются лишь высокопоставленным особам, да и то, сказать по правде, не всем?

НЕБЕСА И СВИНЬИ

И если найдутся среди вас тание, которые обладают добрыми качествами и достоинствами, не гоните их от себя, воздайте им честь, чтобы не нужно им было бежать от вас в пустынные пещеры и другие уединенные места, спасаясь от ваших козней.

Леонардо да Винчи

По приезде в столицу Богемии он оказался на два долгих месяца прикованным к постели. Днем его одолевал озноб: Иоганн исходил потом на пуховой перине, под одеялами и шубами, однако ему казалось, будто его окунают в прорубь, как того несчастного бродягу, что усомнился в географических достоинствах Граца. Ночами изнуряла бессонница. Он боролся с кошмарами, пытался заклинаниями спугнуть омерзительные призраки, затаившиеся по углам.

Неделю играла в Праге метель. Ветер тряс островерхие крыши, метался от стены к стене. Затем снял осаду, улетел с армадою туч разбойничать на влтавские, рейнские, дунайские кручи. Вызвездило, выкатила полная луна.

Иоганн Кеплер загляделся в окно — и привиделся город флотилией белопарусной, высокие башни — мачтами, а флюгера — распахнутыми вымпелами...

Наведывался что ни день Тихо Браге, сапожищами меховыми топал, окна распахивал настезь, рокотал:

— Воздуху! Воздуху прежде всего! Орел почему витает превыше прочих пернатых? Воздух всей земли

под крылами орлиными. Кто сказал, будто чибисы мыль трясогузки! Мы — орлы!

Слуги имперского астронома втаскивали корзины, полные снеди, распаковывали, доставали паштеты страсбургские, дичь на вертелах, запеченных судаков, майнцское вино золотистое.

Как родного брата встретил Тихо сочинителя «Космографического таинства», обласкал, доложил о приезде математикуса государю, новому своему покровителю и распорядителю. Восхитился талантам Кеплеруса просвещеннейший король Рудольф, спросил:

— Сей гений, говоришь, вослед за тобою посягнул на великого Птолемея?

— Блаженна мудрость вашего величества, — отвечал Тихо. — По старинному представлению, планеты подталкиваемы ангелами либо небесными духами. Он же пытается объяснить подобные движения увлекающей силой, каковая исходит Солнцем и действует наподобие спиц мельничного колеса...

— Постой! Постой! — перебил мудреные объяснения государь. — А не тот ли это Кеплерус, славный астролог, что волнения в Штирии предсказал, да турецкий набег на Нейштадт, да холода небывалые? — Король проследовал к золоченому шкафу-поставцу, покопался у себя в записях, полистал календари, заулыбался, захлопал в ладоши. — Без сомненья, он, тот самый! Повелеваю ему по отрешению от хворостей явиться на аудиенцию!

Тихо Браге незамедлительно поскакал к больному. Еще с порога он закричал:

— Хитрец! Зачем же таиться, дар божий зарывать в землю? Прорицателей в Праге на руках носят! Могут на астрологов как на святые образа! — И во всех деталях изложил разговор с его величеством.

Однако вопреки ожиданиям изгнанник великой радости не выказал. Не выказал радости, не захлебнулся словами благодарности, слезу умиления не смахнул со щеки. Скорее наоборот: помрачнел, насупился, в стену вперил угасший взор и сказал загадочно, туманно:

— Случайность.

— Случайность какого рода? Буквальная? Фигуральная? Счастливая? Роковая? — заинтересовался Тихо. В загадочных, туманных, маловразумительных вопросах и особенно ответах усматривал король астрономов высшую мудрость, обожал ее, обожествлял.

— Счастливая случайность тому содействовала, что предсказания, помещенные в первом моем календаре, сбылись, — отвечал Кеплер зло. — По всей Штирии пророком новоявленным восславили, превознесли до небес. Мыслимо ли: шарлатанство, игру воображения расценивают выше, чем серьезный научный трактат. И залжите, не только толпа легковверная, но ученые люди, мужи государственные. Пропади она пропадом, презренная репутация астролога!

Упоминание об ученых людях обидчивый Тихо принял на свой счет. Он отступил на шаг от ложа, где возлежал мучимый ознобом собеседник, и заявил торжественно:

— Планеты, обращающиеся по удивительным законам, были бы совершенно бесполезными творениями, коли не влияли бы на судьбы людские!.. И ежели творец небесный сподобил вас прорицать сообразно положениям, сочетаниям и противостояниям светил — прорицайте. Предсказывайте судьбы народов и отдельных личностей. Вашего ученого величия не убудет. Как сказано в одной умной книге, лев ни в коем случае не охотится за мышью, но разве он откажется проглотить ее, когда она сама вскочит ему в пасть...

Кеплер безучастно разглядывал картину на стене: святого Христофора, переносящего младенца через поток.

— Сколько составили календарей? — спросил Тихо.

— Две дюжины... или около того.

— Стало быть, преследовали какую-то цель? Тайную? Благородную? Возвышенную?

— Преследовал. Самую низменную. Заработать на кусок хлеба, — с закрытыми глазами объяснил математик. — Лучше издавать альманахи и календари с нелепыми предсказаниями, нежели просить милостыню. В конце концов, астрология — дочь астрономии, хотя и незаконнорожденная. Разве не естественно, добрейший Тихо Браге, дабы дочь кормила свою мать? Иначе родительница могла бы умереть с голоду.

...После кровопусканий, после втирания бальзамов и эликсиров лекарь счел свою благородную (и, добавим, щедро вознаграждаемую) миссию выполненной. Кризис миновал. Порозовели кожные покровы чужестранца, дыхание и пульс укрепились, шумы в сердце поухили.

Да, миновал кризис, отступила болезнь, и начались прогулки по Праге.

Имперский астроном и его выздоравливающий друг взбирались на пражские холмы и подолгу дивились на красавец град. Далекий Вейль, Тюбинген, Грац, столица Штирии великой! Потускнело ваше убогое величие, померкло пред златым лицом Праги! Пред церквами ее и башнями, садами и парками, коллегией университетской, пред деяньями многих поколений гениев-зодчих. Ты, мосточек, распростерший хилое тело свое над ручьем, именуемым рекою Мур, — разве ровня ты Карлову мосту через Влтаву? С двадцатью четыремя его

арками? Со скульптурами, из коих каждая есть шедевр гармонии и совершенства? Ты, церквушка святого Бонифация, подслеповатая, крытая черепицей, — разве тебе дотянуться к куполам собора святого Вита — далеко-далеко, на четыре стороны света блещут купола.

Вскоре ни в Градчанах, где красуется королевский двор, ни в обеих Прагах — Старой и Новой — не осталось перекрестка, закоулка, проулка, где бы праздные зеваки не лицезрели двух господ, оживленно спорящих бог весть о чем.

Что же было предметом их словопрений, неумных заклятий и проклятий, отчего они то руками трясли неистово друг перед другом, то подсказывали, будто бойцовые петухи, то вычерчивали тростью на снегу волнистые линии, кружки и стрелы?

О системе Коперника речи велись, о чем же еще...

— Земля слишком тяжела и неуклюжа. Я уподобил бы ее поварихе, не в меру толстой и грузной. Земля неспособна двигаться в пространстве, точно планета или иное небесное тело, — загудел Тихо Браге.

— А Солнце? — хитро спросил Кеплер. — По собственным вашим исчислениям, оно значительно превосходит нашу планету. Выходит, Солнце еще менее пригодно для движения. Зачем же вы разнесли в пух и в прах Птолемея с его кристальными сферами? Ваши слава и уважение в астрономическом мире столь непоколебимы, что ныне никто из серьезных ученых не решится отстаивать неподвижную Землю.

— «Слава», «уважение»... — проворчал польщенный король астрономии. — Любому школяру ясно, сколь неестественно и весьма запутанно. Птолемея учение. Но я не одобряю нововведения, предложенного Копер-

ником. Притом же, положив руку на сердце, скажу: и священное писание мешает мне принять систему фромборкского каноника.

— Однако вы хвалили ее, и неоднократно? — произнес удивленно математикус.

Король астрономии досадливо поморщился: недопонимает, мол, нынешняя молодежь всех дипломатических сложностей во взаимоотношениях со всемогущей идеологией церкви.

— Воздавал должное. За простоту и ясность, с которыми Коперник распутал сложность планетных движений. Его учение — наиболее удобная гипотеза для вычислений. Гипотеза, не более.

— В таком случае, каково истинное устройство мира?

— По моему мнению, небесные движения происходят следующим образом. Солнце, Луна и сфера неподвижных звезд, охватывающая всю вселенную, имеют центром Землю. Пять планет — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн — обращаются вокруг Солнца, как около вождя своего или короля. И вся она свита вместе с королем совершает годовое движение вокруг недвижимой Земли.

— Занятная картина мироздания, — отозвался Кеплер, быстро уловивший самую суть соглашательского, компромиссного построения Тихо Браге. — Значит, и под церковные догматы никаких подкопов, и память о Копернике не осквернена. Придуманно довольно ловко.

Имперский астроном отвечал:

— Картина, именуемая вами занятой, ловко придуманной, нашла многих приверженцев среди моих современников! Между прочим, среди них и сэр Фрэнсис Бэкон *. А посему...

* Фрэнсис Бэкон (1561—1626) — выдающийся английский философ-материалист.

Неожиданно Иоганн Кеплер захохотал, да так громко, что ворона снялась с часовни, а золотых дел мастер, приютивший свою лавочку к стене божьего храма, запер на всякий случай дверь.

Надо заметить, что спорщики проходили в это время мимо рынка. Торговля была в разгаре, прилавки ломились от товара, продавцы на все лады расхваливали съестную флору и фауну. Рынок мычал, хрюкал, блеял, кукарекал, лаял, мяукал, визжал. Возле ближнего прилавка носился на ремешке вокруг столба черный поросенок. На него-то указуя перчаткой с раструбом, и заливался хохотом окончательно выздоровевший Кеплер.

— Не уяснил, что тут смешного, — заговорил Тихо Браге. — Поросенок бегаёт вокруг столба.

— Ха-ха-ха! Разве нельзя сказать: столб обращается вокруг поросенка?

— С точки зрения механики, относительно движения, — можно.

Тогда математикус внезапно посерьёзней и заявил:

— Вы правы. Так чем же, с точки зрения механики, поросенок и столб отличаются от Земли и Солнца в вашей гипотезе? Ничем. Вы законченный коперниканец, господин Тихо.

Увлёкся парадоксами воспитанник духовной академии, поднаторевший в словесных перепалках, упустил из виду, что пред ним вспыльчивый, взрывающийся будто порох датский дворянин.

— Цветущие долины небес постыдно обращать в пастбища для свиней! — в сей же миг блистательно отпарировал знаменитый астроном. — И затвердите себе истину, а не гипотезу: так не относятся к тем, кто приютил вас на чужбине.

Эх, непростительную промашку совершил Тихо Браге, насмерть обидел зависимого от него человека.

«Господи, какую я глупость сморозил!» — испугался он, заметив, как побледнел Кеплер, как нервный тик взошел ему на щеку, затронул левое веко. Но поздно, поздно... Поздно ловить голыми руками выпорхнувшие ненароком глупые слова.

— Благодарствую, добрейший Тихо, — заговорил, как бы превозмогая забытие, математикус. — Я отвечу вам подобной же истиной: так не относятся к тем, кого любезно приглашают к себе на службу. Не обрекают их на подачки взамен обещанного жалованья. — Кеплеру не хватало воздуха. Он отшвырнул перчатки в снег, рванул ворот на шубе, прокричал сдавленным, задушенным голосом: — Судаки запеченные! Страсбургские паштеты! Глухари на вертелах!.. Мерзко, мерзко пробавляться от ваших щедрот! Пропади они пропадом вместе с вашими миллионами!

Он повернулся и побежал прочь. За ним затрусил Тихо, не забывая придерживать рукой коварный нос, но сразу потерял из виду разобиженного молодого гения.

...Иоганн Кеплер заперся у себя в комнате. Он принялся сочинять письмо к профессору Мэстлину. Тихо не желает смотреть на него как на равного, не делится планами своих работ, обрекает его на судьбу заштатного наблюдателя, крючкотворца, вычислителя. «Здесь нет ничего верного, — выводил трясущейся рукой математикус. — Тихо такой человек, с коим немислимо жить, не перенося жестоких оскорблений. Содержание обещано блестящее, но жалованья не выплачивают». Он доведен до отчаяния нищетой и заботами, сыт по горло благодеяниями короля астрономов. И посему умоляет профессора прислать несколько гульденов, дабы тотчас по их получении покинуть Прагу.

В ожидании скорого ответа Кеплер погрузился в свои вычисления и гипотезы. Никогда ему так хорошо не работалось. Барбара прибегала к самым странным кухонным ухищрениям, чтобы из лука, крупы и солонины соорудить видимость обедов.

...Через два дня после размолвки явился к нему мрачного вида господин, назвавшийся Гунаром Эриксоном. Изъяснялся незнакомец на латыни, однако речь несносно искажал шведскими, норвежскими и еще черт знает какими тарабарскими словами. Говорил глухо, не жестикулируя, был холоден и бесстрастен, точь-в-точь северные фьорды. Начал герр Эриксен с того, что его покровитель Тихо Браге целиком поглощен хлопотами, связанными с предстоящим бракосочетанием своей дочери. И посему он поручил своему посреднику принести глубочайшие извинения господину Кеплерусу в связи с прискорбным инцидентом, а также заверить его, что во всем происшедшем не было тени злого умысла со стороны господина Браге.

Посредник и затаивший обиду математикус встали, чопорно раскланялись. Когда таким образом с официальной частью визита было покончено, Гунар Эриксен заговорил:

— Герр Кеплерус, я без малого четыре десятилетия состою хранителем бумаг и казначеем при моем покровителе. Мне ведома его приязнь к вашей особе. Да я и сам, будучи астрономом, осведомлен о ваших дарованиях. Соболаговолите хотя бы бегло пролистать сей труд. — Он протянул объемистую кипу бумаг в сером переплете.

На первой странице было крупно выведено порыжевшей от времени цифирью:

«1 500 000 1567»

Кеплер оглядел посетителя с ног до головы.

— Соболаговолите заглянуть в конец конторской книги, герр Кеплер.

В конце, как и на первой странице, бежала иноземная скоропись, но уже яркая, только что вышедшая из-под пера. Помимо того, значилось:

«8612

1601»

— Позвольте сделать необходимые пояснения, герр Кеплер. В самом начале — полтора миллиона крон. Сии воистину княжеские богатства, не считая трех имений, были переданы моему покровителю его приемным отцом в году одна тысяча пятьсот шестьдесят седьмом... — Что-то дрогнуло в непроницаемом лице казначея. Какое-то воспоминанье, одолев застывшие просторы прожитой жизни, неожиданно настигло его и принесло весть об иных временах: о радугах, о ледоходах, о скользящих по бирюзовым просторам ладьях, о нежных звуках волынки, о...

— Теперь о последнем листе, — продолжал Эриксен, и Кеплер не узнал внезапно оттаявшего голоса сурового северянина. — Слева — восемь тысяч шестьсот двенадцать флоринов — общая сумма долгов моего покровителя. К началу нынешнего, тысяча шестьсот первого года по рождеству Христову.

Иоганн Кеплер, проклявший несуществующие миллионы разоренного короля астрономов, сгорал со стыда.

— Мы разорены, герр Кеплер. Только на возведение Уранибурга затрачено пять бочонков золота. А приемы королей и министров! А пенсия ученикам, приезжавшим со всей Европы! А перевозка инструментов и кунсткамеры в замок Бенах!..

— Разве король Рудольф не приказал возместить

убытки, связанные с переездом в Богемию? — удивился математикус.

— Приказал. Но что толку? Королевская казна пуста, как гнилой орех...

«Благороднейший Тихо!

Смогу ли я исчислить или оценить благодеяния, оказанные мне вами? Два месяца вы щедро и бескорыстно поддерживали меня и всю мою семью, вы предупреждали все мои желания; вы оказывали мне всевозможные знаки доброты и расположения; вы делились со мной всем для вас дорогим; никто ни словом, ни делом не оскорблял меня намеренно; короче, по отношению ко мне вы выказывали ничуть не меньше снисходительности, чем к вашей жене, детям или самому себе.

Ввиду всего этого я не могу без смущения подумать о том, что в пылу своей неводержанности закрыл глаза на все эти благодеяния; что вместо скромной и почтительной благодарности я в ослеплении страстью позволял себе дерзкие выходки по отношению к вам, имеющему право рассчитывать только на одно уважение с моей стороны, забыв о ваших заслугах и ученых трудах, которым я столь много обязан.

Все, что я ни писал, или ни говорил против вашей личности, славы, чести или учения; или что бы я, с другой стороны, ни сказал или ни написал оскорбительного (если другого, более мягкого названия моим поступкам нельзя найти) и даже то, чего я не помню, — от всего этого я отрекаюсь и честно и искренно признаю все это несправедливым.

Иоганнес Кеплерус,
математикус».

**НАЕМНИКИ
ИМПЕРАТОРА**

Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут.

Михаил Булгаков

Не застольная беседа о том, о сем с другом юности; не спор о достоинствах Коперникова учения с коллегой-звездонаблюдателем; даже не конфиденциальный разговор с первым канцлером королевства. Математикусу Иоганнесу Кеплеру предстояла аудиенция у императора.

Суетитесь, придворные портные и брадобрееи! Сапожных, кружевных, пуговичных дел умельцы, замирайте от страха! В синем камзоле с серебряным шитьем чужестранный ваш клиент будет представлен повелителю Священной Римской империи. Сей изгнанный из Штирии звездоволхв уже проскакал в карете по Карлову мосту, дерзостным Тихо Браге сопровождаемый. Вскорости миновала карета домишки, что над Влтавой лепятся подобно ласточкиным гнездам, вынеслась на Градчанскую площадь. Тут откуда ни возьмись вываливаются из всех дверей дворцовые лакеи, шталмейстеры, церемониймейстеры. Миг — и кони распряжены, в стойла водворены. А на аудиенцию к государю пожаловавшие господа расчесывают пред зеркалами бороды в туалетной комнате. Четверть часа расчесывают, час, другой, третий...

— Где же император? — не выдерживает наконец Тихо Браге, датский дворянин.

Он велит слуге кликнуть главного церемониймейсте-

ра. Тот входит, бормочет что-то нечленораздельно, пытаясь всеми правдами и неправдами загладить конфуз. Но короля астрономии не так-то легко провести. И вот уж припертый к стене церемониймейстер сознается: государь потерялся в дворцовых покоях. Все с ног сбились, его величество разыскивая. Двум посланникам французским дурно сделалось от чрезмерного ожидания и напряжения чувств. Посол испанский — эдакий гордец! — повелел лошадей закладывать, отправился, разгневанный, восвояси, в свою Испанию. А государя все нет...

— В два счета разыщем! — закричал Тихо Браге, да так, что хрустальные подвески на люстрах закачались. Не давая опомниться опешившему придворному, он оттер его животом от дверей: путь был свободен.

...Однако, господа, где же в самом деле император? Изволит упражняться в зале для игры в мяч? Но по вторникам и четвергам (а нынче четверг) он отвергает телесные упражнения, равно как и рыцарские турниры. Лицезреет полотна старых мастеров в сокровищнице? Но она пуста, пустует и главная дворцовая зала. Быть может, его величество возносит хвалу всевышнему либо поминает своих предков в соборе святого Вита? Но придворный капеллан клянется: после заутрени государь спешно помолился пред королевским мавзолеем и более не показывался в соборе.

Они обошли весь королевский двор: безрезультатно.

В зале Ведомства судебных книг, где на стенах красовались гербы главных чиновников, один герб заковыристей другого, Тихо Браге устало опустился на скамью и от огорчения стукнул кулачищем по столу. Немедля из-под стола выкатился дворцовый шут, карлик, уродина, заохал, засеменил к двери.

Тихо догнал человечка и спросил строго:

— Ответствуй: где его величество? Не то зашибу насмерть или проглочу живьем.

— Не проглотишь. Я еще тверже, чем твой железный нос, — бесстрашно отразил нападение шут.

Браге расхохотался. Карлик подскочил к выходу, проблеял оттуда:

— Его величество с утра заперлись у алхимиков. Золото варят его величество.

— Так я и думал, — облегченно вздохнул король астрономов.

...В подземелье, где обитали алхимики, Иоганну ударил в нос крепкий запах серы и нашатыря. В низкой печи подрагивали языки огня. Золотовары сновали с ретортами между песчаными и водяными ваннами, перегонными аппаратами и вытяжными шкафами. На стенах сливались, распадалась неестественно искривленные тени. «Ну и ну, сюда бы парочку ведьмочек в ступе — и чем тебе не адское обиталище», — подумал Иоганн. Тихо Браге указал на диковинное сооружение — то ли клеть для заточения грешников, то ли тенёта для поминки райских птиц. Неподалеку от клетки восседал под балдахином некто в просторном черном халате. Весь халат был изукрашен мистическими символами, аллегорическими фигурами, печатями апокалиптическими. Некто под балдахином сидел с закрытыми глазами. Трудно было уяснить: то ли почивал он, то ли слушал стоящего подле него старца с книгой. Старец вещал:

— Его отец Солнце, его мать Луна, ветер носил его в своем чреве, Земля его кормилица. Оно отец всякого совершенства во вселенной. Его могущество безгранично на земле. Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством — это вещество поднимается от земли к небу и тотчас снова нисходит на землю. Оно собирает силу и верхних и нижних вещей...

— Довольно, Сафроний, — капризно заговорил сидящий под балдахином. — Ты утомил меня. Зачти сызнова то, что ты читал поначалу о тайне. Из этого... как его...

— Из греческой рукописи четвертого века, приписываемой Зосиме Панополитану, — подхватил старец и зашамкал: — «Вот тайна: змея, пожирающая свой хвост, состав, поглощенный и расплавленный, растворенный и превращенный брожением... Его чрево и спина желты, его голова темна и зелена. Его четыре ноги — четыре стихии...»

— О боги и богини!.. Ну что ты заладил одно и то же... Стихии, чрева, спины, змеи. Наскучило, — перебил старца Зосиму великий государь (а это был не кто иной, как император Рудольф). Его величество зевнул, перекрестился и продолжил речь: — Опротивели нелепости сии несусветные. Лучше поразмысли: нынче философский камень выварится иль нет?

— Не дерзну пророчествовать, государь, однако может и не вывариться. Не маловато ли травы лунной * внедрили в смесь.

— Пошто раньше-то о лунной траве умалчивал, голова твоя ученая? — беззлобно осведомился император. — Эх, нет Тихо Браге, великого искусника, наверняка подсказал бы неукоснительную пропорцию.

— Я здесь, ваше величество! Готов услужить памятью и умением, — отозвался король астрономов.

Государь нетерпеливым жестом призвал к себе любимца-звездосоглядатая, о чем-то пошептался с ним. Затем повелел приблизиться Кеплеру, спросил:

— Сказывают, ведомы тебе, Иоганнес Кеплерус, не

* Лунная трава считалась алхимиками необходимой для получения философского камня, посредством которого металлы якобы обращаются в золото.

только судьбы людские, но и лет птицы в небесах, красного и черного зверя бег на земле, потаенный ход рыбыны в глубинах. Верно ль сказывают?

— Отчасти, государь, — твердо выговорил Иоганн.

— Мы премного о талантах твоих провидческих слышаны. Помимо звездозакония, что еще тебе по сердцу?

— Помимо астрономии, ваше величество, изучал живопись, скульптуру, производство мозаичное, герметическое искусство.

Предстань нежданно-негаданно пред очами повелителя Священной Римской империи любой полководец древности — Цезарь, к примеру, или Ганнибал — и предложи свои услуги на поприще борьбы с проклятыми турками, и тогда менее обрадовался бы государь, нежели заслышав о мозаичном производстве и герметическом искусстве. Ибо теперь явилась родственная ему, Рудольфу Второму, душа.

— Зачисляю тебя, Иоганнес Кеплерус в свиту, — милостиво молвил владыка, поглаживая на своем халате символ селитры — большой палец с короной и Луной. — Наипервейшею обязанностью вменяю составлять гороскопы мне и вельможам. Для моего гороскопа сроку отпускаю неделю.

— Гороскоп вашего величества уже составлен. Извольте взглянуть, — ответил Кеплер и протянул гороскоп.

Тот быстро схватил сей листок, где была расписана хитроумными знаками вся его императорская судьба. Повертев гороскоп, государь спросил недоверчиво:

— Стало быть, ни в коей мере можно не опасаться за мою жизнь?

Иоганн оторвался от созерцания узоров, возникавших и распадавшихся в печи, и отвечал:

— Позвольте уведомить ваше величество: ни жестокие хворости, ни тайные либо явные козни злоумышленников, ни происки наемных очернителей не коснутся вашей божественной судьбы.

— Ай да Кеплер! Ну и молодец! — закричал, как ребенок, его величество. — Отныне назначаю тебя имперским математиком. Однако сей высочайший титул дарую тебе при одном неременном условии. Ты никогда не покинешь Тихо Браге, дабы работать под его руководством над составлением астрономических таблиц. Содержание годовое определяю тебе в две тысячи семьсот флори... — Тут государь поперхнулся, осекся, как-то весь сник. И, заметим, не без причины. Назвав поистине астрономические для нищенствующего профессора две тысячи семьсот флоринов, Рудольф Второй вдруг вспомнил вечно искаженную страданием физиономию казначея. Героическим усилием изгнав из памяти ненавистное казначеево лицо, государь закончил без всякого воодушевления: — А впрочем, что я говорю: две тысячи семьсот флоринов. Число какое-то несуразное, не круглое. Опять же при расчетах могут возникнуть неудобства. Верно я говорю: несуразное число, а?

Король астрономов и его ученик закивали: кто же осмелится перечить государю?

— Содержание годовое определяю тебе в полторы тысячи флоринов, — изрек наконец владыка и вздохнул с облегчением.

Имперский математикус возликовал. Чего греха таить: и полторы тысячи были для него баснословным состоянием.

— Что касается сугубо астрономических твоих занятий: разных домыслов, предположений, вычислений, — тут мы тебе не указ. Занимайся сей кабалистикой на свой страх и риск, — милостиво разрешил Рудольф.

— Государь, я намерен исчислять движения Марса. Из всех иных планет орбита его наиболее растянута и с кругом не схожа. Надобно отрешиться от укрепленного тысячелетиями предрассудка о движении планет по кругам, — сказал Кеплер.

— Пустяки, безделица, — отозвался император равнодушно. — По кругам ли ползают иль скачут, как вепри загнанные иль как лягушки, — все одно. Главное — судьбу дабы предрекали.

На том и завершилась аудиенция.

Тихо Браге остался в подземелье — помогать светлейшей особе государя вываривать философский камень. Обласканный владыкой Кеплер отправился домой — порадовать Барбару превеликим благом, свалившимся с неба.

Он побродил по дворцу: заглянул в оранжереи, в кунсткамеру, послушал, как на все лады распевают заточенные в клетки заморские птицы.

В галерее имперского придворного совета его догнал запыхавшийся вельможа в выцветшем камзоле и основательно потертых панталонах. Лицо вельможи было странно сплюснуто, перекошено. Одна бровь взлетала, как у паяца, к виску, другая нависала над глазом, бесстыдно прикипавшим к собеседнику, какого бы тот ни был чину, ранга и звания.

— Герр Кеплерус, позвольте мне, как дворцовому казначею, поздравить вас с высочайшей милостью, — голосом выцветшим и потертым сказал казначей. — Одно жаль: финансы империи расстроены донельзя. Казна... как бы это выразиться поточнее... э-э... ну что ли... не совсем наполнена, не до краев. Соболаговолите несколько времени — скажем, год, а еще лучше два или

три года, — существовать на постоянные и случайные доходы от ваших поместий, угодий, земель и прочих владений.

Новоявленный имперский математикус давно был приготовлен к такому повороту событий в финансовой баталии, которую он вел столь длительно и безуспешно. И посему, нимало не удивившись, ответил с нарочитой заносчивостью:

— Поместья мои весьма обширны, угождая невыразимо богаты, владенья обильны несказанно. Да вот жалость: дороги в оные края никем еще не протоптаны.

— Горные теснины? Каменистые ушелья? Болота непроходимые? Бурелом? — осведомился казначей.

— Лунные рудники! Виноградники на Марсе! Покосы на Венере! Небесные острова! — отрывисто выговорил обладатель несметных, воистину неземных богатств.

...Раздосадованный, он выбежал на крыльцо королевского замка. Пред ним в высокое чистое небо возносились закатные своды собора святого Вита. Рядом, словно клювом по стеклу птенец, тенькала капель. Пахло весной, талыми снегами, подснежниками. Как бумажные кораблики, покачивались в поднебесье розовые облачка. В такую пору на Лысой горе уже оттаивает южный склон и обнажается земля — прелые прошлогодние листья, усы зеленой травы, робкие ручьи, паутина на папоротниках. Уже греются на пенях первые ящерицы, и первые жуки расправляют крылья, и вся Лысая гора, как огромная старая ящерица, подставляет солнцу бока, приходя в себя после зимнего оцепенения, после неподвижности и забвения, после забытья.

Из-за конюшни показался отряд аркебузьеров. Шли ландскнехты, ветреное племя вояк: насильники, разбойники, мародеры, наемники, императора.

— Р-рота, смир-рно! Р-равнение налево! — пролаял начальник отряда. Сорвав с головы шляпу, он отсалютовал королевскому замку. Молодое лицо его пылало священным благоговением пред личностью того, над кем зримо и незримо парит золотой королевский штандарт.

Рота промаршировала мимо дворца. На спинах воинов мерно покачивались аркебузы. Иоганн Кеплер смотрел вослед отряду. Он мучительно пытался припомнить нечто важное, связывающее воедино судьбу его, имперского математика, и участь этих ландскнехтов, которые уходят неведомо куда умирать неизвестно за что. И вдруг его осенило: да ведь начальник отряда...

— Мартин! Мартин! Мартин Шпатц!

Предводитель оглянулся, пытаясь на ходу разглядеть того, кто позволил себе так фамильярно его окликнуть. Наконец он остановился в замешательстве, скомандовал: «Рота, стой!», направился к Кеплеру. И, лишь подойдя шагов на десять, все понял. Но и поняв все, он не потерял самообладания.

— Рота, составить аркебузы в козлы! Перекур! Выступаем через четверть часа! — скомандовал Мартин и только тогда бросился в объятья к улыбающемуся Кеплеру.

После обычных в таких случаях «какими судьбами?», «откуда ты взялся?», «дьявол меня заberi!» и прочих восклицаний друзья завернули за угол арсенала и здесь, вдали от любопытствующих, опорожнились из Мартиновой фляги по чарке обжигающего зелья.

После второй чарки ландскнехт заткнул флягу пробкой — служба есть служба — и произнес:

— А все-таки, магистр соврал, соврал, лицедей. Помнишь, кому жезл полководческий предрекал? Тебе. А на поверку что вышло? Вот и верь разным ворожеям да колдунам.

— Куда ж ты направляешься, полководец? — спросил Иоганн, пытаясь отыскать в суровом воителе с тремя рваными шрамами на левой щеке облик того, прежнего Мартина — увальня и тихони.

— На Средний Рейн. Турок воевать. Коли живым вернусь, награда обещана, и немалая. Может, выбьюсь в начальники колонны.

Иоганн потрогал кинжал в золоченых ножнах, висевший на поясе у Мартина, вспомнил недавний разговор с казначеем, вздохнул:

— Не очень-то доверяй, друг, обещаниям да клятвам.

— Ну это ты зря, — возразил ландскнехт. — Обещанье обещанью рознь. Нас заверили пресветлым именем его величества государя императора.

Что тут было сказать? Блажен верующий: стоило ли разуверять простодушного в том, в чем сам Иоганн давно разуверился.

— Прощай, Мартин. Дай тебе бог остаться живым и невредимым. На память от меня прими сии часы. И знай: я всегда любил и люблю тебя как брата. — Кеплер отстегнул часы на цепочке, вложил их в руку Мартину.

— И ты прощай, брат мой математикус. А взамен возьми сей кинжал. Мне его лучшие кузнецы выковали в Шварцвальде. Он тебе пригодится.

Они обнялись.

— Пойди, брат Мартин. Я поведаю тебе напоследок одну историю. Она тебе тоже пригодится. — Иоганн вытащил кинжал из ножен и, разглядывая вычеканенный узорчатый клинок, заговорил: — Я расскажу тебе историю про наемников римского императора Октавиана. Когда ему однажды пришлось туго, он приказал возвестить всем рабам, что они могут вступать в его

армию. Он поклялся своим пресветлым именем: по возвращении из похода записавшиеся в солдаты станут свободными. И представь себе, он выиграл войну. Двенадцать тысяч рабов погибли костями в сраженьях. Десять тысяч вернулись с поля брани. Они вернулись, дабы получить обещанное — свободу. И как, по-твоему, поступил император Октавиан? Он их предал самым подлейшим образом. Ровно половину рабов он выдал прежним их господам. Он всех бы выдал, да только сами господа отказались от безрукого и безногого рабьего товара. А остальные пять тысяч рабов, спросишь ты, ландскнехт Шпатц. Остальные пять тысяч, все эти увечные и калеки, однажды были окружены несколькими легионами и вырезаны дочи́ста. До последнего человека. Сначала у них хитростью выманили оружие, а затем всех до одного закололи. Зарезали, как стадо телят. Кто помнит теперь имя хотя бы одного из этих лежковерных? Никто. А ратные подвиги клятвopеступника Октавиана прославлены в веках. Его бюсты и статуи торчат во всех сокровищницах Европы.

Кеплер вложил кинжал в ножны и улыбнулся другу виноватой улыбкой.

— Я запомню твою историю. Навсегда, — заговорил Мартин. — Теперь уже поздно раскаиваться. По собственному разумению угодил в солдаты, назад пути нет. Не зря же любой ландскнехт пред баталией бросает горсть земли через плечо. Мы отреклись от всего земного. — Он озабоченно посмотрел на часы. — Однако не забывай, что и ты тоже наемник.

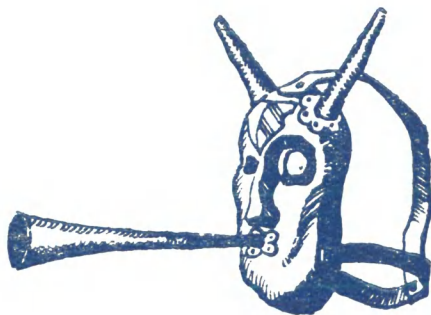
На дворцовой крыше плавился, как в тигле, закат.

Одинокiй коршун захлестывал небо кругами, подстерегал добычу,

— Прощай, наемник императора Октавиана, — сказал математикус Иоганнес Кеплерус.

— Прощай, наемник императора Рудольфа, — сказал ландскнехт Мартин Шпатц.

За арсеналом, возле королевского замка, наемники в последний раз обнялись, накрытые исполинской тенью собора святого Вита, летящей в бездну.

СЫН ВЕДЬМЫ, ВНУК КОЛДУНИ

Процесс

Инквизитор. Заседание трибунала возобновляется. Продолжаю рассмотрение апелляции по процессу Катерины Гульденман. (Листает дело.) В 1615 и 1616 годах вышепоименованная владелица трактира «Веселый ночлег» содержалась в леонбергской тюрьме по обвинению в колдовстве, знахарстве, лечению людей и скота магическими заговорами и приворотными зельями. В 1616 году обвиняемая была освобождена из-под стражи за отсутствием состава преступления. Освобождение произведено при условии церковного покаяния обвиняемой. Однако в последующем она Гульденман не прекратила своих нашептываний, чарований, заклинаний и прочих безбожных, суеверных, порочных, преступных деяний. Как показало дознание, она усугубила свою вину новыми преступлениями. Обвиняемая ездила ночью на свинье, посещала бесовские шабаши, напояла зельем Валерию Марченштофф, отчего та занедужила. Свидетельства соседей и показания бургомистра Леонберга доказывают неопровержимо: обвиняемая испортила Валерию Марченштофф, вследствие чего та стала извергать всякую нечисть, вроде хвостатых червей, гусениц, а из ушей у нее выходили ухвертки, жуки, тритоны, саламандры и вылетали бабочки. По заявлениям многочисленных свидетелей, обвиняемая обучилась колдовству у своей тетки, которая была известной колдуньей

и кончила свою отвратительную жизнь на костре. После вторичного взятия под стражу обвиняемая отказалась признать свою вину. Более того, она посмела упрекать судей в нечестно нажитом состоянии и разного рода мошенничествах. За колдовство, соучастие в дьяволиаде и кощунственное поведение на суде Катерина Гульденман была приговорена к смертной казни посредством сожигания на костре. Инквизиционному трибуналу предстоит либо утвердить приговор, либо вынести оправдательный вердикт с определением степени вины.

Гульденман. Ваша милость, я ни в чем не повинна. Все, все поклеп, наговоры да сплетни.

Инквизитор. Предупреждаю: обвиняемой разрешено только отвечать на вопросы. Вопросы могут быть задаваемы только членами трибунала и, как исключение, защитником. Неблагодарную роль защиты обвиняемой взял добровольно на себя профессор Мэстлин, он же доктор богословия здешней духовной академии.

Мэстлин. Ваша честь, я протестую. Термин «неблагодарная роль» в данном случае неприемлем.

Инквизитор. Протест отклонен. Приступаю к первой стадии строгого допроса — официальным угрозам в судилище... Обвиняемая, веришь ли ты в существование ведьм? Запомни: каждое твое слово, каждый стон и вздох на всех стадиях пытки будут занесены в опросный лист.

Гульденман. Нет никаких ведьм. Зато кругом полным-полно мошенников.

Инквизитор. «Haeresis est maxima maleficarum non credere» — Высшая ересь — не верить в колдовство». Подобное безверие должно быть наказуемо.

Именно так, а не иначе толкует сие положение «Молот ведьм» *.

Мэстлин. Ваша честь, обвиняемая может пострадать по незнанию терминологии. Обвиняемая не обучена даже грамоте.

Инквизитор. Вы полагаете, что тридцать девять подозреваемых отправлены нами в прошлом году на костер лишь по незнанию ими терминологии? Не заблуждайтесь, защитник. Ведьмы были, есть и всегда будут. Секретарь, зачите во всеуслышание обращение Вормского собора к Людовику Благочестивому! **.

Секретарь (заученной скороговоркой). «К великому нашему прискорбию должны мы сообщить вам, что в вашей стране от времени язычества еще остается множество опасных лиходеев, занимающихся волшебством, ворожбой, метаньем жребиев, варкой зелий, снотолкованием, каковых божеский закон предписывает наказывать нещадно. Не подлежит сомнению, что лица обоего пола с помощью нечистой силы непотребными напитками и яствами лишают других рассудка. Оные люди своим колдовством наводят также бури и град, предсказывают будущее, перетягивают от одних к другим зерно с поля, отнимают молоко у коров и вообще совершают бесчисленное множество подобного рода преступлений. Подобные лиходеи тем строже должны наказываться государем, чем дерзновеннее они осмеливаются служить дьяволу».

Инквизитор. Все слышали? Значит, уже восемь

* Популярное в средние века сочинение Генриха Инститора и Якова Шпренгера. В 1484 году папа Иннокентий VIII дал этим двум монахам-доминиканцам, «возлюбленным сынам нашим», неограниченные полномочия по сыску и наказанию ведьм.

** Людовик Благочестивый (778—840) — император, который много заботился о распространении христианства в Германии.

столетий тому назад церковь осудила мистическую практику как наследие язычества и служение дьяволу. (Заглядывает в опросный лист.) Приступаю к вопросам, касающимся отдельных пунктов обвинения. Все свидетели поклялись на библии, что ты, Катерина Гульденман, никогда не плачешь, не глядишь в глаза, отличаешься крайней раздражительностью и злословием. Все это несомненные признаки ведьмы. Почему же ты отрицаешь, что ты ведьма?

Гульденман. Все слезы повыплаканы, вот и не плачу. А в глаза не гляжу, дабы не видеть ничьих скотских рыл.

Инквизитор. Под каким образом явился к тебе впервые дьявол и в какое время — утром, вечером или ночью?

Гульденман. Никакого дьявола я и в глаза не видывала. А вот господин городской судья то и дело заявляется в трактир. Небось, бочек уж десять вина выжрал за бесплатно, дьявол.

Инквизитор. Говори по существу обвинения и не приплетай посторонних лиц. Отвечай: состоишь в союзе с дьяволом на основании формального договора, либо клятвы, либо простого обещания, и ежели на основании договора, то каково его содержание?

Гульденман. Помилосердствуйте, господа! Какой прок дьяволу союз измышлять с нищей старухой? Лучше я спою вам швейцарскую песенку про дьявола. (Пританцовывая, поет.)

Старичок мой дьяволенок
Ударяется в загул,
Он нырнул в пивной бочонок
И на донышке заснул.

Инквизитор (возмущенно). Остерегись! Ты лишаешь себя нашего сострадания и навлекаешь гнев.

Мэстлин. Ваша честь, несчастная женщина обезумела от беспрестанных допросов и угроз.

Инквизитор. Она притворяется полоумной! Обычная уловка любой ведьмы. (Указывает на Катерину.) А она знается с нечистой силой, бесспорно. Ведьма и только ведьма способна подговаривать могильщиков, дабы те откопали ей череп мужа. Захотелось, видите ли, обложить сей череп серебряным обручем и преподнести в дар своему сыну, некоему звездочету Кеплеру.

Гульденман. Какой череп? Какой обруч? Враки, враки, враки!

Мэстлин. Ваша честь, сей пункт обвинения, как, впрочем, и все остальные, ничем не доказан. Некий Кеплер, о коем вы упомянули, имеет важные заслуги пред Священной Римской империей. Он один из самых почитаемых ученых в христианском мире. С ним состоит в переписке синьор Галилео Галилей, известнейший астроном и механик.

Инквизитор. Трибуналу нет дела до чужеземных связей сына сей закоренелой, закоснелой ведьмы. Пусть обменивается посланиями хоть с самим султаном турецким.

Мэстлин. Но ежели синьор Галилео, а он один из приближенных к особе его святейшества римского папы, узнает...

Инквизитор. Не узнает! Вынужден вам напомнить параграф четвертый Почтового устава. Корреспонденция, содержащая в себе упоминание о процессах и приговорах святейшей инквизиции, задерживается цензурой и сжигается.

Мэстлин. Устав не распространяется на диплома-

тическую почту. Не исключено, что именно таким путем синьор Галилео проведает о беспримерном процессе над матерью звездочета Кеплера. А затем оповестит всю просвещенную Европу...

Инквизитор. Не пытайтесь шантажировать трибунал! Кто из послов захочет осквернить дипломатическую почту вестями о процессе над колдуньей? Никто.

Мэстлин. Осмелюсь возразить, ваша честь, такое лицо существует.

Инквизитор. Кто же он?

Мэстлин. Джульяно де Медичи, посланник тосканский при пражском дворе.

**ПОСЛАНЕЦ
ОТ ЗВЕЗДНОГО МИРА**

В голове животных зияют семь отверстий, или окошек, через которые воздух вступает в храмину тела, дабы освещать, согревать и питать ее. Эти окна: две ноздри, два глаза, два уха и один рот. Так же точно и в небе сияют две благоприятные звезды — Юпитер и Венера, две немилостивые — Марс и Сатурн, две светлые — Солнце и Луна и одна неопределенная и посредственная звезда — Меркурий. Известно затем, что существует семь металлов, семь дней недели и т. д. Отсюда, равно как и из множества других явлений природы, исчисление которых было бы обременительно, мы усматриваем, что и планет должно быть непременно семь.

Франческо Зиччи,
средневековый астроном

Джульяно де Медичи, посланник тосканский при пражском дворе, почитал себя человеком образованным. А ежели не скромничать — то и высокоученым. Как иначе назвать того, кто ночи напролет добывал философский камень, кто ловушку соорудил для поимки нечистой силы, кто — страшно сказать! — втайне перелагал с французского на родной итальянский сочиненьице магистра Алькофрибаса Назье*, богохульственную «Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля»?

За тридцать годов дипломатической службы немало помотался по белу свету Джульяно, много чего рассмотрел, и не упомнишь всего. После хождения за тридевять земель, к Великой стене китайской, после плаваний в Индию, вокруг берегов Ливии, после рассказ-

* Под этим именем впервые вышла в свет бессмертная книга Франсуа Рабле.

ней странников, мореходов, паломников — чему еще мог удивиться мудрый посланник? А вот, поди ж ты, как отрок удивился.

Удивило посланника письмо от закадычного друга Галилео, сына Винченцо Галилея. Не первый год обменивались вестями друзья, не впервой делились секретами. Однако на сей раз хитроумный звездогадатель вознамерился, судя по всему, подшутить над высокоученым дипломатом.

«Месяцев десять назад до меня дошло известие, — сообщал Галилей, — будто какой-то нидерландец изобрел инструмент, с помощью коего весьма отдаленные предметы наблюдаемы столь же отчетливо, как и близкие. Это заставило меня задуматься над тем, как бы самому изготовить подобный инструмент... Поскольку я не жалел ни труда, ни денег, то мне удалось изготовить такой прибор. Благодаря ему предметы кажутся мне в тысячу раз больше и в тридцать раз ближе, чем если рассматривать их невооруженным глазом...» Далее в письме уведомлялось, что наблюдения звездного неба посредством зрительной трубы принесли неожиданные, ни с чем не сравнимые плоды. За один только январь нынешнего 1610 года были обнаружены горы на Луне, бесчисленное множество звезд в Млечном Пути и, главное, несколько новых планет, обращающихся вокруг Юпитера.

Тут Джульяно де Медичи письмо отложил в сторону, даже не дочитав до конца, и призадумался. Пусть Млечный Путь никакое не молоко богородицы и не дорога в ад, а всего лишь скопище звезд. Тосканский посланник не настолько глуп, дабы верить рассказам богословов. Но лунные горы! Новоявленные планеты!.. Конечно, о подобной новости следовало бы оповестить императора. Но ведь только заикнись, упомяни о лун-

ных горах при дворе — на смех подымут, освищут, с потрохами слопают. Эх, попал, мол, пальцем в небо, посланник тосканский! А умолчишь об инструменте — опять-таки закавыка: почему-де новость не сообщил владыке дружественной державы?

Сомнениями одолеваемый, приказал Джульяно закладывать карету. Поскакал к Иоганнесу Кеплерусу, математикусу. Не ахти как знатен Кеплерус, хотя и унаследовал по смерти Тихо Браге звание имперского астронома. Шумных пиров не закатывает, в камзоле, украшенном камнями драгоценными — рубинами, жемчугами, смарагдами, сапфирами, — не щеголяет. Зато скромн, приветлив, ни пред кем не заискивает, не льстит никому. По части же звездозакония сведущ замечательно, далеко обставит всех астрономов европейских, взятых вместе. Об этом отписывал посланнику еще несколько лет назад Галилео, сын Винченцо. И в этом же самолично убедился дипломат из прежних своих бесед с математикусом...

Кеплеруса застал посланник в звездоблюстилице. Имперский астроном сидел у камина и в задумчивости тасовал карточки с написанными на них крупными буквами.

«Довольно-таки престранное занятие», — подумал Джульяно и вежливо осведомился:

— Головоломку, герр Кеплерус, для сынка составлять изволите?

Иоганн Кеплер поднялся, поприветствовал итальянца.

— Соотечественник ваш, синьор Галилео, загадку прислал намедни. Загадка-то оказалась из хитроумных, доложу я вам, — отвечал он, протягивая гостю листок разлинованной бумаги. На листке строго по алфавиту выстроились буквы:

ААААА Б В ДД ЕЕЕ Й ЛЛЛЛ М ННННН ОО О П
Р СС ТТТТ УУУ ЮЮЮ Я

— Удалось ли составить нечто осмысленное? — поинтересовался Джульяно де Медичи.

— Вроде бы сложилась одна фраза. И, замечу, довольно несуразная:

САМУЮ ОТДАЛЕННУЮ ПЛАНЕТУ Я НАБЛЮДАЛ ТРОЙСТВЕННОЮ.

— В чем же несуразица сей фразы, герр Кеплер?

— Самая отдаленная — стало быть, о Сатурне идет речь. Согласитесь, синьор Медичи, что увидеть на месте одного Сатурна сразу три планеты вряд ли возможно. Панорама небес неизменна в протяжении тысячелетий. И древние египтяне, и Клавдий Птоломей, и мы с вами — все лицезрели и лицезреем во вселенских высях одно и то же. Ведь острота нашего зрения ничуть не увеличилась со времен древности.

Посланник спросил равнодушно, как бы не придавая значения вопросу:

— Неужто нет путей сколь-нибудь увеличить сию остроту?

Иоганн Кеплер пристально взглянул на дипломата, намереваясь постичь, куда тот клонит. Но хитрый лис Джульяно вовремя глаза отвел.

— Помнится мне, Роджер Бэкон упоминал о чем-то подобном. Жаль, запоматывал я, где именно. И потом еще Порты, в «Натуральной магии». — Имперский астроном отыскал на полке нужную книгу, бегло ее полистал. — Так и есть. Вот искомое место: «При посредстве вогнутых стекол можно весьма отчетливо наблюдать далекие предметы. При посредстве стекол выпуклых — близкие предметы. При сочетании надлежащим образом выпуклого и вогнутого стекла вполне представилась бы возможность видеть все предметы и увеличенными и вместе с тем отчетливыми».

— Ежели не секрет, что вы думаете по сему

поводу? — заговорил после некоторого молчания Джульяно.

— Я не слишком склонен доверять таким блестящим обещаниям Порты, — отвечал математикус, перекладывая в который раз карточки с буквами. — Хотя, синьор Медичи, чудеса и здесь не исключены. Сказывали мне нищие, будто в прошлом году на ярмарке во Франкфурте голландцы торговали диковинными приборами. И будто бы в сии приборы представлялись удаленные предметы весьма близкими...

— Так знайте же, знайте! — воскликнул, перебивая собеседника, все нормы этикета нарушая, Джульяно де Медичи. — Галилей, сын Винченцо, соорудил подобный прибор! — И зачитал потрясенному звездоволхву письмо вплоть до тех самых строк, где сообщалось о планетах вокруг Юпитера.

— Похвально, похвально, — говорил сияющий Кеплер. — О, много сыщется умников, для коих наблюдательная труба что кость поперек горла. До Луны, до Млечного Пути подымется вой схоластов да богословов! Будут, будут вопить, будут тшиться заклинаньями согнать с небес новые планеты. Из кожи вон станут вылезать, пустосвяты!

— Полагаете, герр Кеплер, и государя императора надлежит ввести в курс дела? — спросил посланник.

— Государя! Всю свиту! Поваров, шталмейстеров, камеристок, виночерпиев, цирюльников! Будь моя воля, я повелел бы, дабы о новых планетах были оповещены все птицы! Звери! Рыбы! Растенья! Ручьи! Облака! Океаны!.. Эх, не дожил Джордано до часа своего торжества, сожгли, мерзавцы! — вскрикивал астроном и кулаком грозил неведомо кому. — Ты победил, вознесшийся дымом и пеплом над Площадью Цветов! Юпитер — вот доказательство, что существуют

небесные острова, более важные, чем Земля! Недаром же у него четыре Луны, а у Земли всего одна. Мы не можем более думать, будто все сотворено для нас. Мы не самые благородные из созданий, но мы помещены более благоприятно, дабы разрабатывать астрономию. Разрабатывать, поскольку наше положение позволяет нам наблюдать все планеты!

Джульяно де Медичи отчаялся постигнуть вдохновенную речь, во многом невразумительную даже для него, высокоученого человека. Покуда математикус извергал громоподобные слова, посланник обдумывал некое занятнейшее предприятие.

— Нельзя ли, герр Кеплер, подобную трубу зрительную соорудить для меня? — спросил он робко. — Расходы, само собою разумеется, на себя возлагаю. Целиком и полностью.

— Да на какую потребу труба-то вам, синьор Медичи? Стоит ли тратиться на бесполезный для вас инструмент? Загляните ко мне через месяц — к этому времени в обсерватории уже будет стоять отменная труба. Государь нынче же прикажет выписать прибор из Голландии. И тогда, милости просим, любуйтесь на небесные диковинки сколько заблагорассудится.

— Э-э нет, — возразил Джульяно, — сия труба потребна мне для окончательной поимки нечистой силы. Полгода уж сеть сооружена, а дьявол в нее все нейдет. — Тут ловец дьявола сокрушенно вздохнул и продолжал: — Будь у меня труба, я бы ее внутрь ловушки установил, а сам притаился в сторонке. Прискачет сила нечистая, захочет полюбопытствовать в инструмент на потусторонний мир, а я сеточку — р-раз! — и захлопну. То-то выйдет потеха!

Улыбнулся людскому простодушию Иоганн Кеплер.

— Завтра же, синьор Медичи, переговорю со зна-

комым шлифовальщиком стекол. Будет вам прибор. Об одном прошу: дочитайте, ежели не секрет, письмо синьора Галилео до конца. Авось там еще какие важные новости...

Математикус не ошибся. После упоминания о юпитерианских спутниках синьор Галилео, сын Винченцо, уведомлял друга, что задумал выпускать альманах печатный «Сидереус нунциус», сиречь «Посланец от звездного мира». В том альманахе намеревался он оповещать ученый мир относительно последних своих открытий, равно как и всех грядущих. А они не за горами. Уже и теперь он, Галилео Галилей, берется утверждать, что в зрительную трубу явственно различимы фазы Венеры.

— Фазы Венеры! — закричал Кеплер. — Господи, фазы Венеры! Ну что вы теперь запоете, проректор Факториус со всею сворой? Прав, тысячу раз прав недостойный Иероним фон Ризенбах! Надо немедленно отписать старине Мэстлину!

Спускаясь по каменным ступеням звездоблюстища, Джульяно де Медичи все еще слышал за собой победные возгласы имперского астронома. Наконец математикус утихомирился. Тогда посланник достал письмо и перечитал от начала до конца.

«Я увидел глазом то, в чем мой разум не сомневался и раньше, — значилось в конце письма. — Будь благословен, год тысяча шестьсот десятый!»

Процесс

1-й член трибунала (тычет указательным пальцем на лежащий перед ним фолиант). В реестре еретиков, святым орденом капуцинов отлученных от веры Христовой, поименован некто Кеплерус Иоганнес, богохульствующий звездочет. Отлучение свершено в году тысяча шестьсот девятнадцатом, в месяце январе.

2-й член трибунала (постукивает указкой по толстой книге). Ваша честь, в Указателе запрещенных сочинений, под номером три тысячи двести восемьдесят седьмым значится «Сокращение Коперниковой астрономии» некоего Иоганнеса Кеплеруса, математикуса. Запрещение должно действовать двести лет, вплоть до года 1819 по рождеству Христову.

Инквизитор. Обвиняемая Катерина Гульденман, как зовут твоего сына-звездочета?

Гульденман. Иоганном Кеплером величают, как же еще.

Инквизитор (обращаясь к Мэстлину). Защитник осмелился упомянуть о каких-то важных заслугах звездочета Кеплера пред империей? Не сии ли заслуги он имел в виду? Надеюсь, вам известно, доктор богословия, что богопротивное учение Коперника запрещено?

2-й член трибунала (находит нужное место в книге и отчеркивает ногтем). В декретах святой инквизиции запрет обозначен пятым днем марта 1616 года.

Мэстлин. Ваша честь, сын моей подзащитной носит почетное звание личного астронома государя императора Фердинанда. В той же должности он пребывал и при императорах Рудольфе и Матвее. Заслуги имперского астронома Кеплеруса велики и разнообразны.

Инквизитор. Кеплерус отлучен от церкви, а богомерзкое его сочинение запрещено. Как видите, заслуги его довольно сомнительны. Каковы ж еще добродетели Кеплеруса?

Мэстлин. Он разгадал истинный ход небесных светил. Открыл корону Солнца. Объяснил притяжением Луны явление морских приливов и отливов. Усовершенствовал зрительную трубу. Способствовал введению нового календаря. Написал математический трактат о вместимости бочек.

2-й член трибунала. Ха-ха-ха! О вместимости бочек! Кому еще сочинять такие трактаты, как не сыну трактирщицы?

Мэстлин. Венецианская республика неоднократно склоняла Кеплеруса оставить пределы родины, дабы занять кафедру математики и астрономии в университете восхваленного града Падуи*. Сэр Генри Боттон, английский посланник, от имени своего государя приглашал Кеплеруса переехать в Англию. Подобные приглашения есть знак признания учености воистину необычайной. Однако Кеплерус, будучи достойным сыном отечества, лестные предложения отверг. Наотрез отрицал.

1-й член трибунала. Тоже мне, заслуга, — в Болонью не ускакал, не сбежал к англичанам! Распустились ученые людишки, инакомыслящие, мудрствующие лукаво, сочинители разные да звездочеты. От зем-

* В свое время эту кафедру занимал Галилей.

лицы оторвались! Поотвыкли от сохи да овина! Чуть что не по нутру — и за кордон, по заграницам шастать. На кол сажать бы сих летунов, без дознания и суда! Гноить в подземельях! Топить! Четвертовать!

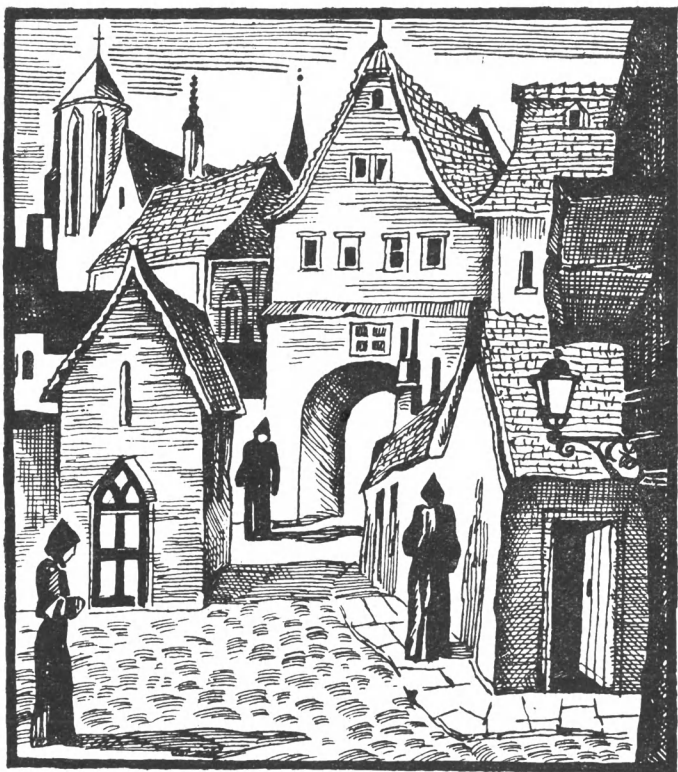
Мэстлин. Ваша честь, имперский астроном Иоганнес Кеплерус сможет сам рассказать о своих выдающихся трудах. Со дня на день он должен приехать на процесс. По невыясненным причинам он задержался в граде Линце, где занимает кафедру математики в тамошней гимназии.

Инквизитор. В силу каких причин великий ваш математикус обитает не в столице, а на задворках империи?

Мэстлин. Ваша честь, он покинул столицу, не вынеся скорби после смерти близких ему людей.

Инквизитор. Господь милосердный и всеблагой позаботится о душах умерших, ежели они не грешили. (Захлопывает дело.) Когда почил его близкие?

Мэстлин. В году одна тысяча шестьсот десятом по рождеству Христову.

**ОБШИРНОЕ И СТРАШНОЕ
ОДИНОЧЕСТВО**

Легче, кажется, двигать самые планеты, чем постичь их движение.

Клавдий Птоломей

Будь проклят год одна тысяча шестьсот десятый по рождеству Христову!

Проклят будь год, когда ему, имперскому астроному Иоганнесу Кеплерусу, приходилось каждый божий день тащиться с протянутой рукой в казначейство. Подайте на хлеб и похлебку царедворцу его величества! Уплатите хотя бы малую часть из тех двенадцати тысяч флоринов, что задолжала математикусу казна за десять минувших лет! Явите милость и сострадание ему, жене его и трем малым детям! Помогите, чем можете, вдове Тихо Браге и осиротевшим чадам короля астрономии, безвременно покинувшего бренный мир!

Не подали милостыню, не уплатили ни флорина, сострадания не явили, не помогли чем могли. Иуда-казначей отделялся векселями (торговцы провизией хохотали математикусу в лицо, когда он предъявлял сии жалкие бумажки!). Император, как всегда, не скупился на обещания, но они ничего не стоили.

И тогда он решился на крайнее средство: объявил всему миру, что он, Иоганнес Кеплерус, нищ и наг, как все истинно великие люди. Так говорил когда-то Лаврентий Клаускус, магистр всех свободных наук.

О телесной нагоде своей и нищете возвестил математикус в книге «Новая астрономия, или небесная физика, сопровождаемая разъяснениями о движениях пла-

неты Марс по наблюдениям благороднейшего мужа Тихо Браге». В посвящении императору его личный звездочет писал:

«Представляю вашему величеству важного пленника, сдавшегося после упорной и трудной борьбы... При всей человеческой изобретательности никому из смертных не удавалось до сих пор одержать над ним столь же решительной победы; тщетно астрономы обдумывали план битвы, тщетно пускали в ход все военные средства и выводили на бой свои лучшие войска... Марс смеялся над их ухищрениями, расстраивал их замыслы и безжалостно разрушал все их надежды. Он продолжал спокойно сидеть в укреплениях своих таинственных владений, мудро скрывая все пути к ним от разведок неприятеля.

Что касается до меня, то я прежде всего должен воздать хвалу самоотверженной деятельности и неутомимому усердию храброго полководца Тихо Браге, который непрерывно в продолжение целых 20 лет каждую ночь неустанно подсматривал все привычки неприятеля, раскрыв наконец план его войны и обнаружив тайну его ходов. Собранные им сведения, перешедшие в мое распоряжение, дали мне возможность освободиться от того безотчетного и смутного страха, который обыкновенно испытываешь пред неизвестным врагом.

Среди случайностей войны какие только бедствия, какие бичи не обрушивались на наш лагерь! Потеря славного полководца, возмущение войск, заразные болезни — все это часто ставило нас в отчаянное положение. Счастье и несчастье домашнее отрывало нас от дела. Наши солдаты, не получая жалованья, дезертировали целыми толпами; новобранцы не умели взяться за дело, и к довершению всего у нас не хватало жизненных припасов.

Но наконец неприятель стал склоняться к миру и через посредство своей матери Природы прислал мне заявление о сдаче в качестве военнопленного на известных условиях, и под конвоем Арифметики и Геометрии без сопротивления приведен был в наш лагерь.

С тех пор он ведет себя так, что можно верить его слову, и просит у вашего величества только одной милости. Вся родня его еще на небе: там остаются его отец Юпитер, Сатурн, его дед, брат его Меркурий и Венера, его сестра и возлюбленная. Привыкший к их царственному обществу, он очень скучает о них и сгорает нетерпением видеть их опять вместе с собою, пользуясь тем, как теперь он, гостеприимством вашего величества. Но для этого необходимо воспользоваться достигнутым успехом и настойчиво продолжать войну, не представляющую более опасностей, так как Марс теперь уже в наших руках. Поэтому я прошу ваше величество обратить ваше внимание на то, что деньги — нерв войны, и благоволить приказать своему казначею выдать вашему полководцу необходимые средства для снаряжения новой экспедиции!..»

Так писал Иоганн Кеплер, вдохновленный звездовидец. Казалось бы, дело яснее ясного: истинная орбита Марса — эллипс *, а не круг, как полагали тысячи лет все астрономы, — наконец-таки установлена. Оставалось распространить найденные законы на все другие планеты солнечной системы. Но где изыскать средства для дальнейшей работы, вот в чем вопрос. Государь император, даже получив первый экземпляр «Новой астрономии»,

* Эллипс упоминается уже в работах древнегреческих математиков. Однако лишь Кеплеру удалось доказать, что орбита любого небесного тела солнечной системы суть эллипс, в одном из фокусов которого находится Солнце.

палец о палец не ударил, дабы чем-то помочь взывающему о помощи математикусу.

И все же он, Иоганнес Кеплерус, не в обиде на судьбу. Восемь лет корпел он над расчетами. Семьдесят раз пришлось повторять каждое вычисление, пока не выросла над столом гора из бумажных листов. Тысячи дней и ночей он бродил по сумрачным небесным дебрям в надежде отыскать волшебный свой цветок. Он нашел его. Он сорвал красный цветок Марса. Вы ошиблись, господин Птоломей, когда приписали планетам божественное и равномерное парение по кругам. Вы ошиблись, когда разделили мир на совершенное, ангельски чистое небо и грешную, несовершенную Землю. Даже ты, великий каноник из Фромборка, ты, Коперник, остановивший небо и сдвинувший Землю, — даже ты не посмел отрешиться от круговых орбит. Но отныне с кругами покончено безвозвратно. Солнце и планеты отныне не первозданный хаос тел, влекомых подручными господ бога, а система с единым центром, Солнцем. И чем дальше отстоит планета от Солнца, тем медленнее она движется. Ради этого открытия он, Иоганн Кеплер, целых восемь лет корпел над таблицами Тихо Браге. Он жил впроголодь, он впадал в отчаянье, он доходил до умоисступленья — и восторжествовал!

«Я предаюсь своему воодушевлению, — писал он в священном порыве, — и не стесняюсь похвалиться пред смертными своим признанием: я похитил золотые сосуды у египтян, дабы отлить из них звездный памятник вдали от пределов Египта. Ежели вы простите мне похвальбу — я порадуюсь, ежели укорите — снесу укор. Но жребий брошен: я написал свою книгу. Прочтется ли она современниками моими или потомками, мне безразлично — она подождет своего читателя. Ведь ожида-

ла же природа тысячи лет созерцателя своих творений».

...Приходится ради куска хлеба выдумывать гороскопы для тупиц придворных? Пустяки, он возьмется за любую работу, будь то вычерчивание планов, переписывание нот, составление календарей, — никакой труд не зазорен. О нем, Кеплерусе, пренебрежительно отзываются современники? Но разумно ли судить о человеке по его образу жизни, по платью, по мебели, по кошельку? Он беден, однако независим, ни пред кем не угодничает, и даже бедность свою не променяет на целое Саксонское княжество. Его кошелек пуст? Ничего, случались и похуже времена. Глядишь, все наладится, утрясется. Ему давно уже предлагают кафедру математики в Верхней Австрии. Жалованье там скромное, зато выплачивать обещают без задержек. Что, если и впрямь согласиться, перевезти туда семью, инструменты... Линц город тихий, спокойный. Сиди составляй новую карту провинции, как требуют того честолобивые отцы города, да неторопливо исчисляй свои планетные таблицы. В самом деле, отчего бы не съездить осенью в Линц и обо всем не договориться окончательно?..

По прошествии двух десятилетий, за неделю до смерти, пробираясь по грязной размытой дороге над Дунаем, имперский астроном Иоганнес Кеплерус снова вспомнит возвращение из Линца в Прагу...

Два дня пути оставалось до Праги, когда появились предвестия грядущей беды. Сначала Иоганн услышал далекое и жалобное: «Miserere! Miserere! Miserere!»

* «Помилуй!» — первое слово покаянного псалма «Помилуй мя, боже» [латин.].

Он выглянул из кибитки. Навстречу медленно приближалась процессия кающихся. Облаченные в лохмотья люди надрывно гнусавили молитву.

— Сверни на обочину! Пропусти несчастных! — крикнул Кеплер вознице.

Кибитка съехала с дороги и остановилась. Иоганн открыл дверцу, прыгнул на землю.

Процессия тем временем поравнялась с экипажем. Среди дергающихся, извивающихся тел он заметил нескольких человек с толстыми веревками и кнутами. Бичеватели до крови стегали себя и собратьев. Многие ползли на коленях, противоборствуя козням дьявола, оставляя за собою красные кровавые следы. «Откуда это насилие над своей плотью, первобытное сознание греховности? — горестно размышлял математик. — Мысленно ли так уподобляться животным?.. Однако при чем тут животные? — возражал он сам себе. — Разве лисицы, или вепри, или олени сбиваются в подобные процессии, дабы рвать братьев своих и сестер на куски? О, лишь человек, сей царь природы, способен так извратить свою суть, додуматься до такой низости».

— Невидимый яд расплескал черную смерть! — проголосил кто-то из толпы.

— Стрелы отравленные злых ангелов! — подхватил другой голос.

— Миазмы, рожденные землетрясением! Падением комет! Спаси нас, святой Рок! — забились в агонии грешники. И началось столпотворение.

— Колодцы заражены проклятыми лекарями!

— Чума! Чума надвигается! Спаси нас, дева Мария!

— Бегите, грешные души, покайтесь! Спасайтесь в пещерах, в оврагах, в кельях, среди горных теснин!

— Никто и ничто не спасется! Конец света! Чума!

Иоганн Кеплер дождался, покуда кающиеся про-

шествуют мимо, и тогда спросил у одного из поотставших:

— Ответствуй, добрый человек, откуда грядет чума?

Босой человек воздел руки к небесам, выдохнул:

— Нешто не ведаешь, несчастный! Из Праги — чумной мор надвигается! Курфюрст пфальцкий штурмом взял Прагу! Тому неделю назад! Чуму занесли наемники курфюрстовы! Оспу! Болезнь французскую! Покаемся пред смертью, покуда не поздно! — Человечек грохнулся на землю, судорожно крестясь, восклицая: — Не зря комета вполнеба стояла над городами и весями! Не зря кровь из нее сочилась! Истинно сказано: грядет на грешную землю обширное и страшное одиночество!

Кеплер вскочил в кибитку и распорядился следовать далее, не щадя лошадей.

Они ехали всю ночь. Утром, когда рассвело, он понял масштабы надвигающегося бедствия. Казалось, вся Священная Римская империя скороспешно снялась с насиженных гнезд и ринулась в бег. Бежали князья и курфюрсты, принцы, бароны, святые отцы, торговцы, судьи, профессора, студенты, даже палачи. Бежали все, кто мог уехать из Праги и зачумленных ее окрестностей. По дороге катился сплошной поток карет, экипажей, кибиток, рыдванов, телег. Только сумасшедший мог поддаться мысли направить свой возок навстречу бешено мчащейся лавине существ, которые спасались от чумы.

К вечеру, не продвинувшись вперед ни на милю, Иоганн решил отдохнуть до полуночи в близлежащем замке, а ночью продолжить путь.

— Опустит мост! — крикнул он алебардщику, маячившему между зубьями сторожевой башни. — Мост, говорю, опусти! И доложи своему господину: прибыл Иоганнес Кеплерус, имперский астроном!

— Катись восвояси! — рявкнул сверху карауль-

ный. — Видишь виселицу надо рвом? Каждого, кто осмелится проникнуть в замок, приказал господин епископ повесить! Независимо от чинов и званий! Сдыхай от чумы в своей столице! А не то псов натравлю!

...Через три дня он все же пробился в Прагу. Город будто вымер. Изредка на улицах показывались святые отцы. Черные капюшоны наглухо закрывали их головы. Осеняясь крестным знамением, монахи швыряли пригоршнями песок в окна и двери чумных домов*.

Квартал, где жил Иоганн, был огорожен тяжелыми цепями. Никто — под страхом смертной казни — не смел ни войти, ни выйти из карантинного квартала.

Кеплер затаился в подворотне. На углу, шагах в десяти, сидел стражник на лафете зачехленной мортиры. Он пересчитывал золотые кольца и монеты, должно быть, снятые с умерших. Наконец созерцание новоявленных богатств наскучило стражнику. Он извлек из-под лафета пузатую бутыл, основательно к ней приложился. Вслед за тем служивый зевнул, проговорил: «Эх, все равно подышать, хлебну-ка еще разок!», сызнава приник к заветному сосуду и вскорости захрапел.

Математикус на цыпочках прокрался мимо спящего. Затем бросился бегом к своему дому. В несколько прыжков он одолел лестницу и рванул на себя дверь. Две толстые крысы спрыгнули со стола, шмыгнули за печь. Пламенел в окнах закат. На полу был рассыпан желтый, как воск, песок.

— Барбара! Барбара! Барбара! — звал он жену. Отклика он не дождался, метнулся в спальню. На кро-

* По средневековым поверьям, песок был одним из средств борьбы с чумой.

вати, тесно прижавшись друг к другу, лежали восьмилетняя Сусанна и трехлетний Людвиг. А где же старший сын, где жена?..

Уже ни на что не надеясь, уже понимая: грянуло непоправимое, опустился он на кровать, где спали его дети. От толчка Людвиг проснулся, увидел, отца, заулыбался, потом захныкал:

— Па-а! Поестъ хочу!.. И боязно, боязно ночью...

— Где мама? Братец твой где? — тихо спросил Иоганн Кеплер, пытаясь смягчить задеревеневший на ветру, сорванный путевыми перебранками дикий свой голос.

— А маму и братика унесли. В ящиках унесли, в черных. А меня и Сусанну не взяли, — спокойно отвечал мальчик. По малости лет своих он не ведал про смерть. Ибо все дети рождаются, дабы жить.

Процесс

Секретарь. Ваша честь! На второй стадии строгого допроса — запугивании пыткой перед дверьми пыточной камеры — обвиняемая отказалась отвечать по следующим пунктам опросного листа:

«Имел ли дьявол от нее письменное обязательство и писано ли оно кровью, и чьею кровью, или чернилами?; Вредит ли она ядом, дотрагиванием, заклинаниями, мазиями?; Сколько скота она повредила?; Сколько раз она производила град, грозу, облака, ветры и какие были последствия?; Ездил ли она на шабаш, и на чем, и куда, и в какое время?; Может ли она также сделаться оборотнем, и каким оборотнем, и какими средствами?; Как изготавливается ею волшебная мазь для производства бури и дурных погод?»

Инквизитор. Не упорствуй, обвиняемая. Известно всей округе, что ты не раз и не два замышляла дьявольские козни. К тому же ты весьма малого роста, зело худа и чернява необыкновенно. Именно в таком обличье и пребывают ведьмы. Покайся, объяви истину, дабы трибунал не был вынужден добиться правды другими средствами. Облегчи душу добровольными показаниями! Яви признаки раскаяния — и правосудие окажет тебе свою милость.

Гульдентман. Нешто отпустите? Так я и поверила, дождайтесь... Тетка моя, помню, раскаялась, наговори-

ла на себя с три короба. Так ее, несчастную, волокли на веревке по земле через весь город. Вплоть до самого костра. И сожгли, порешили, душегубы. Так я вам и поверила, обещаньям разным да посулам.

Инквизитор (секретарю). Прочтите во всеуслышание рескрипт по поводу участи раскаявшихся.

Секретарь. «Без сомнения, многие ведьмы, дерзкие и отягченные тяжестью неверия, должны быть сожжены живыми. Однако в наше время почти всеми христолюбивыми судами принят милостивый обычай, что те из колдовствующих, кои отказываются от общения со злыми духами и с раскаявшимся сердцем вновь обращаются к творцу, не должны быть наказаны живыми при посредстве медленного огня. По нравам и обычаям местности раскаявшиеся должны быть предварительно или задушены, или лишены головы посредством меча. Их мертвое тело, на страх всем прочим и в удостоверение доброго и правильного отправления юстиции, надлежит бросить в огонь и превратить в пепел».

Гульденман. Не в чем мне раскаиваться. Будьте вы все трижды прокляты, нечестивцы!

Инквизитор. Святой Петр покинул сей мир, будучи распят на кресте. Святой Илларион испустил дух, затравлен рыкающими псами. Святого Фридриха испепелили на костре. Ты отнюдь не святая, Гульденман. Тебе, колдунья, придется много хуже, когда не откажешься от богохульственных проклятий и не покаешься... Повелеваю приступить к третьей стадии строгого допроса — запугиванию пыткой. Эй, кликнуть сюда палача!

(Появляется палач, уводит Гульденман в камеру пыток. Туда же переходят инквизитор, члены трибунала, секретарь, защитник.)

Палач. Примечай, ворожея гнусная. Видишь желе-

зы с шипами? Я зажму подлые твои лапы в сии испанские сапоги, а винты закручу крепко-накрепко. То-то запляшешь, греховодница!

Гульденман. Язык бы твой поганый всунуть туда, каналья!

Палач. А дыбу не хочешь попробовать! Вот вздерну к потолку на цепи, а к ногам гирю привяжу, тридцатифунтовую. Да розгами, розгами пройдуся легонечко. Повисишь часок-другой — небо покажется с овчинку.

Инквизитор. Тебя будут пытать до тех пор, пока ты станешь тонкой и прозрачной, как пергамент. Ежели ни сапоги испанские, ни дыба не исторгнут признание, тогда я велю палачу перейти к деревянной кобыле, а затем к ожерелью.

Палач. Ваша честь, в прошлый раз она уже прокатилась верхом на сей лошадке (похлопывает по треугольной деревянной перекладине). Ну, ведьма, хочешь поносить ожерельице? Вон там, в углу, над жаровней, кольцо, а внутри-то острые гвоздики. На шею твою лебединую накинута колечко, запалю под жаровней огнище — попляшешь ты у меня, будто в геенне огненной. Иль вообразила, что я недостаточно изучил свое ремесло, худо владею своим искусством!

Мэстлин. Ваша честь, мыслимо ли судьбу безвинной старухи предоставлять на усмотрение грубого и жестокого палача! Какое существо не испугается при виде сих чудовищных орудий произвола? Кроткий отрок — и тот покается в самых немыслимых злодеяниях.

Инквизитор. Добровольное признание — оно и только оно избавит от пытки. Иначе последует *territo realis* *.

* «Действительное устрашение» — последняя (пятая) стадия строгого допроса, предусмотренная правилами инквизиции [латин.].

Палач. Не полагайся на мое мягкосердечье, колдунья. Ты не думай, что я буду добиваться признания день, два дня, неделю, месяц, полгода или год. Нет, я намерен пытать тебя все время, пока ты жива. И ежели ты будешь упорствовать, замучаю насмерть, но и тогда ты все-таки обратишься на костре в пепел.

Гульдентан. Ни о каком таком колдовстве знать ничего не знаю и не ведаю. О разных ведьмах, оборотнях да зельях приворотных слыхом не слыхивала, видом не видывала. Кровашку всю мою по каплям выпустили — и тогда ни в чем дурном не признаюсь. Нет за мною никакой вины. А ежели в пытках и нареку себя колдуньей — стало быть, оговорила в беспамятстве.

Инквизитор. Приступаю к четвертой стадии строгого допроса — последним увещаниям. Палач, приготовь испанские сапоги и дыбу! Привязать обвиняемую к козлам.

(Палач неторопливо приступает к своим обязанностям.)

Секретарь (негромко). Ваша честь, только что фельдъегерь императорской почты доставил запечатанный пакет на ваше имя.

Инквизитор (берет пакет, распечатывает, бегло читает. Затем произносит срывающимся голосом). Заседание трибунала откладывается на три дня.

СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Сколь отрадно для сердца получить от иного, более возвышенного мира весть о жизненных просторах, о больших делах в то мгновение, когда загнанная в тесную клетку душа погрязла в мелочных интересах среди мелочных людей.

Густав Реглер,
немецкий писатель

Три тысячи ландскнехтов пали на Среднем Рейне. Восемьсот храбрецов распяли злодеи язычники на стенах Константинополя, пропади они пропадом, сии стены! А сколько полегло в альпийских теснинах, на дунайских холмах, в землях безвестных, безымянных, и не счесть. Не счесть упокоенных героев, коих благословили в последний путь, окропив водицей святой из серебряных чаш. Мир праху их!

Но не все, не все в землю сошли, кому-то должна была улыбнуться фортуна. Он, Мартин Шпатц, — баловень судьбы. Он истекал кровью в долине Длинных Теней, он лишился уха в стычке с изменниками-швейцарцами, он тонул, горел, подыхал от жажды, увязал в трясине — и все-таки выжил, выкарабкался. Сам государь император пожаловал ему дворянство за беспримерную удачу при спасении герцога Лотарингского.

Кто еще, помимо него, Мартина Шпатца, смог высидеться от простого наемника до командующего арьергардом королевской армии? Никто. И посему он, прошедши огни, воды и медные трубы, не советует Иоганну Кеплеру вступать в единоборство со святейшей инквизицией.

— Затея сия бессмысленна и небезопасна, — закончил Мартин. — Пред инквизицией все мы наподобие божьей коровки по соседству с собором святого Вита! — и махнул рукой с кружевными манжетами в сторону храма господня.

Кеплер посмотрел с укоризной на друга детства, заговорил:

— Я не для того прискакал в столицу, дабы получить в твоём доме весть о сожжении матери. Сам знаю, рискованное затеял дело. Ты другое скажи мне, ландскнехт. Я многожды обращался с письмами к герцогу Вюртембергскому. Безнадёжно. Государя императора умолял заступиться за старуху. Тоже понапрасну. Все братья родные отстранились, родственники да свойственники перетрусили насмерть. Нешто нет средства в мире, способного противостоять заурядному инквизитору? Неужто нельзя с отрядом верных людей силой вызволить мать из тюрьмы?

— И предстать через месяц пред верховным судилищем в Риме? — возразил благородный дворянин Шпатц, постукивая пальцами по табакерке. — Да знаешь ли ты, каковы потребны силы, дабы в одну ночь взять штурмом тюрьму? Тут не то что отряд — армии маловато. Да и отряда, пусть самого паршивого, взять негде — по всей империи катится война, точно перекаати-поле.

— Тогда прощай, храбрец! Сам справлюсь с инквизитором! В Тюбинген! К Мэстлину! — вскричал математик и бросился к дверям.

— Постой! Постой! — догнал его Мартин. — Экий ты заковыристый. Да ты на себя в зеркало взгляни: седой, немощный старик, в чем только душа держится, а рвешься в баталию, ровно петух. Сколько тебе уже годов? Пятьдесят, мы с тобой одногодки. То-то и оно.

Когда простучало полвека, не грех обрести и благоразумие... Фамилия как инквизитора?

— Рохстратен.

— Погоди до вечера. Вечером обмозгуем, что и как. Я ж тем временем разведую о Рохстратене-инквизиторе. Небось и за ним немало поднаберется грешков.

— И впрямь все разузнаешь?

— Доподлинно, — рассмеялся Шпатц. — Хоть и потерял я ухо в походах, зато обзавелся друзьями. Повсеместно. В том числе и в тайной канцелярии его величества.

...За вечерней трапезой Мартин показал другу письмо, составленное по всем правилам дворцовых интриг и тайного разбоя:

«Высокочтимый герр Рохстратен!

Сим уведомляем о некоем документе, каковой может быть возвращен в Ваши руки на условиях, вполне для Вас приемлемых. Речь идет о Вашей секретной записке к маркизу де Дуа, французскому посланнику при дворе Его Величества. Копия расшифрованной нами записки прилагается. Оригинал документа вручат Вам вслед за подписанием оправдательного вердикта по процессу К. Гульденман. Приостановка судебного разбирательства на три дня означала бы Ваше согласие. В противном случае мы снесем с тайной канцелярией Его Величества.

Позвольте пожелать Вам удачи в нелегких трудах на благо Священной Римской империи германской нации.

Преданный Вам душой и телом, заведомо благодарный Соотечественник».

В конце письма были проставлены: дата — «6 декабря 1620 года» и длинная неразборчивая подпись.

— Ну и ну, — заговорил Кеплер, — да ты, брат, стал настоящей канцелярской крысой. Сработано лихо. Что за документ упомянут здесь?

— Ради сей записочки герр Рохстратен поползет по горящим угольям, сына родного вздернет на дыбу. Гре-хи молодости, так сказать. Жажда наслаждений, алчба, тяга к презренному металлу. Говоря иначе, в веселую пору жизни при дворе герр Рохстратен не чуждался общения с посланником враждебного королевства. За мзду, конечно, и за немалую.

— Пошто ж его не схватили в свое время? Вот кого пытать должно да волочь на плаху! — убежденно произнес Иоганн.

— Э-э, брат, тогда всех сильных мира сего следует тащить в судилище. У всех рыльце в пушку. Тот насильник, тот казнокрад, тот отцеубийца или еще похлестче... Эка невидаль — пять тысяч флоринов заполучил от чужеземца. Казначей миллионами не брезгает — а сходит с рук. Ты не гляди, что он в опорках шествует, кафтан весь залатан. Замок его почище государева дворца. И что ни день — корабли к замку пристают, товар выгружают заморский. — Мартин сложил салфетку трубочкой, затрубил в нее, подражая герольду, пропел: — Обои испанские! Кружева французские! Российские мед и меха! Индейки датские! Китайские шелка!

— А ежели герр Рохстратен...

— Никаких «ежели»! — оборвал звездочета ландскнехт. — Заутро к Рохстратену поскачет императорская почта. Не сомневайся, и в почтовом ведомстве есть у нас своя рука. Завтра же и ты отправишься. В моей карете. Прибудешь — визит нанеси инквизитору.

О письме ни гугу, молчок. Христом богом проси Рохстратена помиловать бедную преследуемую старуху. Подпишет вердикт, немедля меня оповести, отошлю ему записку.

— Прошу тебя, не торопись отсылать. Обманет инквизитор.

— Не посмеет. Вся его подноготная — в канцелярии тайной. Там не такие еще манускрипты о деяниях его собраны. Ждут своего часа не дождутся, — отвечал Мартин Шпатц и терпкого рейнского плеснул в вызолоченные кубки. — И все! И довольно о сей нечисти! Подыдем кубки, брат мой Иоганнище! За детство, за гору Лысую, за Лаврентия Клаускуса.

— За магистра всех свободных наук, — откликнулся имперский астроном.

Единым духом опростали они кубки свои до дна. Ландскнехт сказал:

— А теперь послушай, как нас прихлопнули в западне, в долине Длинных Теней.

ТЮРЬМА

Не владея своими членами, они находятся в постоянном оцепенении, они лежат хуже всякой скотины, получают плохой корм, не могут спокойно спать, мучимые заботами, мрачными мыслями, злыми снами и всякими ужасами. Так как они не могут шевелить рукой или ногой, то их страшно кусают и мучат вши, мыши, крысы и всякие другие звери. К этому присоединяются еще ругань, злые шутки и угрозы, которые заключенные ежедневно выслушивают от тюремщиков и палачей.

И все это продолжалось не только месяцы, но и целые годы. Люди, вступившие в тюрьму бодрыми сильными, терпеливыми и в полном уме, становились в очень короткое время слабыми, дряхлыми, искалеченными, малодушными, безумными.

Из средневекового описания
тюрьмы

Холодом и плесенью веяло от неприступной башни, где размещалась тюрьма. Надрываясь, скрипел в вышине невидимый флюгер. Как и все места заточения, тюрьма возводилась надолго, навечно, с расчетом, что преступления и пороки переживут род человеческий. Мартин Шпатц оказался прав: целая армия, даже со стенобитными орудиями, вряд ли одолела бы сию крепость в одну ночь.

Добрых четверть часа бил Иоганн кулаком в гулкие железные ворота. Ни отклика, ни звука. Он кричал, заклиная всеми святыми открыть. Псы всполошились где-то у заставы, и опасливый их вой перекатывался над рекою беззвездной, над деревьями, противоборствующими ветрам.

Он отыскал в холодной траве увесистый булыжник и с силой запустил в ворота.

— Кого тут черти носят? — услышал он заспанный голос из узенькой бойницы по-над дверью.

— Отворяй! Господин Рохстратен повелел освободить от оков узницу Гульденман, — прохрипел математикус.

— А вердикт оправдательный при тебе? — спросил тот же голос. — Ежели при тебе, просунь вердикт в щелку, под ворота.

В просветах между тучами явилась и сокрылась звезда, далекий мгновенный пламень небесного маяка. Ворота заскрипели. Тюремщик с поднятым над головой фонарем впустил имперского астронома. Вердикт он положил на длинную лавку у стены, сверху водворил фонарь, посопел, спину почесал, изрек благодуществую:

— И пошто ты, мил человек, ни свет ни заря приперся? Кто ж ночь-заполночь полезет в подземелье ведьму расковырять? Нешто ты сам? Так тебя крысы миглом слопают вместе с кафтаном твоим и сапогами. Крысы у нас знаешь какие? Поболе овцы. Навести нас утром, тогда и столкнемся.

Математикус вынул из кармана длинный зеленый кошелек, молча протянул тюремщику. Тот оживился, глазенками стрельнул воровато, произнес шепотом:

— Службишка-то в тюрьме тяжела, ох нелегка. Пойду разбужу Адольфа. Раскуем твою ведьму, мил человек.

Вскороosti тюремщик вернулся, сопровождаемый лысым сослуживцем. Они принесли три факела, веревочную лестницу, молот, зубило.

— Обличье колдуньи тебе ведомо? Распознаешь в лицо, — спросил Адольф, оглаживая лысину, и продолжал: — Как их там находит палач, диву даюсь. Все они одинаковы обличьем, точно арапы. Да еще герр Рохст-

ратен знает всех поименно, кто где прикован. Дворянин, а не чурается нашего ремесла. Частенько наведывается с ящичком хирургических инструментов. То-то начинается потеха. Воят ведьмы, будто на шабаше.

«Своя рука — владыка, — подумал Иоганн, вызвав в памяти ненавидимое лицо инквизитора. — Удивительно ли, что герр Рохстратен, благообразный господин, счастливый отец семейства, а в прошлом предатель, возлюбил личное общение с узниками посредством ланцетов, остро отточенных лезвий и крючьев».

— Колдунью, говорю, признаешь в лицо? — повторил Адольф.

— Мать она мне, — ответил Кеплер.

...Они долго петляли в каменном лабиринте. Иоганн беспрестанно натыкался на острые выступы стен, спотыкался. Однажды он упал и почувствовал, как руки увязли в липкой, отвратительной жиже.

Так достигли они закута с черной дырой в полу. Лысый накинул лестницу на крюк, вмурованный в стену, и сбросил вниз.

...По прошествии десятилетия, за неделю до смерти, пробираясь по грязной разбитой дороге над Дунаем, имперский математикус Иоганнес Кеплерус припомнит — в последний раз — тюремное подземелье. Бессмертный Дант*, что значат вымышленные тобой адовы круги в сравнении с воистину адовой явью заточения земного!

...Мимо толстых железных крестов, к коим накрепко прикручены ни в чем не повинные люди.

Мимо утыканых гвоздями клетей, в коих стенают

* Данте Алигьери (1265—1321) — величайший итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

жертвы ненависти, клеветы, лжи, коварства, зависти, чодлости, сплетен.

Мимо слабых и дряхлых, искалеченных, малодушных, безумных.

Сызнова, как тому много лет назад, пришло на ум Иоганну, что ни лисицы, ни вепри, ни олени, ни рыбы, ни птицы небесные не заточают своих собратьев в мешки каменные, на крестах не распинают. О, лишь человек, сей царь природы, возвысив себя до бога, унизился до дьявола. До спаленных дотла городов. До рек, обогранных кровью инакомыслящих. До омерзительных боев гладиаторов. До держав, где патриции кормят золотых рыбок мясом рабов...

И много еще о чем успел он передумать, странствуя в подземелье, покуда не заприметил свою мать.

И увидел он мать свою на железной ржавой цепи, и содрогнулся, и нашла на него падучая, изнурявшая его в малолетстве хвороба, и упал он наземь, и цепь железную грыз, и выкрикивал в замутненное рассудка, обнимая колдовствующую Гульденман: «О боги, боги мои! За что?!»

Когда он пришел в себя, мать его была уже раскована.

Вчетвером они возвратились туда, где к потолку возносилась лестница. Лысый Адольф первым полез наверх, захватив молоток и зубило. Факелы догорали. За гранью мятущегося пламени тут и там вспыхивали голубые, зеленые, красные огоньки.

— Крысы, — указала на огоньки Катерина. — Спокою от них нет. Загрызли вконец. Кабы не твой магистр, одолели бы нас в неделю. А он в силки их навострился ловить. Из волос плетет силки, экий умелец. Запытали его, палачи оканные, привели ум в иступление.

— Магистр? Какой магистр? — спросил математикус. В ушах шумело после припадка. Болела голова.

— Да ты что? — так и ахнула Катерина. — Никак запомнил магистра своего? А кто тебе помог в люди выбиться, кто письмо сочинял к герцогу Вюртембергскому? — Тут она прокричала в темноту голосом тонким, как нить: — Магистр Клаускус! Герр Лаврентий! Отзовись!

И вот загудело из ниоткуда, поначалу тихое, а затем все более усиливаемое сводами:

— Э-ге-ге-й! Священной Римской империи благочестивые обыватели! Жители достославного города Тюбингена! Сбирайтесь на представление таинств и чудес! Лаврентий Клаускус, магистр всех свободных наук, великий маг, хиромант, астролог, кладезь пиромантии, гидромантии, явит неодолимые метаморфозы плоти и духа! Изгнание беса из прокаженного! Разговор с иноземным вороном Батраччио! Битва пламени с камнем! Летающие цветы!

— Взлезай, взлезай, — подтолкнул старуху к лестнице тюремщик. — Мало, что ль, насиделась на цепи, горемычная? — Потом обратился к сыну колдуньи, кивнув туда, где стихнул магистров голос. — И чего орет-надрывается, никак в толк не возьму.

— За что его? — спросил Иоганн.

— Духов заклинал. Чародействовал. Чернокнижничал. Стадо свиней переправил по воздуху из Ульма в Регенсбург. Строго был пытаем четырежды. Ни в чем не признался, — заученно проговорил тюремщик.

— А ворон, что был при нем? Фазан? Лошадь? Куда они запропастились?

— Лошадь не упомяну. А ворона и... ну, как его... фазана огненноперого сжечь приказал герр Рохстратен. Вроде и не птицы они вовсе, а оборотни. — Тю-

ремщик перекрестился и сказал напоследок: — И то верно — оборотни. С вороном-то чернокнижник частенько переговаривается. Неужто с того света прилетает ведьма-птица?

Показалось математикусу, будто сам он сходит с ума.

Как дева молодая, дремала осень средь поникших лугов и прозрачных дубрав. Снимались с гнездовий несметные полчища птиц. В распахнутые просторы небес возносились птицы, ведомые одинокой звездой странствий. Заутро последние змеи грелись на пеньках, поверх годовых колец поверженных деревьев. Казалось, извечно пребудут в природе покой, умиротворение, благолепие, благодать.

Ночью пресветлой, осененной младенческой улыбкою месяца, посетил имперского астронома сон. Грезилось озеро, точно око хрустальное, переливающееся холодным пламенем. Подъялось над бором озерцо, над горою Лысой зависло да и двинулось, облаку подобно, к морю студеному. И дремали в облаке-озере перелетном карпы золотистые, тритоны осеребренные, и лягушки, и щуки, и цвели лунным цветом лилии, и русалки вели хоровод. А поодаль вились над плывущими звездными водами фазан Бартоломео да Батраччио, ворон зело ученый.

Тут в сердце кольнуло спящего Иоганна лунным лучом. Тотчас отошел он ото сна, лампаду возжег, нацарапал на листе быстрыми, бешено бегущими письменами: «Магистра Клаускуса надобно спасти» — и задул лампаду — досматривать сон. Но сон не шел: кроткий свет ночничка спугнул виденье.

«Как бы ухитриться магистра спасти? — рассуждал во тьме математикус. — Рохстратен? Нет, больше к ин-

квизитору нипочём не подступишься. Мэстлин? А что он может? Спасибо и за то, что старуху-мать не покинул в беде, помог отстоять от костра. Тюремщики? Уж пытался заговорить с лысым Адольфом, да все без толку: отнекивается тюремщик наотрез. И то верно: кому охота вместо узника сбежавшего с крысами воевать на цепи?»

Оставалось последнее — разыскать заплочного мастера Якоба Шкляра. Кто знает, гляди, и присоветует дельное палач. Как-никак из деревни одной, авось и вспомнит...

Поднялся Иоганнес вместе с солнышком. Часа через полтора крестьяне, обмолачивающие цепами зерно, заметили седобородого старика, явно не из здешних мест. Одет он был ни богато, ни бедно: то ли писарь, то ли мастеровой.

Старец сей незнаемый миновал амбары, одолел ложбину и оказался пред ярко-красным домом Ульриха-палача, сына Якоба Шкляра. Один из хлебопашцев, подхлестываемый любопытством, страх одолел и задуми пробрался к страшному дому. Грех, конечно, подглядывать в щелки да подслушивать, юный мой читатель. Однако страсть сего любопытствующего вполне понятна, даже оправдываема. Ибо (в чем убеждает нас история всех народов и времен) в дом палача не навешивается никто и никогда. А ежели и появится раз в два-три года человек, то о событии таком долгонько еще судят-рядят, как о чумном море, иль о звезде волосатой, иль о повсеместном конце света.

Через некоторое время крестьянин вернулся.

— Ну как? Что? — обступили его односельчане.

— Темное дело, — отвечал он в глубокой задумчивости. — Притаился я за кустом, за смородиновым, в оконце гляжу. А мастеровой, стало быть, с Якобом-

палачом, что от ремесла-то по старости отошел, речи ведет, вроде вполголоса, вполсилы. А после громко эдак и заявляет: «Чего хочешь проси у меня, злата-серебра раздобуду, да только вызволи магистра». А Якоб-палач, ну что от ремесла отошел, свое гудит: «Я, мол, по гроб жизни вашей обязан милости, вследствие прошения вашего в брак вступил, обзавелся супругой. Трое народилось сыновей, все в палачи выбились. Благодарствую, мол, покорно. И без наград высвободим магистра. Слово-де палача — закон!» Ну, тут они опять то да се, а под конец Якоб вроде бы и вопрошает: «Верно, мол, будто магистр стадо свиней по воздуху переправил из Ульма в Регенсбург?»

— Ишь ты, свиней по воздуху! — разом воскликнули крестьяне. — Нешто-таки переправил?

— Да не дослушал я до конца. Пес тут палаческий обляял меня, почуял ненароком. Ну я и дал деру, утек во все лопатки.

— Верно, и заплочный мастер не прочь стакнуться с нечистой силой, — заговорил кто-то из хлебопашцев, да сразу же язык и прикусил: как бы сей язык не попал в скором времени в раскаленные клещи...

Трое императоров обманули, попросту же говоря надули Иоганнеса Кеплеруса: не уплатили жалованья звездоволхву, не одарили высокозвонкой да высоковесной монетой.

Пятеро казначеев имперских были ох как щедры на посулы — и тоже не раскошелились, так и остались в долгу.

Все иные сильные мира сего — торгаши, барышники, наживатели презренного металла, взяточники, казнокрады, бюргеры добропорядочные — ничем, ничем

не помогли бедствующему астроному, надежде и славе империи.

Вот и верь мудрецу, что воскликнул: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, и сами все дадут!»

А кто же сострадал математикусу, кто участие в нем принял?

Тихо Браге, обнищавший, трона лишенный король астрономов.

Ландскнехт Шпатц, рубака, сорвиголова, наемник, жестокий вояка, разбойный сын описываемых времен.

Да еще помог (стыдно сказать!) палач отставной. Как сумел он раздобыть магистра из подземелья, как отцов-инквизиторов и тюремных стражей перехитрил — то неизвестно никому и доныне. Одно достоверно: Лаврентий Клаускус, в карету ландскнехтову усаженный, тайно отбыл вместе с Иоганном Кеплером в направлении великого града Вейля, а точнее — в деревушку Леонберг.

Там и упокоился он через месяц после приезда, 29 октября 1620 года, умоисступленья не одолев, до последнего вздоха беседа с сожженным вороном Батраччио.

Схоронил его звездовидец на Лысой горе, как раз на том месте, где когда-то внимал многострадальной повести магистровой.

И до сей поры привалена могила огромным замшелым камнем. А на камне и поныне различимы письмена, начертанные каменотесом. Последние четыре гильдена отдал каменотесу имперский астроном, таких денег не видал он уж до конца своих дней.

Зато что за чудо-эпитафия обессмертила деянья магистровы, ни один инквизитор не подкопается:

«Здесь возлежит магистр всех свободных наук Лаврентий Клаускус, воскрешатель мгновений, обманщик, плут, двойник, мечтатель, шарлатан, магнетизер, магик, кабалистик, иллюзионист, беснующийся. Сей недостойнейший человек из тщеславной любви к дьявольской науке магии отступился от любви к богу, нашему всемилостивейшему творцу.

О прохожий, не молись за меня, несчастнейшего осужденного человека! О христианин благочестивый, вспомни обо мне и пролей одну маленькую соленую слезу обо мне, неверном, сострадай тому, кому не можешь помочь, и, главное, остерегайся сам».

**„ЗВЕЗДНОЕ НЕБО —
СЫНОВЬЯМ ВСЕЙ ЗЕМЛИ“**

Как много из них испортили здоровье, истратили имущество, отказались от всех почестей и наслаждений из-за любви к знанию! Сколько умерли мучениками, утверждая до последнего дыхания вечную истину!

Альберт Пуассон,
французский ученый

С трашно, страшно путнику одинокому на безлюдной дороге по-над Дунаем! Что ни ложбина — глядь, рейтар убиенный лежит, иль пяток алебардчиков, иль ополченцев добрая сотня. И коню нет покоя: хрипит, узду грызет, глазом кровавым косится на мертвечину. На холме, на безлистном дубе, трех повешенных бродяг раскачивает закат, будто колокола. Ох, грехи наши тяжкие: двенадцать годов сожигает империю война. Брат супротив брата восстал, сын распинает отца на кресте. Страшно видеть, как волокут что ни день хладные воды дунайские мертвецов — чьих-то родичей, чьих-то соотчичей, внуков, вдовиц, сынов.

А ночами и того страшней.

С любого взгорья заметны ночами пожары во всех пределах земли. То обращаются в пепел одинокие хижины, храмы, селенья, грады, державы. Высоко воздымается пламень северным ветром, ветром севера, предвестником близких снегов.

По прошествии рокового земного пути, за неделю до смерти, имперский астроном Иоганнес Кеплерус пробирался по грязной разбитой дороге, направляясь в Регенсбург. Все восемь дней, покуда он ехал, из хля-

бей небесных сочился дождь. Ветхий плащ промок в первый же день и с той поры не просыхал. На четвертый день Иоганну стало казаться, будто и кручи дунайские, и тяжкие облака, и холмы, и яруги пристально следят за каждым его движением, подстерегая урочный миг, когда он обеспамятеет, выпадет из седла и забудется вечным сном. На шестую ночь подступила лихорадка, замутила сознание, навлекла озноб, тяжесть в членах. И тогда пришло иное виденье.

Пригрезилось ему, будто рассеялись тучи, будто явились взору небеса, полные звезд. Он вгляделся в строй созвездий — и содрогнулся: и там, и там шла война. Там, на небесных островах, метались пожары, испепелялись государства, брат восставал супротив брата, на кресте сын распинал отца. Созвездие Водолея оглашалось криками пытаемых. В Гончих Псах ландскнехты шли на приступ крепости. Из созвездия Скорпиона исторгался неведомо чей глас: «Я ничего не слышу, кроме шума оружия, топота коней, ударов бомбарды, я ничего не вижу, кроме слез, грабежей пожаров, убийств».

Так и ехал математикус по-над Дунаем. И ночью и днем, то ли во сне, то ли наяву. И лишь память противоборствовала безумию, забвению всего и всех.

Он припомнил ужасающие подробности той ночи, когда разъяренный рейтар мгновенно высверкнул мечом, намереваясь обрубить нос магистру всех свободных наук, между тем как невозмутимый Лаврентий Клаускус целился из пистолета прямо перед собою.

Он припомнил — в последний раз — церемонию развенчания ереси недостойного Ризенбаха.

Он припомнил, как чернобородый главарь банды

отчаянно завращал глазами, когда почуял у горла острие ледящей стали, когда услышал зычный голос: «Скотина, как посмел ты покуситься на гордость всей Штирии великой!»

Он припомнил страшное подземелье в тюбингенской тюрьме.

И когда Иоганн вспомнил тюремный подвал, из за-сады выскочили два всадника и уперли пики ему прямо в грудь.

— Кто таков? Ответствуй! Пошто молчишь? Люте-ранин? Католик?

Второй всадник, пытаясь разглядеть в сумерках об-лице незнакомца, проговорил:

— Все ясно. Лазутчик вражеский. Давай порешим на месте.

— Э, нет, — отвечал ратный его сподвижник. — За птичку сию большая награда выпадет нам обоим. Препроводим-ка шпиона к его высокопревосходи-тельству фельдмаршалу Шпатцу...

Его высокопревосходительство возлежал на тигро-вой шкуре в походном своем шатре. Отогнув до коле-на длинный раструб сапога, Мартин Шпатц втирал це-лительный бальзам в бедро, кривился. Все чаще ныла в непогоду старая рана — наследство долины Длинных Теней. Подле фельдмаршала сидел на шкуре огромный пес. Изредка пес поводил ушами, слабо рычал.

— Эх, Иоганн, Иоганн, несравненный ты мой дружи-ще, — говорил Мартин. — Один, в дырявом плаще, на дохлой кляче, посреди мерзостей войны. Куда несет тебя нелегкая? Любой головорез прикончит тебя в два счета ни за понюшку табаку... Нет, ты всегда безум-

ствовал, еще тогда, в школе, когда вопросы свои подсовывал учителю. Безумный, безумный брат мой Иоганн.

— Я не безумен, фельдмаршал, — сказал Кеплер и отхлебнул горячего молока из чаши. Математика все еще сотрясал озноб. — Воинство твое безумно. Истинна мудрость: «Лучше вспахать надел земли, чем выиграть двадцать четыре войны». Ненавижу твое ремесло. Когда курфюрст завоевал Прагу, все инструменты учителя моего Тихо Браге порушила солдатня, всю кунсткамеру растащили. Астролябии, квадранты, глобусы поразрезали на латы. Варвары!.. А теперь что? Заместо цветов поутыкана земля мечами! Кинжалами, кулевринами, арбалетами, самострелами!

— Полно горячиться, звездогадатель. Не я баталии выдумал. Издревле воюет мир, — спокойно заметил его высокопревосходительство и спросил: — Откуда ты выискался, дружище?

— От Валленштейна*. Насмерть рассорился с полководцем. Государь приказал ему выплатить мне жалованье за все прошлые годы. И что ты думаешь: сей граф Мекленбургский назначает меня — противу моей воли! — личным астрологом. И повелевает: предугадай, мол, благоденствие моей сиятельной особе на ближайшие девяносто лет. Да кто я для него, новоявленный Петозириис, что ли?

— Как ты упомянул: Петозириис? — удивился фельдмаршал.

— Астролог был египетский. Каждому, кто тщился прожить лет до ста, предписывал режим. Ладно, не в том суть. Прошлую неделю призывает меня к себе

* Валленштейн (1583—1634) — полководец времен Тридцатилетней войны, длившейся с 1618 по 1648 год.

герр Валленштейн. «Верно ли, — спрашивает, — будто светила оттого петляют в небесах, поскольку головы их затуманены винными испареньями, непрестанно поднимающимися от Земли?» — «Ваше сиятельство, кто из древних либо новых звездонаблюдателей сочинил великую сию теорию?» — говорю я графу. «Один из моих генералов», — отвечает полководец. Тут я полководцу и выкладываю напрямик: «Без сомнения, сочинитель ваш сам пребывал во власти винных паров».

Мартин отшвырнул склянку с бальзамом, приподнялся на локте и затрясся от смеха:

— А-ха-ха! Ну, умора!.. Что ж Валленштейн?

— Другого себе выписал астролога, из земель итальянских. Тот ему в первый же вечер предрек бессмертие... Так и не уплатил мне граф ни пфеннига.

— Куда же ты направляешься, строптивец?

— В Регенсбург. Пытаюсь сызнова потрясти императорскую казну. Авось что перепадет. Девятнадцать лет не выплачивает мне жалованье казна, веришь ли? Обнищал, изголодался, точно христарадник какой.

Серебряный звук трубы всплыл в ночи — два долгих сигнала, три коротких. Пламя светильника качнулось. Пес зарычал, уставясь на вход в шатер, изготовился к прыжку.

— Сидеть, Урс! — скомандовал фельдмаршал. — Эй, кто там возится!

— Ваше высокопревосходительство, вы приказали выступать в полночь. Прошу соизволения свернуть ваш шатер, — сказали из тьмы.

— Сворачивай! Да распорядись четырех воинов прислать, из личной моей охраны! — сказал Мартин и

повернулся к другу: — Проводят тебя до самого Регенсбурга. Тут недалеко, менее дня пути. И никого не опасайся: четверка моих удалцов стоит целой роты.

— А я и не опасаюсь никого, — улыбнулся Иоганн. — Двадцать два пфеннига, да несколько оттисков таблиц, да рукопись астрономического романа — вот и все богатства. Какой разбойник позарится?

— Ишь ты, на старости лет сочинил роман астрономический. Все неймется тебе. А про что роман? — спросил фельдмаршал.

— Про селенитов, лунных жителей, — коротко отвечал Кеплер.

— И что ж они, твои селениты, поделывают там?

— Воюют друг с другом. Непрестанно. Насмерть.

Его высокопревосходительство поднялся со skóry, облачился в роскошный плащ, поверх него накинул тяжелую золотую цепь.

— Святая Дева! И на Луне баталии, — восторженно сказал он. — То-то я и гляжу: в последние месяцы такая она пурпурная, кровавая, Луна.

У реки они распростились, теперь уже, видимо, навсегда. Фельдмаршал спешил, приказал конвою отъехать, дожидаться его поодаль. И Кеплер слез с коня, прислонился к сосне, вглядываясь в черный простор, где дышала река. Они молчали долго. Наконец Мартин заговорил, как бы сам с собой:

— Богатство ли, бедность ли — разве не все одно?.. Намедни попалась на глаза расходная книга моего повара. Сей повар при мне лет уж тридцать, еще с долины Длинных Теней. Забавы ради ведет учет всего, что

я выпиваю и съедаю. Невообразимо, но за тридцать лет я слопал две тысячи пятьсот свиных окороков! Тысяч пять штук форели! Шесть тысяч перепелов! Куропаток десять тысяч! Вина поглотил бочонков сто или около того! Да от подобной горы питий и яств впору бы обратиться в великана, бессмертие обрести. И все же тело мое состарилось, как у какого-нибудь заурядного, вечно голодного бедняка. Господи, во что я превратился: немощное привидение, мучимое подагрой. Пора умирать, брат Иоганн.

Молчал Кеплер.

— И умереть-то не дадут спокойно. Аки псы, навалились родные сыновья: не обижай, отец, по чести, по совести подели наследство. Перессорились, передрались, точно бойцовые петухи. Позорище: до рукоприкладства докатились!.. Жаль, ошибся тогда твой магистр всех свободных наук. Лучше бы тебе выпало полководчество, а уж я доживал бы свой век в звездочетах. Никаких тебе нотариусов, склок, завещаний...

— Ошибаешься, Мартин, — сказал другу Иоганн. — Даже нищенствующий астроном может завещать кое-что сыновьям.

— Что именно?

— Звездное небо, — тихо проговорил Иоганн Кеплер. — Звездное небо — сыновьям всей Земли.

...Трое богомольцев, в лохмотья облаченных, пришли на кладбище святого Петра. Помолиться пришли за усопших, пред мощами святыми пасть на колени, кошелек умыкнуть из кармана у праздношатающегося зеваки, ежели подвернется случай. Увидали нищие: мо-

гилы все повытоптаны, надгробия разворочены, на красной и черной земле — следы копыт лошадиных.

— Жестокая небось разразилась сеча, — сказал одноглазый поводырь. — Гляди, братья: надгробие диковинное, вроде бы каменным глобусом увенчано. По праву руку, в луже лежит.

Слепцы склонились над плитой, расколотой пополам. Леопольд читал вслух:

«На сем месте покойтся тело знаменитого звездосоглядая Иоганна Кеплера, прославившегося во всем христианском мире своими сочинениями, считаемого всеми учеными в числе первых светил астрономии и написавшего собственноручно следующую себе эпитафию:

Mensus eram coelos, nunc terrae metior umbras;
Mens coelestis erat, corporis umbra jacet.

Эпитафия сия, переложенная с латыни пастором Серпилием, означает:

Я мерял небеса,
Отныне мрак
Подземный измеряю...
Мысль моя
Принадлежала небу;
Плоть моя
Покойтся в земле.

Мирно почил в году по рождеству Христову 1630, ноября 5 дня, на 60-м году своей жизни.

Леопольд дочитал эпитафию, перекрестился. Сказал в раздумье:

— Стало быть, не токмо землю мерил, как все мы,

рабы божьи. На небеса посягал, звездосоглядатай... Не-гоже, братья, дабы пребывал сей памятник в грязи, бесприютно. Водворим-ка на могилу.

— Водворить-то водворим, — заговорил молчавший дотоле третий слепец, — да где она, могила-то? Поди угадай, откуда надгробье.

— На любую водрузим. На том свете разберутся, где звездочет, а где полководец, — мудро рассудил христарадник Леопольд.

Ландскнехты шествовали по дороге из Регенсбурга. Спины понурые, взоры воспалены, у кого рука, у кого грудь пообмотаны тряпьем.

Мимо летучей армады воронья, выкаркивающей весть о кровавой сечи.

Мимо деревни сожженной, где на пожарище рыщут одичавшие, исхудавшие псы.

Мимо порушенной часовни, под сенью коей вдовнца баюкает отрока.

— Наших вчера полегло четыреста девяносто пять, — сказал, ни к кому не обращаясь, старый седой ландскнехт. — Помянем их души песнопением.

И долго над черным сводом земли, под кровавым сводом небес стыла старинная песня крестоносцев:

Уже на Рейн вступает осень,
А мы ушли на край земли,
И наши кости на погосте
Пески пустыни занесли.
И тучи в небе пламенеют,
И по дорогам вьется пыль,
И веет ветер, ветер веет,

Из диких, выжженных пустынь.
А наши жены ждут нас дома,
Невесты наши отцвели,
И горько плачут наши вдовы,
И плач летит на край земли.

Конец
хроник времен
имперского
астронома Иоганне-
са Кеплеруса, в коих
вышеозначенный
Кеплерус поначалу
ученик бродячего
фокусника, впослед-
ствии нищенствующ-
ий звездочет
✧ и наконец ✧
и навсегда ✧
Коричный Океана
Звезд.

СТРОКИ ПАМЯТИ КЕПЛЕРА

«Я всегда ценил Кеплера за свободный и острый ум».

Г. Галилей

«Кеплер представляет собою одну из возвышеннейших личностей, когда-либо существовавших между учеными. Великий, воистину «небесный ум» его постоянно витал на самых высочайших вершинах человеческой мысли. Он восторжествовал над величайшими астрономами всего мира: Птоломеем, Коперником, Тихо Браге, и был единственным человеком своего времени, столь возвышавшимся над современниками, что они не могли понимать его. Непрерывный и упорный труд, постоянные ученые исследования составляли правило его жизни».

Е. Предтеченский

«В письмах Кеплера мы как бы вплотную соприкасаемся с его душой, глубоко чувствующей и страстной... Кеплер принадлежал к числу людей — достаточно редких, — которые неспособны к чему-либо иному, кроме открытой защиты своих убеждений».

А. Эйнштейн

«Поиски Кеплера на небе имеют большое сходство с поисками Колумба на земле. Как тот, так и другой совершенно, вполне посвящали себя предмету своих дум, стремились к своей цели с отчаянным упорством и, не довольствуясь полученными успехами, непрерывно возобновляли свои усилия».

Д. Брюстер

«Имени Кеплера суждено бессмертие в награду за настойчивость и изобретательность, с которыми он возобновлял свои попытки разгадать тайну природы».

В. Джевонс

«Истинный памятник Кеплеру начертан огненными буквами на звездном небе».

И. Литтров

ПУТИ НЕБЕСНЫХ ОСТРОВОВ

(Послесловие)

Спартак и Кеплер... Карл Маркс не случайно назвал именно этих двух великих людей, отвечая на вопрос о своих любимых героях. Спартак олицетворяет революционный порыв к свободе, равенству, братству народов, к социальной справедливости. Кеплер же в этом сопоставлении символизирует восстание ученых — «рабов католических догм», страстный протест против духовного застоя, тормозящего победное шествие человеческого познания.

Незаметное среди бурных событий эпохи, кабинетно-теоретическое «восстание Кеплера», как известно, победило: справедливость и гармония, недостижимые в те времена в классовых битвах на земле, были восстановлены и утверждены в древнейшей науке астрономии.

Благодаря упорным астрономическим наблюдениям и своей гениальной способности задавать природе «вопросы по существу» Кеплеру удалось — одному, без всякой поддержки и без признания — открыть главные законы движения планет. Тем самым он стал «пионером» — первопроходцем современного естествознания.

Рожденный в конце 1571 года, за несколько месяцев до Варфоломеевской ночи, Иоганн Кеплер семнадцатилетним юношей поступил в Тюбингенскую академию — одно из старейших университетских заведений Европы. Здесь-то он и познакомился с трудами своих предшественников и старших современников — Николая Кузанского, Николая Коперника, Джордано Бруно, Галилео Галилея.

Кеплер по праву принадлежит к этой славной плеяде великих деятелей, стоящих у истоков науки нового времени, у истоков бурного переходного периода европейской истории, известного под названием эпохи Возрождения.

Фридрих Энгельс в «Диалектике природы» писал о Возрождении: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. И естествознание, раз-

вивавшееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы».

Увлекательнейшие страницы в истории науки и культуры связаны с именем Кеплера, Тихо Браге и других титанов. Наука Возрождения представляет зачастую самый необычный и неожиданный творческий сплав разнообразнейших культурных наслоений, учений и традиций. Из средневековой магии и алхимии рождались европейские физика и химия, из арабско-халдейской астрологии и учения Пифагора о «гармонии сфер» — европейская астрономия и небесная механика.

Рождение и становление новых представлений о путях «небесных островов» — планет — вот главная идея повести «Капитан звездного океана». Так, например, глава «Золотые сады вселенной» наверняка заставила читателя надолго задуматься над судьбами таинственных наук древности. В самом деле: так ли уж абсурдно и противно здравому смыслу учение о звездах — астрология? Ведь главное в астрологии, как, впрочем, и во всем древнем естествознании, — извечное единство мира, постоянная и неустранимая взаимосвязь всех предметов, событий, процессов во вселенной. Космос представлялся нашим предкам необъятным деревом; все ветви и листья древа, точно серебристыми нитями, пронизаны невидимыми лучами. Все, что происходит в одном уголке мироздания, немедленно, как эхо, должно отозваться в других его уголках. И если кому-либо удалось бы, говорил Демокрит, уничтожить хоть один атом, в то же мгновение разрушился бы весь космос, обратившись в хаос.

Задача, которую ставили перед собой Николай Кузанский, Коперник, Бруно, Кеплер, Галилей, и заключалась в том, чтобы постичь мировой порядок и уразуметь его красоту.

В те далекие от нас времена многие склонны были видеть в этом миф, суеверие, мистику, чуждую науке, враждебную человеческому разуму. Но наука XX века приучила нас к неожиданности, «безумности» своих теорий. И оказалось, что наши самые современные представления о мироздании в чем-то, хотя и отдаленно, схожи с учением о необъятном древе вселенной!

Это, быть может, и объясняет, почему Карл Маркс придавал такое огромное значение революционизирующим научным идеям творца небесной механики. Ибо Кеплер по праву является одним из основоположников современной европейской физики, а она, в свою очередь, как нельзя полнее выражает глубинный характер всей нашей культуры и психического склада создавших ее народов.

Но и помимо «мировой гармонии», некоторые «тайны», заложенные в астрологии, нашли в наше время простое и ясное объяснение. Известно, например, что в обязанности средневекового звездочета и мага входило предсказание эпидемий, войн, стихийных бедствий. Между тем ныне установлена вполне реальная, нисколько не мистическая взаимосвязь между периодами, скажем, солнечной активности и распространением на Земле эпидемий чумы, массовых психозов, даже обычного гриппа. Оказывается, человек более или менее восприимчив к физическому состоянию всей солнечной системы. Человек, этот «космос в малом» (микрокосм), действительно неразрывно связан со всем миром (макрокосмом)!

Поэтому к «научным заблуждениям» наших предков не всегда следует относиться с предвзятой насмешливостью и предубеждением. За плечами предков — тысячелетний опыт наблюдений и сопоставлений, ощутую найденные закономерности и взаимосвязи.

После Кеплера и Галилея, после утверждения истинной системы мира, дальнейший путь постижения законов мироздания связан во многом с именами наших русских ученых, исследователей вселенских гармоний М. В. Ломоносовым, Н. В. Бугаевым, К. Э. Циолковским, В. А. Вернадским, А. Л. Чижевским.

Наука движется вперед, то и дело на более высоком уровне возвращаясь к старым истинам. «И каждый астроном прав, — говорил Кеплер, — только один в большей степени, нежели другой». В этих мудрых словах, высказанных на заре семнадцатого столетия, звучит для нас неистребимая вера в могущество человеческого разума, в безграничные возможности научного познания мира.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВБЛИЗИ БЕРЕГОВ ЖИЗНИ (Хроника первая)

Магистр всех свободных наук	9
Веселый ночлег	17
«Многострадальная жизнь моя...»	25
Зело ученая птица	36
Развенчание ереси	43
Слово палача — закон!	56
Золотые сады вселенной	65

КОРОЛЬ АСТРОНОМОВ (Хроника вторая)

Канцлер Вальтендорф	77
Неудовольствие его величества	85
Изгнание	93
Небесные острова	102
Змея и лебедь на щите	112
Поклон № 7	123
Небеса и свиньи	131
Наемники императора	143

СЫН ВЕДЬМЫ, ВНУК КОЛДУНИИ (Хроника третья)

Процесс	158
Посланец от звездного мира	164
Процесс	172
Обширное и страшное одиночество	175
Процесс	185
Сильные мира сего	189
Тюрьма	195
«Звездное небо — сыновьям всей земли»	206
Строки памяти Кеплера	219
Пути небесных островов (послесловие)	220

Художник Николай Воробьев

Медведев Юрий Михайлович

КАПИТАН ЗВЕЗДНОГО ОКЕАНА (Кеплер). Ист. повесть. (Для среднего и старшего школьного возраста.) М., «Молодая гвардия», 1972.

224 стр., с илл. (Серия «Пионер — значит первый».)

Р2

Редактор Валентина Трусова

Художественный редактор Виктор Плешко

Технический редактор Тамара Цыкунова

Корректоры Зоя Федорова, Анна Стрепихеева

Сдано в набор 2/IX 1971 г. Подписано к печати 1/II 1972 г. А01133. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 7 (усл. 9,8). Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 100 000 экз. Цена 35 коп. Т. П. 1971 г., № 81. Заказ 1736.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцевская, 21.

35 коп.

25
ВЫПУСК

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ